Белорусское народное ткачество

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
Институт искусствоведения,
этнографии и фольклора

А. Н. КУРИЛОВИЧ

Белорусское народное ткачество

Минск
«Наука и техника»
1981

ББК 63.5
К 93

Редактор
В. К. БОНДАРЧИК,
доктор исторических наук

Рецензенты:
А. И. Залесский,
доктор исторических наук,
К. А. Цвирка,
кандидат исторических наук

Курилович А. Н.
К 93 Белорусское народное ткачество.— Мн.: Наука и техника, 1981.— 119 с., ил.
В пер.: 1 р. 80 к.

В книге прослеживается развитие белорусского народного ткачества с середины XIX в. до наших дней. Впервые в этнографической науке характеризуются основные процессы белорусского ткачества, его разнообразие и богатство, социальная значимость и место в художественном наследии белорусского народа. Выявляются общие черты в ткачестве восточнославянских и других соседних народов.

К $\frac{10602-127}{М316-81}$ 148—80 0508000000 ББК 63.5

902.7

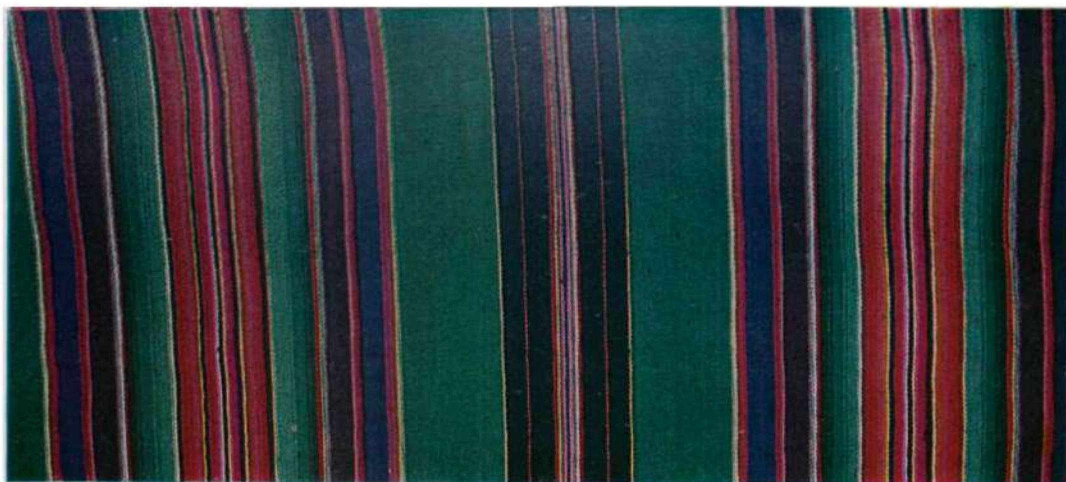
СОДЕРЖАНИЕ

Полотенце, выполненное четырехнитовой техникой. Копыльский р-н Минской обл.

Фрагмент
двухнитовой
ткани для юбки,
Могилевский р-н

Постилка «подвойная». Мядельский р-н Минской обл.

Фрагмент ткани для андарака. Минский р-н

Полотенце.
Слуцкий р-н
Минской обл.

Постилка,
узор «пальцы».
Слуцкий р-н
Минской обл.

Юбка
из клетчатой
двухнитовой
ткани.
Белыничский р-н
Могилевской обл.

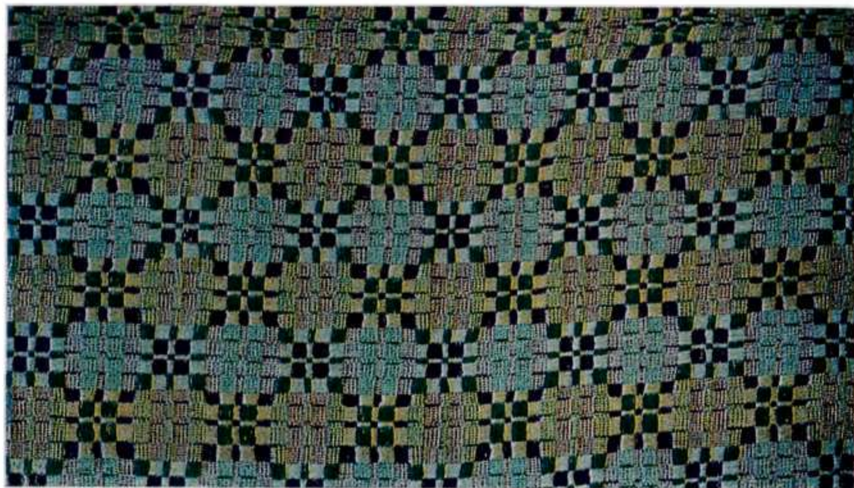
Фрагмент ткани
для саяна.
Петриковский р-н
Гомельской обл.

Постилка, выполненная четырехнитовой техникой. Каменецкий р-н Брестской обл.

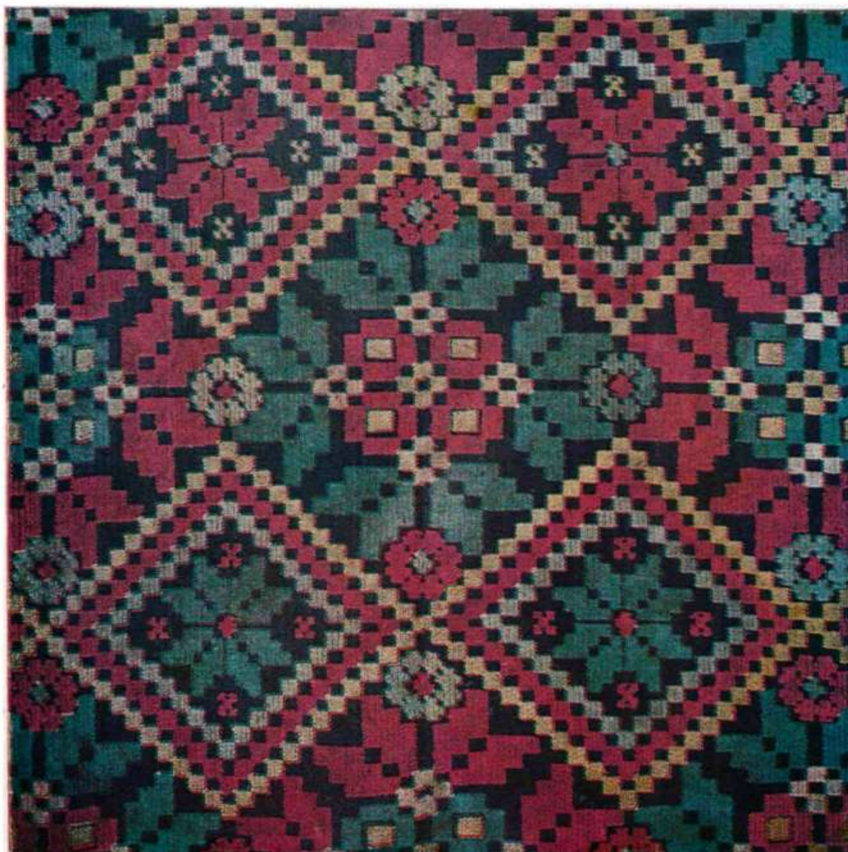
Четырехнитовая постилка. Гродненский р-н

Постилка «закладанка». Петриковский р-н Гомельской обл.

Постилка, выполненная закладной техникой. Чечерский р-н Гомельской обл.

Постилка, выполненная закладной техникой. Любанский р-н Минской обл.

Постилка «закладанка». Каменецкий р-н Брестской обл.

Постилка «укладанка». Чечерский р-н Гомельской обл.

Постилка «закладанка», узор «вянок». Чечерский р-н Гомельской обл.

Постилка, выполненная закладной техникой. Гомельский р-н

ВВЕДЕНИЕ

Ткачество отражает хозяйственно-трудовую деятельность народа, его социальное положение, принадлежность к определенной этнической группе и в известной мере является показателем уровня культуры народа на определенном историческом этапе его развития.

Для этнографов белорусское народное ткачество представляет большой интерес, так как оно тесно связано с историей народа и может служить ценным материалом при исследовании этнических процессов прошлого, этнокультурных взаимосвязей белорусов с другими народами.

Изучение белорусского ткачества приобретает особую актуальность на современном этапе, поскольку оно является богатым источником для использования и развития лучших традиций в промышленном производстве тканей, а также в художественных промыслах.

В белорусской этнографии достаточно полно исследованы такие разделы материальной культуры, как жилище, одежда, сельскохозяйственная техника, рыболовный и другие промыслы. Народное ткачество до настоящего времени не являлось предметом специального исследования. Отдельные сведения о нем разбросаны в различного рода публикациях, где ткачество рассматривается попутно с другими элементами материальной культуры.

Сведения о раннем периоде бытования ткачества (эпоха зарубинецкой культуры, а также XI—XIII вв.) содержатся в работах археологов [1].

Материалы по ткачеству белорусов XVI—XVII вв. встречаются в документах этого периода. В опубликованных материалах Виленской археографической комиссии имеются сообщения о тканях и тканых изделиях домашнего производства. Так, в жалобе Аполонии Коптяевой на Каспара Валентиновича Дембинского о разграблении имущества упоминаются «колдра, паневы на перины и подушки», говорится, что «в трех скрынях липовых находились абрусы простой работы, ручники, сарвэты, ткацкое полотно и кужельное домовой работы, и простого локоть пять» [2].

О распространении и уровне развития ткачества в Белоруссии в XVII—XVIII вв. имеются сведения в архивных источниках [3]. В рукописной работе А. К. Сержпутовского «Белорусы-полешуки» находим описания некоторых приемов обработки льна и ткачества, относящиеся к началу XX в. [4]

Систематическое собирание и публикация материалов по быту белорусов начинаются с организации Русского географического общества и распространения программ общества [5]. Однако народное ткачество в этих программах не нашло должного освещения.

---

[1] Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1971; Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3. М., 1954.

[2] Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 3.— Вильно, 1870, с. 286 (в дальнейшем АВАК).

[3] Центральный исторический музей БССР, ф. 694, оп. 2, д. 2001, л. 21; д. 3137, лл. 33—35; д. 4975, л. 84; Государственный архив Минской области, ф. 333, оп. 1, д. 30 и др.

[4] Архив Государственного музея этнографии народов СССР, ф. 1, оп. 2, д. 574.

[5] Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст.— Мн., 1964; его же. Северо-западный отдел Русского географического общества и его деятельность по изучению быта и культуры белорусов (1867—1914).— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1977, с. 17.

Оживление культурной жизни в Белоруссии в связи с отменой крепостного права и развитием капиталистических отношений пробудило интерес к изучению быта и культуры народа. Появляется ряд работ по материальной культуре белорусов. Наиболее значительный материал по ткачеству Витебщины содержится в работе Н. Я. Никифоровского [6]. Ценность данного исследования состоит в том, что к анализу материальной культуры населения Витебщины автор подходит дифференцированно, с учетом изменений, происходивших в Белоруссии во второй половине XIX в., подчеркивая, что богатые чаще используют покупные ткани, а бедняки — домотканину. Автор описывает также процесс подготовки пряжи к тканью, называет орудия прядения и ткачества, но не дает их типологии. При описании тканей указывает их бытовое назначение, но не анализирует технику изготовления.

Ценный фактический материал содержится в статье В. Добровольского «Кросно» [7]. Наряду с описанием ткацкого стана автор рассматривает и вопросы техники изготовления тканей у населения Смоленщины. Некоторые данные по народному ткачеству белорусов встречаются в трудах Е. Р. Романова, А. С. Дембовецкого, П. Бобровского, А. Сементовского, А. И. Сербова, П. В. Шейна и др.[8]

Традиционное белорусское народное ткачество являлось предметом исследования и польских этнографов. Наибольший интерес представляют работы «Речицкое Полесье» Ч. Петкевича [9], «Восточное Полесье» и «Народная культура славян» К. Мошинского [10], в которых содержится конкретный материал по народному ткачеству белорусов.

Важным источником для исследования народного ткачества являются музейные материалы. В коллекциях по материальной культуре, собранных А. К. Сержпутовским и Е. Р. Романовым и хранящихся теперь в Государственном музее этнографии народов СССР в г. Ленинграде, имеется богатый материал и по народному ткачеству белорусов. Некоторые предметы ткачества находятся в фондах Государственного исторического музея в г. Москве. Многими ценными материалами располагают музеи Белоруссии, фонды которых постоянно пополняются.

Немало внимания изучению народного ткачества уделяется в советское время. В разные годы были опубликованы статьи: «Народнае ткацтва Бабруйскай акругі» Р. П. Рака, «Шляхі развіцця саматужнага ткацтва ў

---

[6] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности.— Витебск, 1895.

[7] Этнографическое обозрение, 1902, № 1.

[8] Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. 8, 1912; Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии, т. 2, 1884; Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба.— СПб, 1863; Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии.— СПб, 1872; Сербов А. И. Белорусы-сакуны.— Пг., 1915; Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 3.— СПб, 1902.

[9] Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. —Kraków, 1928.

[10] Moszynski K. Kultura Ludowa Słowian, t. II —Warszawa, 1967; его же. Polesie wschodnie. —Warszawa, 1928.

БССР» Е. С. Рутковского, статьи Н. И. Камсюк, альбом З. И. Астрейко и др.[11]

В послевоенные годы опубликован ряд трудов по этнографии восточных славян, в которых значительное место отводится вопросам материальной культуры белорусов. К ним в первую очередь следует отнести исследование Н. И. Лебедевой «Прядение и ткачество восточных славян»[12], в котором для сравнительного анализа широко используются материалы по ткачеству белорусов. Для исследователей народного ткачества эта работа представляет несомненную ценность, поскольку в ней впервые дается типология орудий обработки сырья и ткачества, анализируется техника изготовления тканей.

Состояние изучения белорусского народного ткачества показывает, что обращение к этой теме не случайно. Богатый и ценный материал по народному ткачеству белорусов не должен исчезнуть бесследно. Проблема собирания и изучения традиционной материальной культуры белорусов всегда волновала этнографов. Еще в начале XX в. Е. Р. Романов призывал: «Надо спешить с описанием быта, исчезающего уклада, иначе нивелирующая рука времени быстро изгладит все особенности жизни, а сменяющее нас поколение этнографов уже не найдет в ней национальных черт»[13].

В основу настоящей работы положены экспедиционные материалы, собранные автором в 70-х годах. Сбор материалов проводился по специально разработанной программе, включающей вопросы по обработке сырья, прядению, орудиям ткачества, технике изготовления тканей, их орнаментации и т. д. Кроме того, в экспедициях собирался иллюстративный материал: делались многочисленные зарисовки и фотоснимки различных орудий, тканей и др.

Все это дало возможность представить довольно полную картину белорусского народного ткачества.

Изучив и систематизировав все имеющиеся материалы, автор работы ставит целью дать развернутую характеристику белорусского народного ткачества, проследить, как оно развивалось на протяжении двух социально-экономических формаций — капиталистической и социалистической; показать распространение различных элементов народного ткачества на территории Белоруссии и за ее пределами; выявить общие черты в белорусском народном ткачестве с восточнославянскими и соседними, неславянскими, народами, что важно для решения проблем этногенетического плана; раскрыть характер творческого использования элементов традиционного ткачества на современном этапе.

---

[11] Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі, т. 2.— Мн., 1929; Камсюк Н. И. Современное ткачество Слутчины.— Декоративное искусство СССР, 1957, № 1; ее же. Народнае ткацтва Случчыны.— Беларусь, 1957, № 12; ее же. Тэхніка сучаснага хатняга ткацтва Случчыны.— Беларускі этнаграфічны зборнік. Мн., 1958; ее же. Народнае мастацкае ткацтва Случчыны.— Мн., 1959; Астрэйка З. І. Беларускі тканы і вышыты арнамент бранай і закладной тэхнікі.— Мн., 1929.

[12] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

[13] Романов Е. Р. Внешний быт Быховского белоруса.— Записки Северо-Западного отдела Русского географического общества, кн. 2.— Вильно, 1911, с. 76.

Сырье и традиционные способы его обработки

ОБРАБОТКА ЛЬНА

В конце XIX — начале XX в. основным сырьем для изготовления тканей в домашних условиях у белорусов, как и у других восточнославянских и соседних народов — литовцев, латышей, поляков,— являлись волокнистые растения и овечья шерсть.

Многим народам мира с древних времен известен лен. Его следы обнаружены при раскопках свайных поселений в Швейцарии за восемь тысяч лет до н. э. В Египте лен знали за три тысячи лет до н. э.[1] На территории Белоруссии, по данным археологии, лен был известен во II в. до н. э.[2] О широком использовании льна на территории Белоруссии свидетельствуют археологические находки, относящиеся и к более позднему времени — XI—XII стст.[3] О ценности и важности льна в крестьянском хозяйстве говорят письменные источники XVIII ст.[4]

В конце XIX — начале XX в. лен как сырье для ткачества имел повсеместное распространение. Выращивали его в каждом крестьянском хозяйстве. Даже в тех случаях, когда условия (малоземелье) не позволяли сеять лен на своем участке, крестьяне арендовали землю чаще всего за отработки[5].

Районами наиболее интенсивного льноводства являлись Витебская, северная часть Могилевской и белорусские уезды Виленской губернии[6]. Отсюда лен в большом количестве экспортировался и за пределы Белоруссии. Если в России сбор льняного волокна составлял 16—20 млн. пудов (56% волокна, получаемого в мире), то только на Витебщину припадало около 2 млн. пудов[7]. Развитие льноводства в северных районах Белоруссии объясняется благоприятными природными условиями. Кроме того, здесь, особенно в помещичьих хозяйствах, для выращивания льна использовались достижения агрономической науки, что в силу социально-экономических условий для основной массы крестьянства было недоступно. В крестьянском быту применялись фенологические знания, накопленные на протяжении многих веков и передававшиеся из поколения в поколение. Особенно много примет связано с посевом льна. Благоприятными считались дни, когда на небе было много облаков, а также фаза полнолуния. Для посева льна выбирали определенные дни недели. Считалось, что лучше всего сеять лен в пятницу и субботу. В понедельник старались не сеять — тяжелый день, вторник — будет плохой всход, среда — злой день — волокно будет жестким, четверг — будут нападать черви[8]. Существовало также много примет, связанных и с будущим урожаем

[1] Соколов Е. Е. Льноводство Белоруссии и перспективы его развития.— Мн., 1974, с. 6.

[2] Чернявский М. М. Исследования неолитических поселений на Кривинском могильнике.— В кн.: Доклады к конференции по археологии Белоруссии. М., 1969, с. 87.

[3] Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3. М., 1954, с. 56.

[4] АВАК, т. 35, 1910, с. 156.

[5] Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі, т. 2.— Мн., 1929, с. 208.

[6] Гісторыя БССР, т. 1.— Мн., 1973, с. 93.

[7] Отчет о действиях Общества витебских сельских хозяев за 1897 г.— Витебск, 1899, с. 44.

[8] Сержпутоўскі А. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. — Мн., 1930, с. 60.

льна. Например, чтобы лен рос чистым, без сорняков, на пасху не рекомендовалось подметать пол. По той же причине, отправляясь в поле, сеятель нес семена в белоснежной скатерти. Хорошей приметой считалось встретить по дороге на поле мужчину и плохой — беременную женщину: лен будет расти сорным и, что особенно страшно, его «абкруціць павітуха» («бярозка», «чарэўка»). Траву, вырванную во время прополки льна, хранили до Ивана Купалы (на Брестчине), а потом сжигали на купальском огне, приговаривая: «Чарэўка ў мора, а мой лён угору» [9].

Посев льна сопровождался различными пожеланиями и заклинаниями. Например, перед началом сева крестьянин сам себе приговаривал: «Светлы дзень, як вакно, урадзіся добрае валакно».

Весь процесс, связанный с обработкой льна и изготовлением тканей, выполнялся вручную и сохранил в себе древние черты, что засвидетельствовано в фольклоре. В сказке «Падчарыца і чэрці» [10] называются все этапы обработки льна: лен нужно вначале «пасеяць», потом «палоць», «брацъ», «слаць», «мяць», «трапаць», «часаць», «прасці», «снаваць», «ткаць».

Если при посеве льна чаще был занят мужчина, то в дальнейшем, начиная с прополки и дерганья льна, все работы выполнялись в основном женщинами.

Убирали («рвалі», «бралі») лен в основном во второй половине августа. Перед этим внимательно следили за тем, чтобы лен не «перастаяў», а то «прадзіва не будзе». Поэтому убирали его в момент, когда головки становились светло-коричневыми, а стебли приобретали зеленовато-желтый цвет. В ряде мест (Чериковский у. Могилевской губ.) за один сезон снимали два урожая. Поэтому лен дергали часто недозревшим, а участок сразу засевали вторично. При этом получали только волокно, а семена, как правило, не вызревали.

Вырванный лен вязали в снопики. Каждый состоял из одной-двух горстей («жменя»), перевязанных посередине «перавяслам». Для просушки лен составляли в бабки («кучкі») по десять снопиков. На юго-востоке (Мозырский и Речицкий у.) снопики вязались несколько иначе: горсти клали одна на другую и связывали в виде буквы «Х». Ставили их не в бабки, а в ряды по десять штук. На юго-западе Белоруссии лен не вязали вообще, а ставили в бабки в виде конуса. На востоке, как и в России, вырванный горстями лен клали прямо на землю не связывая.

Дальнейшая обработка льна предусматривала процесс отделения головок от стеблей. Известны два способа — обивание и обрывание. Наиболее распространенный и древний способ у белорусов—обивание. Орудием служил деревянный валек («пранік», «пральнік», «праднік», «прач»). Это чаще всего березовый

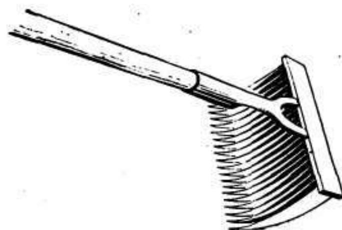

Рис. 1. Ножи для обрывания льняных головок. Лепельский у. Витебской губ.

[9] Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР, ф. 6, оп. 13, д. 13. л. 13 (в дальнейшем АИЭФ АН БССР).

[10] Романов, Е. Р. Белорусский сборник, т. 1, вып. 3.— Витебск, 1887, с. 365.

прямоугольный в сечении брусок длиной 25—30 см (до ручки). Валек у восточных славян известен с древнейших времен и, как свидетельствуют археологические данные, широко использовался уже в *VII* в. О распространении этого орудия на территории Белоруссии говорят более поздние данные, относящиеся к XI—XIII вв.

Менее распространенный способ — обрывание льняных головок при помощи ножей («драчок»). По внешнему виду драчок напоминал тяпку с зубьями, только в отличие от последней зубья здесь были с острыми лезвиями.

Использование ножей — явление позднее. Первые упоминания о них *относятся ко второй половине* XVIII в.[11] Обрывание льняных головок характерно в основном для севера Белоруссии и известно также русским и литовцам[12].

Льняные головки некоторое время бидозревали на солнце, а затем их «били» вальком.

Следующий процесс обработки льна связан уже с получением волокна. Первый этап — смягчение льняной соломки. Белорусы, как и другие восточнославянские и соседние народы (литовцы, латыши), лен или расстилали, тогда треста смягчалась под воздействием росы, дождя и солнца, или мочили непосредственно в воде. Это ответственный и важный процесс, поскольку от него в значительной степени зависело качество будущего волокна. Поэтому среди крестьянства бытовали различные приметы, верования, связанные с расстиланием льна. Считалось, что в день, когда собирались расстилать лен, нельзя ничего трясти, «а то віхор пакруціць лён». Для того чтобы волокно было мягким и белым, лен старались расстилать под новолуние. С этой же целью первую горсть расстилали в виде кружка — «сонейка» (Могилевщина), «месячыка» (Гомельщина), начиная с востока. У русских (Брянщина) такой кружок назывался «зеркало» — «лен будет смотреться в зеркало и будет чистым волокно». Наиболее подходящим временем для расстилания льна считалась вторая половина августа, время наиболее обильных рос. Для расстилания льна обычно выбирали невысокие ровные места.

Для всей территории Белоруссии характерен *один способ* расстилания — рядами. Держа в левой руке горсть тресты и медленно продвигаясь, женщина расстилала соломку, стараясь распределять ее как можно равномернее.

Сроки вылеживания льна зависели от погоды. Если часто проходили дожди и стояла теплая погода, то лен мог «вылежаць» за три-четыре недели. При сухой погоде лен был готовым через пять-шесть недель. Готовность его проверяли одним способом: брали несколько стеблей и разминали в руках. Если древесина

---

[11] Историческое и хозяйственное описание Полоцкого наместничества вообще, частично городов и уездов оного с приложением генеральных геометрических карт всего наместничества и прочих уездных карт особо с городскими планами и гербами, собранное и в порядок приведенное... (б-ка им. Салтыкова-Щедрина, ф. Вольного экономического общества, № 42, оп. 405).

[12] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, с. 475; Глемжайте М. Н. Домашняя обработка льна и шерсти в северо-восточных районах Литовской ССР. Материалы балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1952 г.— М., 1954, с. 46.

легко отставала от волокна, значит лен «вылежаў» и его можно поднимать («падбіраць»). Поднятый лен вязали в большие снопы («кулі», «пукі», «вязанкі»).

Мочение практиковалось в основном в районах товарного производства льна. Волокно льна-«мачанца» отличалось прочностью и белизной и пользовалось большим спросом на рынке.

После расстилания волокно получалось очень мягким, но менее прочным и с желтоватым оттенком, поэтому крестьяне часто использовали комбинированный способ: сначала в течение 10—12 дней лен мочили, а затем дней на 10 (в зависимости от условий погоды) расстилали.

Следующий процесс — подготовка льна к мятью. Заключался он в отделении волокна от древесины и выполнялся обычно осенью после окончания всех полевых работ. Чтобы облегчить труд, лен предварительно сушили. Белорусам были известны разные способы сушки льна. Как отмечают информаторы, лучше всего сушить лен на солнце. Волокно в этом случае получается очень мягким, поскольку здесь исключена возможность пересушить его. Способ сушки льна на солнце довольно древний и кроме белорусов известен другим славянским народам [13]. Однако в связи с тем, что этот процесс припадает на осень, сушка льна на солнце не характерна для Белоруссии и встречается только на юге (Пинский у.). В западных районах (Слонимский у.) лен сушили над ямой, на дне которой разводили костер, а сверху делали настил из жердей, где раскладывали тресту и затем периодически переворачивали ее.

Лен сушили также в печи или на печи и в специальных сооружениях. Способ сушки в печи и на печи известен на всей территории Белоруссии, но преобладал в центральных и южных районах, где лен сеяли в небольшом количестве. На Витебщине и в северной части Могилевской губернии лен сушили чаще всего в гумнах. Здесь, как известно, были распространены гумна с сушилкой [14]. На юго-востоке лен часто сушили в овинах — «ёўнях». Нередко для этой цели использовали бани.

Высушенный лен начинали мять. На Полесье было известно поверье: чтобы волокно получалось мягким и шелковистым, лен должны начать мять девушки с распущенными волосами.

В конце XIX — начале XX в. мятье льна, как и другие процессы его обработки, выполнялось вручную, при помощи специального орудия — мялки («мялка», «мяліца», «церніца», «тэрніца»), известного всем славянским и другим народам.

Мы не располагаем данными о бытовании этого орудия у белорусов в древности и тем более о его конструкции. Однако археологические находки и реконструкция найденных орудий дают возможность предположить, что в IX—XIV вв. славянские народы для обработки волокна использовали специальные орудия, в том числе и льномялки. По предположению, высказанному М. Моравковой [15], в древности волокно могли

[13] Moszyński K. Kultura Ludowa Słowian.— Warszawa, 1967, s. 310.

[14] Беларускае народнае жыллё.— Мн., 1973, с. 86.

[15] Moravkova M. Tools processing fibers among vestern and eastern Slavs in the historikal period. —Etnologia Slavika, 1971, 2, s. 87.

обрабатывать ручной или ножной мялкой. На основании лингвистических данных А. И. Вишняускайте предполагает бытование ножной льномялки у литовцев. Как отмечает автор, до возникновения такого орудия лен мяли ногами [16]. Мятье льна ногами было известно и белорусам и сохранялось еще в XX в. на юге, где лен мяли ногами для того, чтобы смягчить стебли перед обработкой их на мялке. На остальной части Белоруссии в конце XIX — начале XX в. повсеместно использовалась, как уже отмечалось, ручная мялка.

До настоящего времени нет единой классификации мялок. К. Мошинский классифицировал мялки в зависимости от формы верхней, подвижной, части, выделяя мялки с двухдельным и однодельным билом [17]. Н. И. Лебедева, рассматривая льномялки у восточных славян, классифицирует их исходя из конструкции нижней, неподвижной, части и таким образом выделяет наклонные, горизонтальные и вращающиеся мялки [18]. А. А. Лебедева делит мялки на наклонные двухреберные, наклонные однореберные и горизонтальные, однореберные и двухреберные [19]. И. А. Лейнасаре выделяет только ствольные и дощатые мялки [20]. А. И. Вишняускайте делит все мялки на две группы — ствольные и дощатые, выделяя при этом различные типы в зависимости от формы верхней части. Придерживаясь классификации А. А. Лебедевой, мы выделяем мялки двух основных типов: наклонные двухреберные и однореберные и горизонтальные двухреберные и однореберные. Каждый тип мялок имел свой ареал распространения (рис. 2). Для северных и восточных районов Белоруссии характерна наклонная мялка («мяліца», «мяльніца»). Особенность ее конструкции заключалась в том, что корпус изготавливался из ствола дерева длиной более полутора метров, выкопанного с корнями, которые служили ножками. Верхняя часть ствола снималась по длине и из нее делали било, которое вставлялось в отверстие, выдолбленное в оставшейся части ствола. Мялка находилась в наклонном положении, так как другой ее конец лежал на земле. Однореберная, или мялка с билом мечеподобной формы, характерна для востока Белоруссии, а двухреберная — для северных районов.

Другой тип мялки — горизонтальная, изготовленная из досок. Представляла собой две дощечки («шчочкі»), соединенные так, что между ними получалось отверстие, в которое сверху заходило било («язычок»). Крепилась мялка на ножках. Как и наклонные, горизонтальные мялки делились на однощелевые и двухщелевые. В двухщелевых верх-

---

[16] Вишняускайте А. И. Ручная льномялка.— В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975, с. 92.

[17] Moszyński K. Kultura Ludowa Słowian, s. 92.

[18] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 466.

[19] Лебедева А. А., Бежкович А. С., Жегалова С. К., Просвиркина С. Хозяйство и быт русских крестьян.— В кн.: Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959, с. 73—74.

[20] Лейнасаре И. А. Льноводство и льноводческие орудия в Латвии во второй половине XIX — начале XX в.— В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики, с. 88.

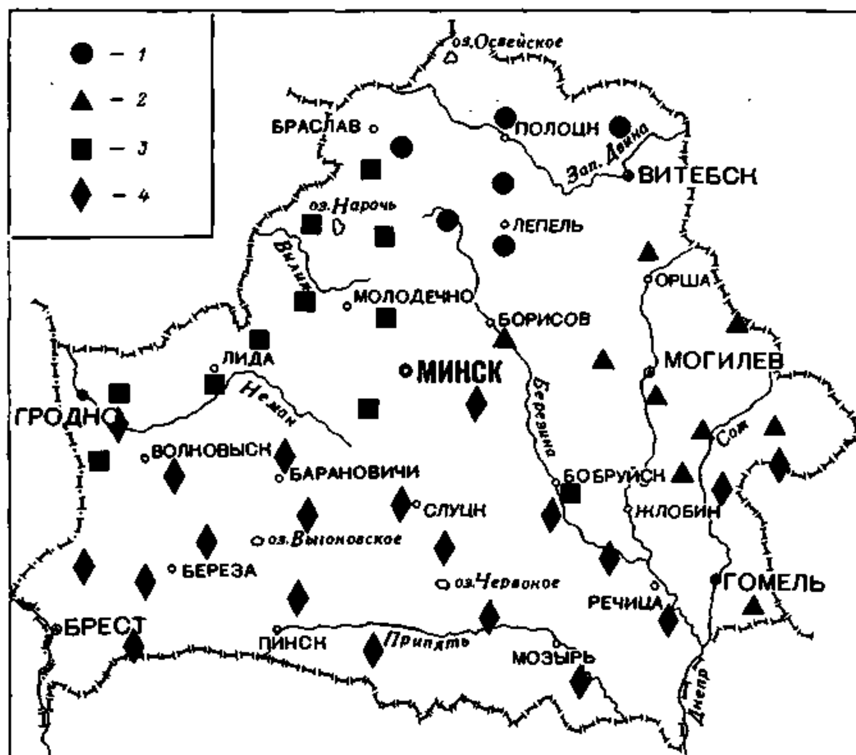

Рис. 2. Типы мялок: 1 — наклонная двухщелевая; 2—наклонная однощелевая; 3—горизонтальная двухщелевая; 4—горизонтальная однощелевая

няя часть состояла из трех дощечек (рис 3, *в*), а било делалось двухреберным. Двухщелевые горизонтальные мялки не имели широкого распространения у белорусов и бытовали главным образом на северо-западе, т. е. в районах, пограничных с Литвой. Здесь, как и в Литве, практиковалось двухстадиальное мятье льна. На первой стадии (ломка древесины) использовалась мялка более крупных размеров («мядзведзь»), на второй стадии (мятьё) — меньших размеров («козачка»). На юго-востоке Белоруссии ломку костры производили на наклонной мялке («бітка», «ламаха»), а затем волокно обрабатывали на «церніце». Горизонтальные двухщелевые мялки были известны у литовцев, а также у латышей [21].

В отличие от наклонной мялки горизонтальная имела ряд конструктивных особенностей.

В центральных районах использовалась мялка, которая включала в себя элементы обоих типов. Делалась она, как и наклонная, из ствола дерева, но укреплялась горизонтально. Ножками в ней с одной сто-

[21] Вишняускайте А. И. Ручная льномялка.— В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики, с. 97; Лейнасаре И. А. Льноводство и льноводческие орудия в Латвии во второй половине XIX — начале XX в.— Там же, с. 88.

роны служили корни, с другой стороны мялка крепилась на стойке (рис. 3, *е*). Возможно, такой вариант мялки можно отнести к переходному типу от наклонной к горизонтальной.

На юго-западе Белоруссии была известна мялка, которая с одной стороны крепилась на стойке, а с другой вставлялась в специальное отверстие, сделанное в стене или же в прибитой к стенке доске (рис. 3, *д*). Граница распространения такой мялки проходит через Любань — Столин — Пинск — Малориту — Пружаны — Барановичи.

В восточных районах известна мялка-«двухручка». На ней могли одновременно работать две женщины, поскольку в такой мялке от центра вставлялись два язычка (рис. 3, *ж*). На юго-востоке были распространены «карагоды» — четыре мялки, соединенные вместе, на которых работали одновременно четыре женщины (рис. 3, *з*).

Названия горизонтальной мялки в отличие от наклонной несколько разнообразнее. Наиболее распространенное — «церніца», в районах, пограничных с Украиной,— «тэрніца», «тарніца», на юго-востоке — «кляшчотка», в северо-западных районах, как и для наклонной, существовало название «мяліца».

Принцип работы на всех мялках одинаковый. Обычно в левую руку брали горсть льняной тресты и кла-

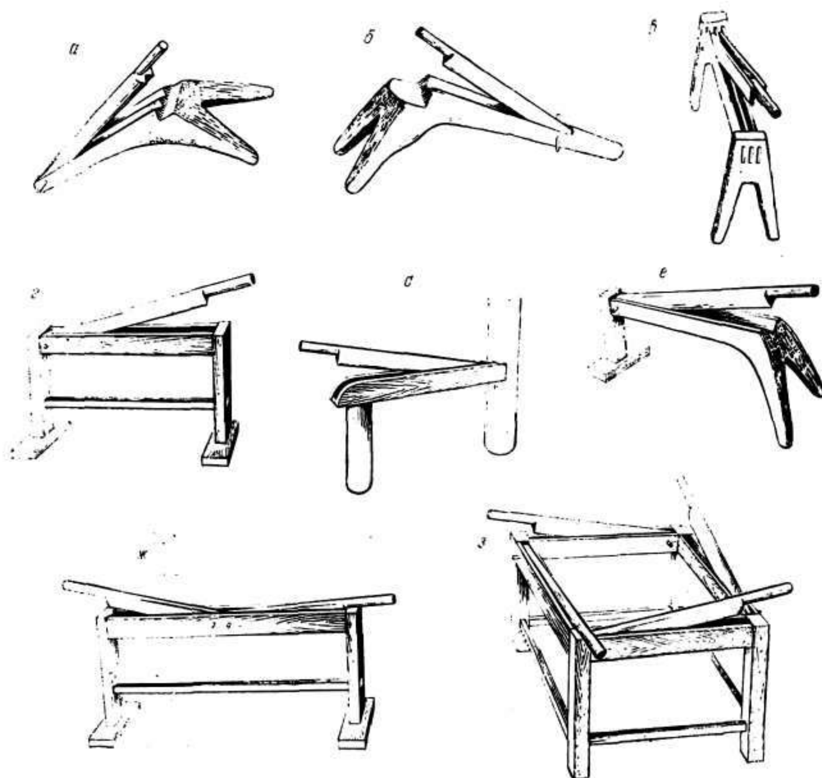

Рис. 3. Типы мялок: **а** — наклонная двухщелевая. Лепельский у. Витебской губ.; **б** — наклонная однощелевая. Могилевский у.; **в** — горизонтальная двухщелевая. Вилейский у. Витебской губ.; **г** — «церніца». Бобруйский у. Могилевской губ.; **д** — «церніца». Мозырский у. Минской губ.; **е** — «церніца». Бобруйский у. Могилевской губ.; **ж** — «церніца-двухручка». Бобруйский у. Могилевской губ.; **з** — «карагод». Чечерский у. Могилевской губ.

ли на основу мялки, а правой поднимали и опускали било. Стебли сгибались и заходили между «рэбрамі», или «шчокамі», древесина ломалась и осыпалась через отверстия мялки.

В конце XIX и особенно в начале XX в. в районах развитого льноводства, в частности на Витебщине, начали использовать льномяльные деревянные машины, приводящиеся в движение лошадьми. Наряду с ними была известна и ручная льномяльная машина, состоящая из круглого валика, укрепленного на шестеренках. Работа на ручной льномялке осуществлялась поворачиванием валика то влево, то вправо. Процесс мятья льна на машине был довольно медленным, но, как отмечают информаторы, работать на ней было легче, чем на обычной ручной мялке. Ручные льномяльные машины не имели широкого распространения и первоначально появились в более крепких хозяйствах. Чаще всего на всю деревню была одна такая машина, и крестьяне мяли свой лён за последующие отработки. В конце XIX — начале XX в. основным орудием обработки льна по-прежнему оставалась ручная мялка.

После мятья волокно трепали, т. е. очищали от мелких кусочков костры. Белорусы, как и другие славянские народы, с древних времен для этой цели использовали специальное орудие — трепало («трапло», «трапушка», «трапачка», «трапышка»). По археологическим данным, трепало на территории восточных славян было известно уже в VII в.[22] Оно представляло собой тонкую дощечку примерно 40—45 см длиной, 6—8, иногда немного больше сантиметров шириной.

В конце XIX — начале XX в. на территории Белоруссии были распространены два основных типа трепал — мечеподобное и лопатоподобное (рис. 5, *а*, *б*). По данным Н. И. Лебедевой, у белорусов было известно трепало ножеподобной формы[23]. Трепало мечеподобной формы распространено в основном на юге

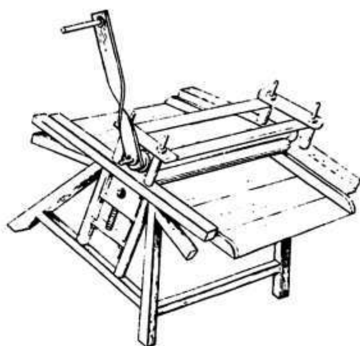

Рис. 4. Льномялка. Драгичинский р-н Брестской обл.

Белоруссии, захватывая центральные районы; трепала лопатоподобные — в основном в северных и восточных районах (рис. 6). Анализируя и сравнивая способы и орудия трепания, мы выявили прямую зависимость между способом трепания и формой трепала. Так, в районах распространения лопатоподобного трепала волокно очищали на весу. Женщина в левой руке держала горсть («жменя», «трапашка», «павесма», «мычка» и др.) волокна, а в правой — трепало и ударяла им

---

[22] Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги.— Советская археология, 1964, X, XXI, с. 349.

[23] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 478.

по волокну. Иногда же она одновременно размахивала волокном и трепалом, ударяя их друг о друга.

В районах распространения трепала мечеподобной формы использовали подставку («трапачку»). Высота подставки достигала одного метра. На юго-западе Белоруссии (Каменецкий р-н) «трапачка» делалась невысокой (40—45 см), так как здесь трепали лен сидя. На юго-востоке вместо подставки использовали «церніцу» или «жлукто» — приспособление для золения белья.

В процессе трепания вместе с кострикой отбивалось и самое низкокачественное волокно — «патропкі», «пакулы», «пакулле», «патрыпкі», «вал», «атрэп'е» и др. Такое волокно, как правило, для изготовления тканей не употреблялось, а шло на другие хозяйственные нужды и только иногда использовалось для обучения девочек прядению.

В конце XIX — начале XX в. в районах наиболее интенсивного льноводства появляются ручные, а также ножные трепальные машины, которые долгое время сохранялись в Белоруссии. Такие машины использовались в колхозных хозяйствах еще в первые послевоенные годы [24]. В процессе трепания волокно не полностью очищалось от кострики и еще не было готово к прядению. Поэтому после трепания лен чесали. В результате волокно не только очищалось от мелких кусочков древесины, но расщеплялось на мелкие волоконца, что делало его более мягким и шелковистым.

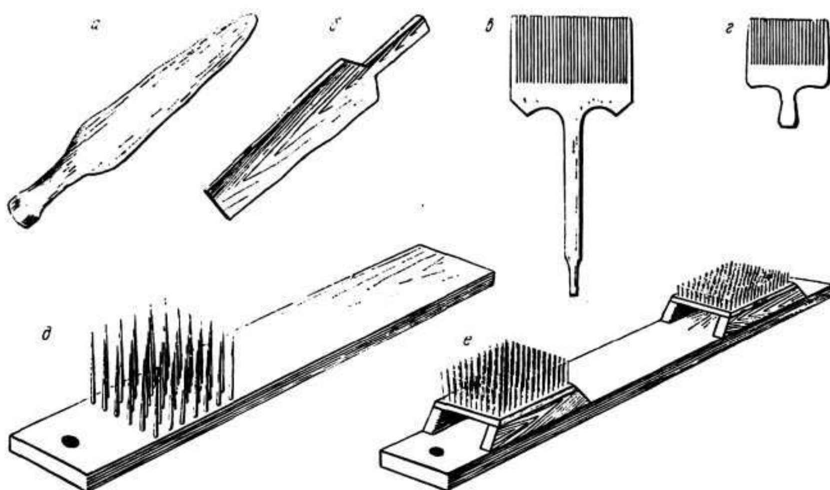

Рис. 5. Орудия для трепания и чесания волокна: а—трепало мечеподобной формы. Слуцкий у. Минской губ.; б—трепало лопатоподобной формы. Полоцкий у. Витебской губ.; в, г—гребни деревянные для чесания волокна. Речицкий у. Минской губ.; д—гребень с набитыми деревянными зубьями. Борисовский у. Минской губ.; е — гребень с железными зубьями. Новогрудский у. Гродненской губ.

Волокно чесали деревянными или металлическими гребнями. Наиболее древний из них деревянный.

Белорусам известны два типа деревянных гребней. Первый — наиболее древний — лопатоподобной формы (рис. 5, *в*). Он был распространен на Полесье, а также на востоке Белоруссии (Могилевская губ.). Изготавливался такой гребень из одного куска дерева (осины, березы). На

[24] АИИЭФ, картотека, рис. 8.

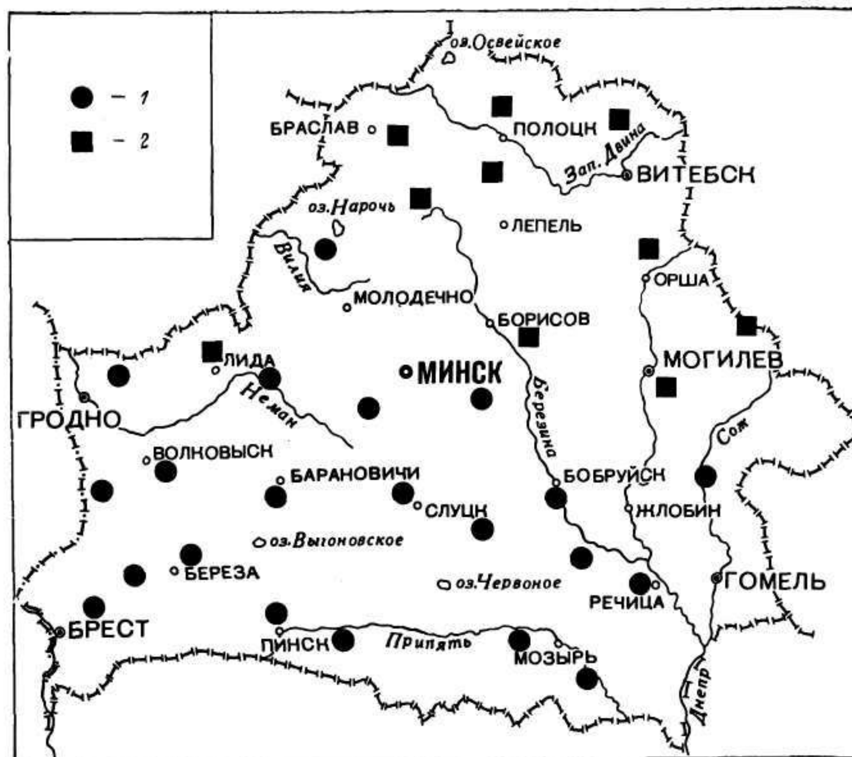

Рис. 6. Типы трепал: 1—мечеподобное; 2—лопатоподобное

лопасти шириной 20—45 см вырезались зубья длиной 20—25 см, лопасть переходила в ручку длиной 80—90 см. В процессе работы гребень клали на край скамьи так, чтобы зубья оставались за скамьей, а ручка, на которую садилась женщина,— на скамье. В правую руку она брала горсть волокна, опускала на зубья гребня и протягивала его между ними.

Другой тип деревянного гребня представлял собой доску прямоугольной формы, длиной примерно в один метр, шириной 30—40 см, в центре которой укреплялась небольшая круглая или квадратная дощечка с набитыми на ней заостренными деревянными палочками («цвічкамі») (рис. 5, *д*). Основные районы распространения гребня второго типа — север Белоруссии (Витебщина, северная часть Минской губ.).

В конце XIX — начале XX в. наряду с деревянными широкое распространение получают гребни с металлическими зубьями (рис. 5, *е*).

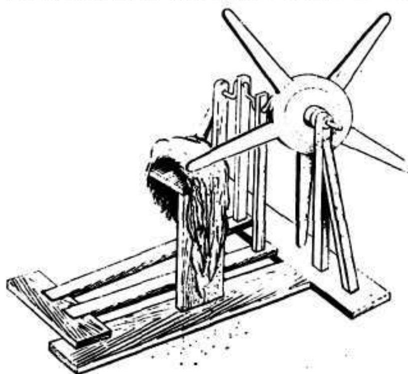

Рис. 7. Льнотрепалка. Дрогичинский р-н Брестской обл.

ОБРАБОТКА ЛЬНА

Прежде всего они появились в хозяйствах помещиков и мещан [25]. В начале XX в. металлические гребни имели уже довольно широкое распространение. Часто их покупали, но широко пользовались и самодельными. Покупные гребни были с металлическими зубьями, а самодельные с обычными гвоздями. Набивались они на одном конце густо, а на другом реже. Волокно в данном случае чесалось дважды: сначала на редких, затем на частых зубьях.

Для чесания волокна использовались и щетки. Изготавливали их преимущественно из свиной щетины, которую связывали в пучки. С одной стороны пучок покрывался смолой, чтобы щетинки не рассыпались. На Витебщине щетки для чесания волокна делали также из шкуры ежа. Ими пользовались в тех случаях, когда хотели получить очень тонкое полотно. Тогда волокно после чесания на гребне дополнительно чесали щеткой. Известно даже такое выражение: «часаць лён на ваду». Это означает, что волокно чесали над водой до тех пор, пока на воду не опадала даже пыль.

Отходы от чесания — очесы («пачыссе», «абдзіркі», «зрэб'е», «вярхоўе» и др.) расколачивались веретеном и скручивались в трубку («кудзелю»), а волокно, полученное после чесания,— кужель («кужаль», «лён», «ляп») скручивалось в «куклачкі», «круцелькі» или же сплеталось в косы и в таком виде хранилось до прядения.

[25] Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния, ч. 2.— СПб, 1863, с. 331.

ОБРАБОТКА КОНОПЛИ

Конопля как сырье для ткачества не имела у белорусов широкого распространения, хотя выращивали ее довольно много, особенно в Могилевской, а также в юго-восточных районах Минской губернии, откуда она вывозилась и за границу.

В крестьянском быту ее чаще использовали для различных хозяйственных нужд: изготовления веревок, обор и др. В редких случаях пряжу из пеньки употребляли для утка при изготовлении скатертей, полотенец и т. п.

Конопля — теплолюбивая культура, и время сева ее припадало в основном на начало июня. В отличие от льна коноплю рвали в два этапа. Вначале рвали мужские стебли («пласканне», «плоскунь»), которые не давали семян; волокно в них было мягкое и шло на изготовление тканей. Женские стебли («мацеркі», «майткі») рвали позже, после того как созреют семена.

В целом процесс обработки конопли почти совпадает с обработкой льна. Но в отличие от льна, который не всегда мочили, а только расстилали, коноплю мочили обязательно, так как древесина ее более грубая.

Перед мятьем коноплю также «били» вальком, чтобы древесина легче отставала от волокна. На Полесье иногда делали специальные «церніцы» для мятья конопли. По конструкции они идентичны обычным, но язычок у них делали из твердых пород дерева, чаще из дуба. Мялка для конопли была несколько больших размеров. Трепали коноплю так же, как и лен.

ОБРАБОТКА ШЕРСТИ

После льна самым распространенным сырьем для изготовления тканей являлась овечья шерсть («воўна»). В основном она использовалась для утка. Ткани из чистой «воўны» в крестьянских хозяйствах изготавливались редко.

В процессе получения и обработки шерсти внимание акцентируется на трех основных моментах: стрижке овец, мытье и чесании «воўны».

Стригли овец обычно один-два раза в год. Первый раз весной, когда устанавливалась относительно теплая погода, чаще во второй половине мая [26]. По этому поводу в народе сложилась поговорка: «Да Міколы не сей грэчкі, а да ўшэсця не стрыжы авечкі».

Второй раз стрижку производили поздней осенью. Шерсть, полученная при осенней стрижке, была более качественной. Перед стрижкой в большинстве случаев овец мыли. Для этого в реке, озере или сажалке делали специальные заграждения.

Стригли овец обычно женщины. Во время стрижки шерсть сортировали. Лучшей считалась шерсть, снятая со спины,— «хрыбтовая». Менее качественной — с ног и головы. Самой высокосортной была «паяркавая воўна» — шерсть молодых ягнят.

В конце XIX — начале XX в. на всей территории Белоруссии овец стригли специальными ножницами («нажніцы»). Судя по археологическим данным, ножницы для стрижки овец были известны на территории Белоруссии еще во II—V вв. н. э.[27] Представляли они собой железную пластинку, согнутую посередине, напоминавшую латинскую букву γ («гамма»). Работали ими следующим образом. Держа ножницы за среднюю, изогнутую часть, женщина периодически сжимала и разжимала их, приводя в движение таким образом концы пластинок, служивших лезвием.

После стрижки «воўна» подлежала дальнейшей обработке. В тех случаях, когда перед стрижкой овец не мыли, шерсть промывали в тепловатой воде, а затем сушили. Просушенную шерсть очищали от различных колючек и «скублі», т. е. каждый клочок «воўны» разводили пальцами, затем чесали на гребне. Женщина брала определенное количество «воўны» и протягивала ее между зубьями деревянного лопатоподобного гребня то вправо, то влево. Этот способ характерен в основном для востока Белоруссии. В западных районах шерсть обычно чесали при помощи щетки, которая представляла собой две прямоугольные дощечки с набитыми на них гвоздями. На одну из них клали шерсть, а второй чесали.

Для восточных районов характерно «разбивание» шерсти при помощи «смыка» — согнутой палочки с натянутой на ней струной. «Воўну» клали на специальную решетку из деревянных дощечек; держа над шерстью смык, ударяли по струне, чем приводили ее в колебание; ударяясь о шерсть, струна разбивала ее.

В конце XIX — начале XX в. наряду с традиционными способами чесания овечьей шерсти на всей территории Белоруссии, в основном в городах и местечках, широко использовались специальные чесальные машины — «ваўначоскі».

[26] Бобровский П. Материалы для географии и статистики России..., с. 132.
[27] Очерки по археологии Белоруссии, ч. 1.— Мн., 1970, с. 174.

ПРЯДЕНИЕ

Прядение — превращение волокна в нить. Это довольно трудоемкий и важный процесс. Оттого, как спрядено волокно, в значительной степени зависело качество готовой ткани.

Время прядения приходилось в основном на ноябрь и тянулось примерно до марта. Прядением занимались женщины во все дни недели, за исключением праздников и воскресений, когда они могли отдохнуть от тяжелой работы. Этот момент нашел отражение в народных песнях:

Ой, кудзелька мая, ды назола мая,
Я цябе прала і ў дзень, і ў ночы,
А ты на мяне вырачыла вочы.
Пайду ў лужочак, выражу пруточак,
Заганю кудзельку ў цёмненькі куточак.
Ой, стой, кудзелька, аж да
панядзелка.[28]

Длинными зимними вечерами девушки обычно собирались на посиделки — «вячоркі», «вечарушкі», «супрадкі», «попрадкі» и др. На юго-востоке был известен еще термин «хвацеры»: «Зімою хадзілі прасці на хвацеры»[29]. Для этого поочередно договаривались с одним или несколькими хозяевами и за определенную плату пряли в их домах в течение всей зимы. Совместное прядение — обычай довольно древний, берет свое начало с эпохи родового строя, когда для этих работ отводился специальный дом[30]. Позже этот обычай приобрел форму «посиделок».

О том, что прядение всегда было сугубо женской работой, свидетельствуют в первую очередь археологические данные, из которых мы узнаем, что еще в доисторические времена при захоронении женщины вместе с нею клали отдельные части орудия для прядения, в частности пряслица. Прядение как специфика женского труда нашло свое отражение и в изобразительном искусстве. В композиции «Благовещенье» в Софийском соборе в Киеве богоматерь Мария изображена за прялкой[31].

По литературным источникам, а также экспедиционным материалам, в Белоруссии конца XIX — начала XX в. прядение также являлось сугубо женской работой. Только в редких случаях, когда в семье не было девочек, прядением занимались мальчики. «Но, как подрастут, то должны уметь сделать соху, борону, построить избу, а девочки должны уметь прясть и ткать»[32].

Обучать девочек прядению начинали примерно с семи-восьми лет. Начинающим пряхам доверяли низкокачественное волокно — сначала отрепье, потом очесы, а кужель пряли только молодые опытные женщины и девушки. «Кужельная пряжа требует опытной, молодой и живой пряхи»[33]. Кужель использовался для изготовления самых тонких тканей. Особенно высокие требования предъявлялись к пряже, предназначенной для намиток. Существовали даже специальные способы, с помощью которых проверялось качест-

[28] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 13, л. 101а.
[29] Там же, л. 10.
[30] Рыбаков Б. А. *Ремесло древней Руси*.— М., 1948, с. 186.
[31] Історія українського мистецтва, т. 1.— Київ, 1966, с. 256.
[32] Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 3.—СПб, 1902. с. 8.
[33] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии *и описание предметов* обиходности.— Витебск, 1895, с. 147.

во пряжи. На Могилевщине (Бобруйский у.) пряжу, из которой предполагалось ткать намитки, пропускали через кольцо. Причем качественной она считалась только в том случае, если через обручальное кольцо проходило около 300 нитей [34]. Женщины-тонкопрядицы («тонкапрадухі») были даже не в каждой деревне. О женщинах-тонкопрядицах упоминается в документах XVI в. В заявлении Андрея Цихоновского в Слонимский земский суд говорится о том, что Николай Сапега напал на его поместье и «забрал среди невольной челяди жонку Гамшеевну, что белью робила, другую жонку Доротицу-тонкопрядицу, третью Агриппину-тонкопрядицу, четвертую тонкопрядицу Ганницу» [35].

Орудиями прядения служили прялка («прасніца», «праслiца», «потась»), веретено («верацяно») и самопрялка («самапрадка», «самапраха», «калаўрот», «каўрыдак»). Кудели укреплялась на прялке. Прялку делали, как правило, из смолистой доски. Она представляла собой стойку («ножка», «капыл»), в верхней части которой находилась лопасть («пяро»). Высота ее была от 90 см до 1 м, иногда чуть больше.

В зависимости от конструкции прялки можно разделить на два типа. К первому, наиболее распространенному, относятся прялки, состоящие из трех частей: лопасти, копыла и донца. Донце («дно», «садно», «днішча», «дэнчышча», «крывулька») представляло собой доску примерно 55—60 см длиной и служило подставкой для прялки; на него садилась женщина во время прядения. Кроме прялок, вставляющихся в донце, у белорусов в конце XIX — начале XX в. были известны и прялки из одного куска дерева — корневые. Лопастью в этом случае служил ствол дерева, соответственно обработанный, а сиденьем — корневая часть. Такие прялки в конце XIX — начале XX в. на территории Белоруссии встречались уже редко.

В юго-восточной части был известен второй тип прялки — без донца. Во время прядения она вставлялась в специально просверленное для этого отверстие в скамье.

В конце XIX — начале XX в. на всей территории Белоруссии была распространена лопатоподобная прялка. Судить о времени ее появления довольно трудно. Можно предполагать, что ей предшествовала более примитивная по форме прялка-рогулька, представлявшая собой палку с развилкой на одном конце. Такая прялка обнаружена при археологических раскопках в Гродно и датируется XI—XIII вв. [36]

В зависимости от формы лопасти можно выделить несколько вариантов лопатоподобных прялок. В конце XIX — начале XX в. по всей территории Белоруссии, особенно в центральных, северных и восточных районах, была распространена прялка с прямоугольной лопастью (рис. 8, *а*). Некоторые различия наблюдались в размерах лопасти. Обычно она делалась несколько удлиненной (50—55 см) и не очень широкой (30—35 см). Иногда лопасть прялки была более короткой, но широкой.

---

[34] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 12, д. 2, л. 54.

[35] Палеес А. Ткацтва на Беларусі.— Беларусь, 1947, № 3.

[36] Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3, с. 64.

На юге Белоруссии была распространена прялка прямоугольного сечения, но с зауженной верхней частью (рис. 8, *г*).

Узколокальное распространение (Мозырский у.) имела веслоподобная прялка. В настоящее время такие прялки иногда используются

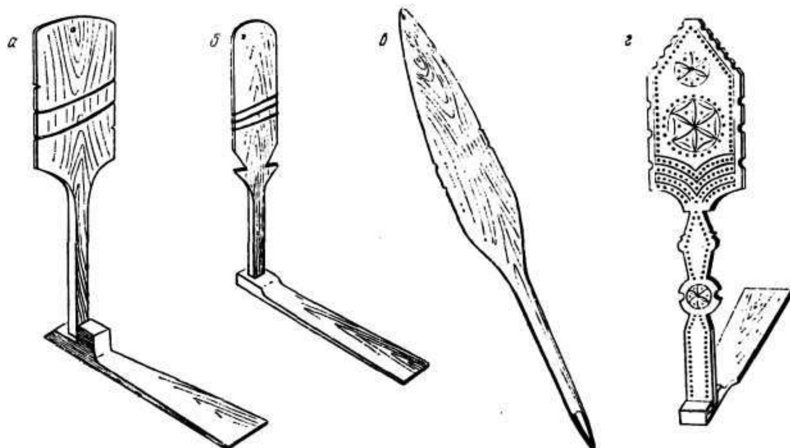

Рис. 8. Типы прялок: а—Городокский у. Витебской губ.; б—Вилейский у. Виленской губ.; в—Мозырский у. Минской губ.; г—Гродненский у.

вместо весел. На севере и северо-западе спорадически встречаются прялки с заостренной или круглой верхней частью.

Прялки как орудие основного женского ремесла довольно часто украшались резьбой и нередко представляли собой истинные произведения народного искусства. Наряду с тканями и другими народными изделиями они часто экспонировались на выставках [37].

Украшалась в основном лопасть прялки. Узор чаще всего представлял собой круги или квадраты с расположенными внутри их розетками. Комбинации фигур произвольные. Иногда они располагались продольными рядами по всей длине лопасти, иногда мелкие круги были сосредоточены в нижней части лопасти, а вверху делался один большой круг. В ряде случаев он находился в центре лопасти, а по сторонам располагались круги меньших размеров. Каждый круг внутри заполнялся узором. Чаще всего это были шестилепестковые или четырехлепестковые розетки. Если мастер обладал богатой фантазией, он заполнял круги узорами, которые ни в одном из них не повторялись. Например, в одном кругу изображались «елочки», другой был заполнен клеточками. Нередко прялки украшались сложным узором, в котором наряду с геометрическими фигурами имели место растительные, а также солярные и орнитоморфные мотивы. Например, в верхней части лопасти изображался круг с розеткой, в центре — солнце с расходящимися от него лучами, в нижней части — розетка, окаймленная ветками с пти-

[37] Каталог кустарно-промышленного отдела выставки.— Вильно, 1913.

цами. Изображение птиц и солнца как символов добра и тепла было широко распространено и у русских.

По краям лопасти часто делались зарубки, которые являлись не только украшением прялок, а имели и практическое значение, поскольку служили для крепления кудели. В зарубки закладывался шнурок, которым кудель привязывалась к прялке. Чтобы она лучше держалась на лопасти, по центру прялки иногда делали небольшое утолщение или прибивали узкую планочку — «хрыбцік» (северо-западные районы). В каждой прялке в верхнем левом углу делалось небольшое отверстие; в него продевался шнурок, которым обкручивалась кудель слева направо.

Кроме прялки белорусы, так же как и русские и украинцы, для прядения использовали еще и деревянный лопастеобразный гребень. Прядение с гребня известно на юге и востоке Белоруссии. При этом способе волокно предварительно не чесали, а непосредственно перед прядением горсть волокна корневой частью укрепляли между зубьев гребня, затем слегка чесали маленькой гребенкой. Процесс чесания волокна таким способом называется «мыкаць мычку», а прядения — «скубці мычку».

Шамнулі вазочкі на дварэ.
— Паглядзі, мамачка, ці не па мяне?
— Па цябе, дачухна, па цябе.
— Гатуй жа, мамачка, кубла мне.
— Ідзі, дачухна, без кубла,
Чаму мычачкі не скубла... [38]

На Могилевщине, особенно в северо-восточной ее части, для прядения использовался обычно только гребень, а на прялке пряли овечью шерсть. В южных районах Белоруссии, как известно, использовались и прялка и гребень. Как объясняют информаторы, сначала пряли на гребне, отходы потом расколачивали, делали из них кудель и укрепляли на прялке [39]. Прядение с гребня давало более тонкую нить (кужельную). Пряжа с кудели была грубее.

Нить скручивали на веретене, известном многим народам мира с давних времен. При археологических раскопках было обнаружено веретено с сохранившейся на нем пряжей, которое относят к эпохе позднего неолита [40]. Археологические данные подтверждаются и литературными источниками. Римский поэт Катулл, живший в I ст. до н. э., довольно точно описал процесс прядения на веретене:

Привычные руки над вечной корпели работой,
Левая прясло держала, увитое мягкою шерстью,
Правая же, то легко приподнявши персты, отводила
Нить, что пряла, то пальцем большим,
Веретено равновесное крутя, запускала, словно кубарь закруживши... [41]

О веретенах упоминают и летописи: «Локти же свои утверждают на веретено» [42]. Судя по описаниям, веретено представляло собой палочку с надетым на нижний конец грузиком [43]. В более позднее время (XI—

[38] Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии, ч. 1.— Могилев, 1882, с. 489.

[39] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 13, д. 13, л. 34.

[40] Левин-Дорш А., Кунов Г. Первобытная техника.— М.— Пг., 1922, с. 259.

[41] Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники. — М. — Л., 1940, с. 46.

[42] ПСРЛ, т. 2.— СПб, 1908, с. 68.

[43] Тайлор Эд. Б. Антропология. — СПб, 1898, с. 245.

XIII вв.) веретено делали конусообразным, длиной 18—30 см с утолщением посередине и с надетым на нижнюю часть грузиком — пряслицем, которое служило для ускорения вращения веретена во время прядения [44].

Как раз пряслица и находят чаще всего при археологических раскопках. Наиболее древними являются глиняные пряслица. Известны они были на территории Белоруссии в эпоху зарубинецкой культуры [45]. В более позднее время, в XI—XIII вв., на Белоруссии чаще встречаются пряслица шиферные и из серого сланца, глиняные — реже [46]. Глиняные пряслица довольно часто украшались. Орнамент на них сугубо геометрический. Узоры не сложные, но довольно разнообразные, например небольшие кружки или кольцеобразные линии. На одном пряслице использован солярный мотив: от центра расходятся линии, напоминающие лучи солнца. Довольно часто встречается узор в виде елочки. Нередко узор представляет собой половину ромба с расположенными внутри его полуромбами меньших размеров [47]. На пряслицах встречаются и надписи. На одном (XII в.) есть такая надпись: «Господь и помози рабе своей» [48]. Существует мнение, что все эти метки на пряслицах делались для того, чтобы на посиделках, которые часто прерывались играми и плясками, девушки не перепутали свои веретена [49].

Узорные метки на пряслицах делались в основном крестьянами, а надписями и инициалами метили пряслица городские жители [50]. Очевидно, значки на пряслицах играли роль не только обычных меток, поскольку, как видно из археологических материалов, украшения и надписи делались далеко не на всех пряслицах [51]. Возможно, они украшались в тех случаях, когда преподносились женщине в подарок.

В конце XIX — начале XX в. веретено по-прежнему оставалось доминирующим орудием прядения. Почти не изменилась и форма его. Как и раньше, оно представляло собой конусообразную палочку с постепенным утолщением немного за середину. Размеры веретена несколько увеличились и достигали иногда 40 см. В отличие от веретен более раннего периода в конце XIX — начале XX в. они делались вместе с пряслицем, которое представляло собой конусообразное утолщение на конце и называлось «галоўка», «пятачка», «бародка» и др. Иногда головка в веретенах делалась фигурной, т. е. двух- или даже трехконусной [52]. Форма веретена одинаковая у всех славянских народов.

Материалом для изготовления веретен служила обычно древесина березы, ясеня, груши и др. Белорусам

---

44 Левинсон-Нечаева М. Н. Очерки по истории русской деревни.— М., 1959, с. 75.

45 Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1971, с. 36.

46 Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3, с. 64.

47 Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, с. 40 (рис. 24).

48 Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — Там же.

49 Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 201.

50 Там же.

51 Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии, с. 39 (рис. 23).

52 Moszyn'ski K. Kultura Ludowa Słowian, s. 319.

были известны веретена, выстроганные ножом и точеные на станке. Наиболее древними, известными уже в XI—XII вв.[53] являются веретена, выстроганные ножом. В конце XIX—начале XX в. они имели повсеместное распространение. Веретено должно было быть ровным, или, как принято говорить в народе, «правым», т. е. во время прядения оно должно вращаться равномерно. Однако это требование не всегда выполнялось, что нашло свое отражение и в поговорке: «Знай, баба, сваё крывое верацяно» [54]. Довольно часто, особенно неопытному мастеру, чтобы сделать хорошее «правае» веретено, приходилось расходовать большое количество древесины, и в народе по этому поводу сложилась даже поговорка: «Кузьма-верацённік пасек сенцы на тры вераценцы».

Второй, более усовершенствованный способ — изготовление веретен на специальном станке. По конструкции станок был несложным и представлял собой две планки, вертикально укрепленные на подставке одна против другой на расстоянии примерно 50—55 см. Планки соединялись такой же планочкой с отверстием внутри, куда вставлялась заготовка, предварительно обработанная ножом. Для работы на станке необходимо было еще одно приспособление — «смык» — согнутая в форме полукруга тростинка, на концы которой натягивался ремешок. Прежде чем вставить заготовку в станок, ее один раз обкручивали этим ремешком. Мастер, держа в левой руке нож, правой двигал смык таким образом, что веретено поворачивалось на полоборота то вправо, то влево, касаясь при этом лезвия ножа. Нож был широкий и немного закругленный в верхней части. Точеные веретена нередко украшали. Узор создавался в результате трения по веретену заостренной ореховой палочкой, которую мастер держал в левой руке, а правой поворачивал веретено при помощи смыка. Узор в виде колечек располагался по-разному: через определенные промежутки по всей длине веретена или по нескольку колечек внизу, «каля пятачкі», посередине и вверху. Точеные веретена покупались на базарах или у местных мастеров-«верацённікаў».

Процесс прядения на веретене заключался в следующем. Женщина тремя пальцами левой руки вытягивала волокна из кудели и одновременно тремя пальцами правой руки вращала веретено. Когда выпряденная нить достигала длины вытянутой руки, пряха наматывала нить на пальцы левой руки, а потом накручивала ее на веретено и на верхней, заостренной его части закрепляла петлей. Пряжа на веретене накручивалась сначала на средней части веретена, затем на нижней («шыйка»), и только потом заполнялась верхняя. При таком расположении пряжа лучше держится и не съезжает вниз («не ссыпаецца») с веретена. Веретено с навитой на нем пряжей имеет в Белоруссии самые различные названия: «ручайка», «ручка», «адкідзіч», «ручня» и др. В юго-восточных районах, так же как и на Украине, напряденное веретено называлось «пачынак», но чаще этим термином называли веретено, на которое сматывалась пря-

[53] Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. т. 3, с. 64.

[54] Жанчына ў беларускай народнай творчасці.— Мн., 1940, с. 228.

жа с нескольких веретен. Объяснялось это качеством пряжи. Тонкая пряжа сматывалась в «пачынак» с трех-четырех «ручаек», а грубая — с двух-трех. В народе говорили:

Тонкапрадуха пад пахой нясе,
А тоўстапрадуха возам вязе.
Тая, што пад пахой нясе,
Перацягне тую, што возам вязе.[55]

Прядение при помощи веретена — наиболее древний способ изготовления пряжи. В конце XIX — начале XX в. он имел еще довольно широкое распространение. Однако в этот период веретено не являлось единственным орудием прядения. Существовала уже самопрялка, в значительной степени облегчавшая труд прядильщицы.

Самопрялка была известна на всей территории Белоруссии, но в северных районах, на территории экстенсивного льноводства, имела более широкое распространение. На степень распространенности самопрялок влиял материальный фактор. Информаторы отмечают, что прежде всего самопрялки появились в хозяйствах, экономически более крепких. «Бедные не заўсёды маглі купіць самапрадку»[56]. На распространенность самопрялки в какой-то мере влияла и сила привычки. Многие пожилые женщины считают, что на веретене им лучше было прясть, и нить получалась более мягкая, «не крутая».

Известны два типа самопрялок — лежак («ляжак») и стояк («стаяк»)[57]. Обе имели одинаковые рабочие части: колесо («кола», «круг»), педаль («шатун», «кiвач», «цыганка»), на которую нажимали ногой и таким образом приводили колесо в движение. Прядильный аппарат состоял из стержня и помещенной на нем катушки («шпулькi») с маленькими колесиками, соединенными с большим колесом при помощи шнуров. На катушке находилась вилка («рожки») с зубьями, служившая для равномерного распределения пряжи. Разница заключалась только в расположении колеса. В лежаке оно крепилось сбоку, справа от прядильного аппарата, т. е. и прядильный аппарат, и колесо находились в одной горизонтальной плоскости (рис. 9, *в*), в стояке — в вертикальной плоскости между двумя стойками. Поэтому никак нельзя согласиться с некоторыми описаниями, что прядильный аппарат в обоих типах самопрялок расположен по-разному, т. е. в лежаке он занимает горизонтальное положение, а в стояке — вертикальное[58]. В действительности же в обеих самопрялках он расположен одинаково—горизонтально.

Оба типа самопрялок в конце XIX — начале XX в. были распространены также у русских, поляков, литовцев. Знали их и народы западных стран. Распространение самопрялки шло с запада на восток. В Западной Европе примерно в XII—XIII вв. была известна ручная прял-

---

[55] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 13, д. 13, л. 44.

[56] Там же, ф. 7, оп. 12, д. 2, л. 55.

[57] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 485; Нюнкене-Таллат-Кялпшайте Г. Домашнее ткачество и ткани в Литве в XIX—XX вв. Автореф. канд. дис.— Вильнюс, 1968, с. 10.

[58] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— Там же.

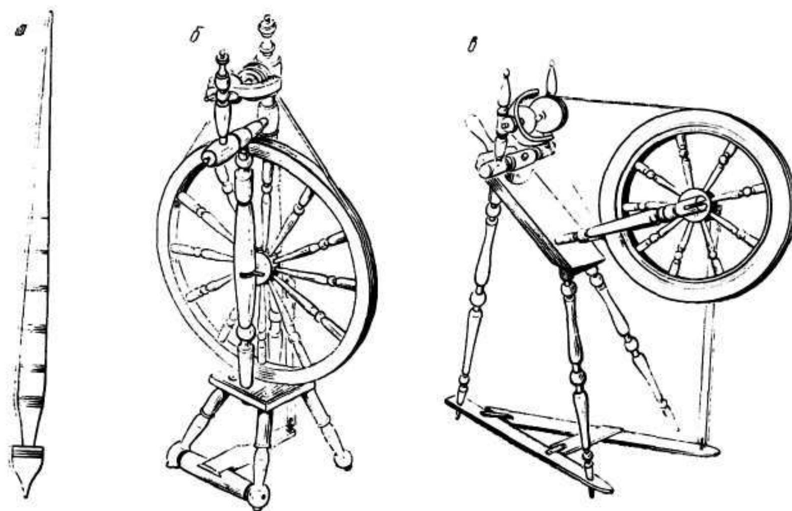

Рис. 9. Орудия прядения: а—веретено. Игуменский у. Минской губ.; б—самопрялка «стаяк». Докшицкий у. Витебской губ.; в—самопрялка «ляжак». Слонимский у. Гродненской губ.

ка [59]. В XIII—XIV вв. она уже не имела широкого распространения в связи с ее неоднократными запрещениями [60]. Только в XV в. в Западной Европе появляется уже более усовершенствованная самопрялка, которая приводилась в движение ножной педалью. Изобретателем ее считается немецкий каменотес Юргенс [61].

Самопрялка сразу же получила довольно широкое распространение и уже с конца XVI в. являлась основным орудием прядения на всех мануфактурных производствах Западной и Восточной Европы, а в XVII—XVIII вв. стала здесь господствующей.

О времени появления самопрялки в России существуют различные мнения. Литературные источники свидетельствуют, что самопрялка появилась здесь в XVIII в. на крупных льнопрядильных предприятиях [62]. Некоторые исследователи связывают ее появление со временем, «когда Петр Великий, насаждая в России разного рода ремесла, проявил интерес и к развитию ткачества» [63], и, таким образом, датируют первой четвертью XVIII в. Н. И. Лебедева придерживается мнения, что в России самопрялка была известна уже в XVII в., т. е. в период развитой мануфактуры.

Судя по археологическим находкам, в России самопрялка была известна в XIV в. Отдельные ее части обнаружены при раскопках в Новгороде [64].

---

[59] Скрижинская Е. Г. Техника эпохи западноевропейского средневековья.— В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.—Л., 1936, с. 305.

[60] Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники, с. 62.

[61] Ходосов А. А. Ткачество деревни.— М., 1930, с. 18.

[62] Скрижинская Е. Г. Техника эпохи западноевропейского средневековья. — Там же, с. 441.

[63] Ходосов А. А. Ткачество деревни, с. 18.

[64] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси, с. 582.

В крестьянском быту она стала использоваться в XIX в.[65]

Во время прядения как на веретене, так и на самопрялке для лучшего скручивания нитей волокно обязательно смачивали слюной, реже водой. Поэтому пряжа, как правило, оставалась влажной и требовала просушки. Сушили ее прямо на веретенах, в «пачынках», а нередко для этой цели использовали и мотовило («матавіла», «моташка», «вітушка», «вітуха»).

В зависимости от назначения пряжи — для утка или для основы — использовались и различные мотовила. Пряжа, предназначенная для утка, отбеливалась или красилась, поэтому сматывалась в мотки. Для этой цели использовали ручное мотовило. Белорусам известны две разновидности этого орудия. На большей части Белоруссии было распространено мотовило, представляющее собой небольшой деревянный стержень с перпендикулярно укрепленными брусками на обоих концах.

Вторая разновидность мотовила — вилкообразное. Оно представляло собой стержень с естественной развилкой на одном конце и перпендикулярно укрепленным бруском на другом (рис. 10, *а*). В некоторых местах (Мозырский у.) оно называлось «сохі». Принцип работы на обоих мотовилах одинаковый. Женщина держала в левой руке мотовило и, поворачивая его на полоборота то влево, то вправо, правой в это время наматывала пряжу на поперечины.

В западных, северо-западных и центральных районах Белоруссии было известно более усовершенствованное мотовило — вращающееся. Оно представляло собой два сбитых накрест бруска, продетых на стержень, заканчивающийся ручкой, при помощи которой мотовило приводилось в движение. На концах каждого бруска укреплялись планочки с небольшим углублением по центру, на которые наматывалась пряжа. Крепилось такое мотовило на стойках.

В конце XIX — начале XX в., несмотря на существование мотовил, сохранился и более древний способ: сматывание пряжи в мотки на краю стола. С узкого края на поверхность стола клали какой-нибудь предмет, служивший подставкой, — миску, «пранік» и т. п. Наматывали пряжу слева направо. Когда моток был готов, подставку убирали, и он свободно снимался с края стола.

Для разматывания пряжи с мотков служило специальное мотовило — «размотыч», «развітуха», «размоткі» и др. Это два накрест скрепленных бруска, свободно вращающихся на вертикально укрепленной оси. На концах брусков делали по нескольку дырочек, куда вставляли палочки или веретена, на которые надевался моток. Такое мотовило имело повсеместное распространение.

В юго-восточных районах пользовались и более примитивным способом: в отверстия в скамье вставлялись две небольшие палочки («калочкі»), на них надевался моток, и пряжа с него сматывалась в клубок при помощи юрка («вірок», «в'юрок») — круглой палочки длиной примерно 15—18 см с дырочками на противоположных концах.

Пряжа, предназначенная для снования, сматывалась в клубки или же на двухкрестовое мотовило. Оно состояло из двух крестовин, соеди-

[65] Скржинская Е. Г. Техника эпохи западноевропейского средневековья. — В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций, с. 434.

ненных четырьмя планочками длиной примерно 50—60 см. В местах пересечения крестовин делались отверстия, в которые продевался стержень. На большей части Белоруссии мотовило крепили горизонтально, при помощи двух пальцев правой руки.

Все рассмотренные способы и орудия использовались для сматывания как льняной и конопляной, так и шерстяной пряжи. Только шерстя-

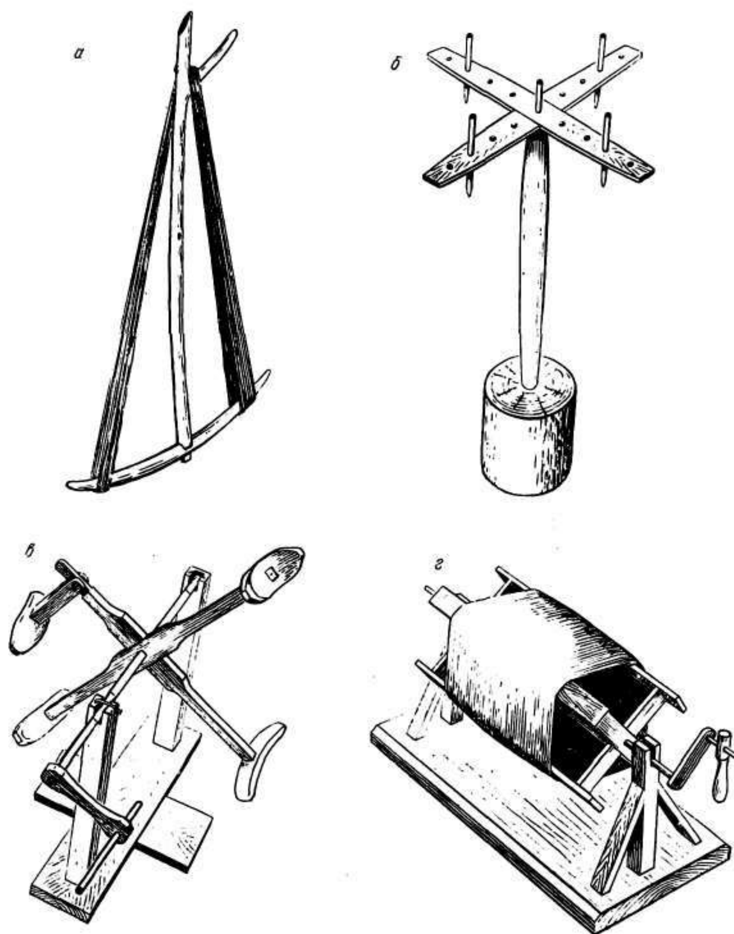

Рис. 10. Типы мотовил: а—для сматывания пряжи в мотки. Мозырский у. Минской губ.; б—для разматывания пряжи с мотков. Слуцкий у. Минской губ.; в—для сматывания пряжи в мотки. Лидский у. Гродненской губ.; г—мотовило «на дзядках». Минский у.

чаще на специальной стойке («на дзядках»). На востоке мотовило укрепляли в стене, на юго-востоке вставляли в отверстие в скамье. Такое мотовило находилось в вертикальном положении и вращалось

ную пряжу перед тем, как перематывать с веретена на мотовило, несколько минут держали над паром, «распарвалі». Под воздействием пара она становилась мягче и не скручивалась.

СПОСОБЫ КРАШЕНИЯ

В процессе обработки и подготовки пряжи к ткачеству важную роль играло крашение. Варьирование разноцветной пряжи давало возможность создавать самые различные по колористике орнаментированные ткани.

Естественными красителями пользовались на протяжении многих веков, вплоть до начала XX в. Многовековой опыт дал возможность отобрать растения, обладающие красящими свойствами.

На территории Белоруссии в конце XIX — начале XX в. наряду с химическими красителями широко использовались кора, листья, цветы различных деревьев, а также стебли и корни трав.

Черный цвет получали с помощью мутовчатой вахты («бабок», «бабоўнік»). Большего эффекта добивались в том случае, если растения были собраны ранней весной.

Для получения черного цвета смешивали различные компоненты: например, железную стружку или болотную ржу с толокнянкой обыкновенной («мучаннік», «мядаведжыя вушкі»), сок свеклы с настоем из коры ольхи, иногда из коры дуба или березы. В черный цвет красили также отваром из березовой коры с добавлением клюквенного или свекольного сока. Иногда болотную ржу смешивали с корой рябины. Использовали также настой из корней щавеля или орешника с добавлением железного купороса. Смешивали шишки елки с толокнянкой обыкновенной, кору крушины с дубовым листом.

Получение красного цвета в домашних условиях связано с определенными трудностями, так как все растения, используемые для крашения в красный цвет, давали в основном темные оттенки. В темно-красный цвет красили настоем из полевых цветов васильков — «валошкі». Использовали также настой из ольховой коры, в который добавляли пепел рябиновой коры.

В красный цвет можно было красить отваром сырой душицы («мацердушка»). Из настоя сухих листьев этого растения получали малиновый цвет. Для получения красного цвета использовали отвар из сырой коры рябины.

Для получения зеленого цвета иногда использовали листья березы. Собирали их ранней весной, как только распустятся, чтобы на них еще сохранялась смола. В зеленый цвет красили также отваром из сырых листьев сивца («каманішнік»), а также из сырых листьев вереска.

Для крашения в желтый цвет использовали многие растения. Довольно распространенным красителем была кора березы, снятая ранней весной, но после отхода сока, и высушенная на воздухе, а также кора барбариса. Иногда использовали мох с осины или березы. В редких случаях в желтый цвет красили цветами морковника. В желтый цвет красили отваром из ольховых шишек, листьев олешника. Широко использовали также сушеные цветы ромашки.

Повсеместно в Белоруссии для крашения в желтый цвет использовали луковую шелуху. Для получения светло-желтого оттенка раствор делали некрепким. В желтый цвет иногда красили и отваром из коры яблони или цветов и корней ракитника.

В конце XIX — начале XX в. довольно широкое распространение получили химические красители, а в XX в. они полностью вытеснили растительные.

Изготовление тканей

ОРУДИЯ ТКАЧЕСТВА

Если способы и орудия обработки сырья и прядения оказались довольно устойчивыми и передавались из поколения в поколение на протяжении многих веков, то орудия ткачества пережили эволюцию от самых простых, примитивных к более сложным и усовершенствованным.

Многочисленные источники свидетельствуют, что уже в древности многие народы пользовались самыми примитивными орудиями ткачества. В эпоху неолита это были специальные дощечки, каждая из которых представляла собой небольшой квадрат (10—15 см) с дырочками по четырем углам [1]. В них пропускались нити основы. Благодаря вращению дощечек по кругу слева направо в основе образовывался зев, куда пропускалась уточная нить. Белорусы и русские еще в начале XX в. использовали такое приспособление для плетения поясов.

Примитивным орудием ткачества было и бердечко — прямоугольная доска длиной 25—30 см, шириной 18—25 см. Круглые дырочки чередовались с широкими отверстиями, сделанными по длине орудия. Четные нити основы пропускались через дырочки, а нечетные — в продольные отверстия; зев образовывался при подымании и при опускании бердечка.

По мнению хорватского ученого М. Гавацци, ткацкая дощечка является прототипом горизонтального ткацкого стана [2]. Советские ученые Н. И. Лебедева и Г. С Маслова считают, что тканью на горизонтальном стане предшествовал более примитивный способ — тканье на нитку, при котором четные нити основы накручивались на палочку, а нечетные перевязывались нитяными петлями. Движение их вниз и вверх образовывало зев [3].

К сожалению, проследить весь путь развития ткацкого стана с древнейших времен почти невозможно, поскольку письменных источников пока не обнаружено, а археология в данном случае бессильна по причине плохой сохраняемости дерева. Поэтому вопрос о конструкции ткацкого стана в древности остается пока невыясненным. Некоторые ученые считают, что существовали два последовательно сменяющихся типа ткацких станов — вертикальный и горизонтальный [4]. О бытовании вертикального стана у славянских народов свидельствуют многие литературные источники [5]. Однако в них не приводятся конкретные данные о конструкции этого стана. Нидерле, например, ограничивается толкованием терминов «стан», «став», выводя их от слова «стоять». Б. А. Рыбаков ссылается на археологические данные. Так, найденные грузики, отверстия в которых протерты нитками, он считает ткацкими грузиками,

---

[1] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. с. 493; Гумнерова М. Видове тъкани и тъкачни техники в Смолянско.— Известия на етнографския институт и музей, кн. 14, 1972, с. 99.

[2] Gavazzi M. Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica. —Zbornik za narodan život i običaje južnih Slavena, kn. 27. Zagreb, 1926, s. 31.

[3] Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1967, с. 186.

[4] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси.— М., 1948, с. 186.

[5] Niderle L. Život starych Slovanou. —Praha, 1921, s. 339; Gavazzi M. Praslavenski tkalački stan i tkalačka daštica. —Там же.

которые вместо навоя подвешивались на концах основы, оттягивая ее вниз. Предположения известного ученого подтверждаются и археологическими материалами по Белоруссии [6].

Множество каменных и глиняных грузиков найдено при археологических раскопках на Балканском полуострове, которые свидетельствуют о том, что вертикальный стан здесь был известен еще до прихода славян [7]. М. Гумнерова описывает вертикальный стан второй половины XIX в., сохранившийся в некоторых населенных пунктах Средних Родоп в Болгарии. В нем отсутствовали боковые опоры, что подчеркивало архаичность этого орудия. Основу стана составляли два навоя — верхний и нижний. Верхний прикреплялся к потолку, а нижний находился в висячем положении с подвешенными к нему грузиками — камнями или мешочками с камнями. Для более устойчивого положения такие же грузики подвешивались и на концах верхнего навоя [8]. Кроме этого примитивного стана болгарам был известен и более совершенный вертикальный стан с боковыми опорами в виде рамы, который требовал специального крепления. Вертикальный стан с боковыми опорами в XIX — первой четверти XX в. был известен также молдаванам [9].

Вертикальный стан знали украинцы и русские, причем у последних существовали два вида стана: для ковров и для рогож [10]. Вертикально устанавливающаяся рама для плетения рогож была известна и белорусам.

До настоящего времени не выяснено время появления горизонтального стана. Наиболее ранние сведения о нем относятся к 2000 г. до н. э. и указывают на его существование в Египте [11].

Судя по литературным источникам, относящимся примерно к VIII—IX вв. до н. э., горизонтальный стан был известен грекам. В гомеровской «Одиссее» читаем: «Одиссей держался близко, так близко, как на ткацком станке часто приближается к груди женщины поперечина, она тянет ее к себе, а потом пробрасывает челнок».

Материалы, по которым можно было бы судить о появлении горизонтального стана у славянских народов, пока не обнаружены.

Наиболее ранние археологические данные, свидетельствующие о наличии горизонтального ткацкого стана у белорусов, относятся к X—XIII вв. При раскопках древнего Гродно обнаружен ткацкий челнок— орудие, характерное только для горизонтального стана [12]. В конце XIX — начале XX в. этот тип стана

---

[6] Витебский краеведческий музей, инв. № 17208/131.

[7] Гумнерова М. Видове тъкани и тъкачни техники в Смолянско.— Известия на етнографския институт и музей, с. 88.

[8] Там же, с. 93 (рис. 15).

[9] Зеленчук В. С. Материалы к изучению молдавского народного ткачества.— Известия Молдавского филиала АН СССР, № 5 (83). Кишинев, 1961, с. 63 (рис. 9).

[10] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 510.

[11] Kostrzewski J. Kiedy zjawiły się w Polsce krosna pozoime. —Lud, 1954, I, s. 667—676.

[12] Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 3. М., 1954, с. 64.

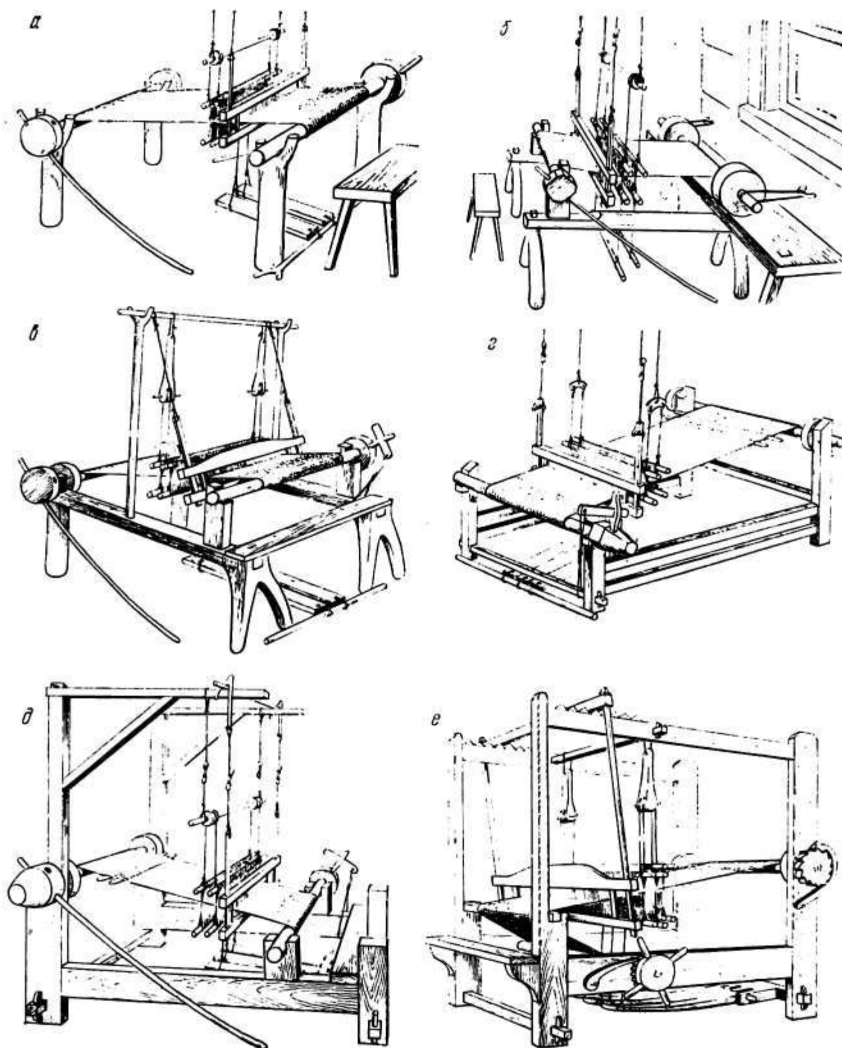

Рис. 11. Разновидности горизонтального ткацкого стана: а—«на сохах». Бобруйский у. Могилевской губ.; б—со станинами. Мозырский у. Минской губ.; в—со станинами. Могилевский у.; г—рамный. Полоцкий у. Витебской губ.; д—рамный. Слуцкий у. Минской губ.; е—«верстат». Слонимский у. Гродненской губ.

был единственным на всей территории Белоруссии. Анализ имеющихся материалов позволил нам проследить, какие конструктивные изменения претерпел горизонтальный стан за такой относительно короткий период. Так, наиболее древним и примитивным является стан без станин или, как его иначе называют, на «сохах» («кросны на сохах») (рис. 11, *а*). Навои крепились на подставках-«сохах» — столбиках высотой 80—85 см, диаметром 37—39 см, вкопанных в земляной пол развилкой вверх. Ниты прикреплялись к потолку. Стан «на сохах» в конце XIX — начале XX в. был известен в юго-восточной части Белоруссии

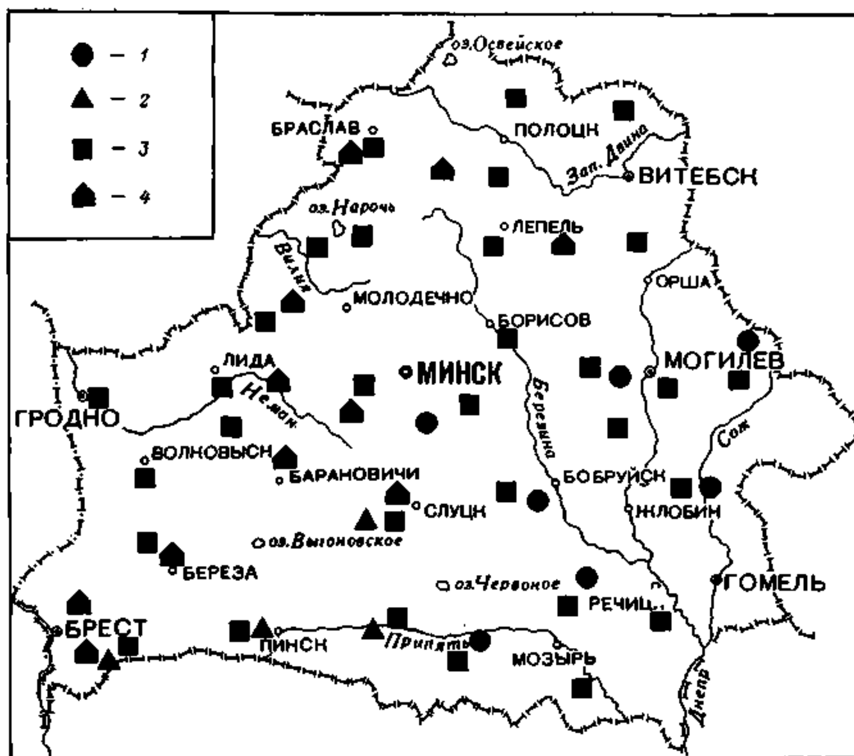

Рис. 12. Разновидности горизонтального ткацкого стана: 1—«на сохах»; 2—со станинами; 3—рамный; 4—«верстат»

(рис. 12), а также на Смоленщине, Брянском Полесье[13] и Украине[14].

Стан со станинами «стацівы» можно считать шагом вперед. Станины делались из ствола дерева, выкопанного с корнями, которые служили ножками. Навой с основой помещался на лаве, а станины укреплялись под лавой (рис. 11, *б*) (центральные районы). В юго-западной части Белоруссии были распространены «стацівы», в которых навои укреплялись на небольших «рогульках», расположенных на станинах (Кобринский, Пинский уу.). Ниты, как и в предыдущем случае, крепились к потолку.

В конце XIX — начале XX в. самым распространенным в Белоруссии был более совершенный «рамный стан» (рис. 12). Основу его составляла рама из четырех подставок, скрепленных внизу поперечинами (рис. 11, *г*, *д*). В отличие от рассмотренных рамный стан имел ряд конструктивных особенностей, которые заключались в расположении пряжного навоя, креплении нитов и т. д. На большей части территории Белоруссии был распространен рамный

[13] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 518.

[14] Дудар О. Т. Традиційне і сучасне поліське ткацтво.— Народна творчість та етнографія, 1977, № 2, с. 45.

стан, в котором станины со стороны пряжного навоя заканчивались стойками высотой примерно 130—145 см. В них на высоте около 75—80 см от пола делались зарубки, куда закладывался навой с основой. Верхние концы стоек заканчивались горизонтально укрепленными планками, на которые клалась перекладина («паднёбнік») с укрепленными на ней нитами.

Распространен был также рамный стан, в котором навои крепились на невысоких стойках (примерно 80—85 см от пола). Ниты в данном случае, как в стане «на сохах» и в «стацівах», крепились к потолку.

Менее распространен был стан, в котором навой с основой располагался непосредственно на станинах, а навой с полотном — на подставках, поэтому последний находился несколько выше.

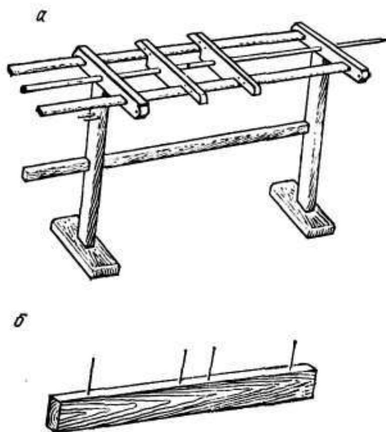

Рис. 13. Станки для изготовления нитов: а—Глубокский у. Витебской губ.; б—Новогрудский у. Гродненской губ.

Нельзя согласиться с исследователями, которые такое расположение навоя считали особенностью белорусского ткацкого стана [15], поскольку характерной чертой ткацкого стана у белорусов является как раз то, что пряжный навой, как правило, располагался выше навоя с полотном.

Наряду с рассмотренными выше станами в конце XIX — начале XX в. получает распространение технически более усовершенствованный рамный стан «верстат», «варштат». Особенно широко «верстаты» использовались в местах кустарных промыслов, в основном в городах и местечках — Минске, Гродно, Полоцке, Койданове, Клецке, Копыле, Банчицах, Котах Минской губернии, Мстиславле, Чечерске Могилевской, Петкове Гродненской, Борках Витебской губерний [16].

«Варштатами» были оснащены и ткацкие школы-мастерские, получившие широкое распространение в Белоруссии во второй половине XIX в. Основательницей таких школ была Анна Молль. В 1889 г. в имении Юзофиново на Витебщине она открыла первую школу. В дальнейшем Анна Молль развернула бурную деятельность по организации школ-мастерских. По ее инициативе такие школы были открыты в Клецке, Койданове Минской губернии, Шаули Виленской, Вальковишках Сувалской губерний, Гродно и других местах. Несмотря на чисто коммерческие цели, преследуемые в данном случае, нельзя не отметить некоторое положительное влияние этих школ на развитие домашнего ткачества. Они способствовали распространению «верстатов» в быту крестьянства, которые за определенную плату выдавались ученицам, окончившим школу. Кроме того, иногда,

[15] Ходосов А. А. Ткачество деревни.—М., 1930, с. 53.

[16] Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі, т. 2.— Мн., 1929, с. 122.

когда в ткацких мастерских были свободны «верстаты», крестьянам разрешалось работать на них и даже брать к себе домой[17]. Но, к сожалению, в домашнем ткачестве широкого распространения «верстаты» не получили, поскольку были довольно широкими (более 1,5 м) и требовали дополнительной площади, что в условиях крестьянского быта было неосуществимо. Поэтому крестьяне усовершенствовали свои традиционные станы, используя только отдельные детали «верстата»: в обоих навоях вместо обычного утолщения делались зубчатые колеса, с помощью которых регулировалась основа и накручивалось полотно. Навой для полотна находился внизу и подвижно укреплялся на станинах, что создавало удобства для ткачихи, поскольку полотно только огибало верхний неподвижный брус и при помощи колеса накручивалось на навой. Легче шел и сам процесс тканья. Объяснялось это довольно устойчивым креплением поднёбника, который не закладывался, а врезался в верхнюю часть рамы, отчего более легко двигалось бердо с набилками. Ткачиха во время работы держала их не двумя руками, как в обычных кроснах, а одной. Информаторы сообщают, что на «верстате» быстрее выполнялась работа: «на верстаце вытчаш губу, а на ставах за такі ж час — паўгубы».

Распространение «верстатов» шло с запада на восток, поэтому основным районом бытования этого стана был запад Белоруссии. Стан «верстат» был характерен в основном для западных районов, а термин «верстат» имел более широкий ареал. «Верстатом» часто называли и обычный рамный стан. Смешение терминов наблюдалось и в отношении других станов. Например, название «стацівы», которым назывался более древний вариант — стан со станинами, перешло затем и на рамный стан.

По функциональному назначению составные части горизонтального ткацкого стана можно классифицировать следующим образом: 1) основание ткацкого стана, станины («ставы», «ставіцыны», «стаціны», «стацівы»). Это два горизонтально укрепленных бруска длиной 1,5—1,75 м, диаметром 25—30 см; 2) части, определяющие ход тканья: навой передний (для полотна, или полотняный) и навой задний (для основы, или пряжный), набилки с бердом и подножки. Навой для основы — деревянный вал, на который накручивалась («навівалася») основа. На концах его имелись утолщения в виде колеса. Навой для полотна имел такое утолщение только с правой стороны. Для большей части Белоруссии характерно название «навой», для юго-восточных районов — «навойка», для северных — «калода», южных — «вараціла», «варатыла». Навои для полотна у русских и белорусов иногда еще называли «прышва». Связано это с тем, что к навою прикрепляли небольшой кусочек полотна — пришву, к которому перед тканьем пришивалась основа.

В утолщенной части обоих навоев делались сквозные отверстия: в пряжном — с левой стороны, в навое для полотна — с правой. В эти отверстия вставлялась палочка («кій», «прытужальнік»), удерживающая навой в заданном положении и натягивающая равномерно основу.

[17] Запіскі аддзелу прыроды..., т. 2, с. 127, 128, 132.

Иногда «прытужальнік» делали в виде небольшой лопаточки.

Для образования зева в процессе тканья служили ниты — «нічанкі», «нічальніцы», «цапкі» — нитяные петли, расположенные на двух горизонтальных пруточках. Длина нита соответствовала ширине основы («у колькі пасм аснова, у столькі пасм і ніты ніцілі»). Ширина его равнялась примерно 24—25 см. Белорусам известны две разновидности нитов: без глазков и с глазками. Наиболее древний, распространенный у всех восточнославянских народов нит без глазков[18] («без вочак», «без кабылак») изготавливался на доске шириной 12—13 см, длиной 65—70 см. Сверху вдоль ребра доски укреплялась толстая нить — «жывіца». По доске, захватывая «жывіцу», петлями завязывались сученые нитки. Когда доска полностью покрывалась петлями, их снимали («ссоўвалі»). Чтобы петли легко снимались, доска с одного конца делалась немного ýже. В снятые петли продевали пруток, а на доске делали второй ряд петель, одновременно захватывая каждую петлю первого ряда. В результате нит состоял из двух рядов петель, соединенных в центре. Нит, изготовленный на доске, не имел глазков («кабылак»), в которые пропускалась основа. Поэтому ткачиха в момент изготовления основы накручивала на пальцы левой руки нити с верхнего и нижнего рядов для образования глазка.

Такой нит был известен на всей территории Белоруссии, но преобладал в восточных и юго-восточных ее районах (рис. 14).

Нит с «кабылкамі» более удобен, поскольку ткачиха пропускала основу в уже готовые «глазкі». Делали его на станочке — небольшом деревянном бруске длиной примерно 25—27 см. На концах бруска вбивали по одному гвоздику, а посередине — два. Сначала нить завязывалась на первом гвоздике, затем по очереди на средних и на крайнем. Ниты, сделанные на таком станочке, были характерны для севера и северо-запада Белоруссии.

На западе Белоруссии был известен другой станочек — «варотцы» — три скрепленных пруточка. Иногда пруточки укреплялись на горизонтальной подставке.

Ниты были подвижными. Для этого делались специальные приспособления в виде маленьких блоков, представляющих собой небольшие бруски, в утолщенной нижней части которых просверливались отверстия, куда вставлялись подвижные деревянные блочки. Количество их зависело от числа нитов. Такие приспособления назывались по-разному: на востоке — «чапелкі», на западе — «ручкі», на севере — «калясцы» и др. Были и другие приспособления в виде полого цилиндра длиной 15—16 см, диаметром 5—6 см («кацёлкі», «кацёлачкі», «каточкі»). На поверхности их делались неглубокие желобки для веревочек, на которых подвешивались ниты. «Кацёлкі» характерны в основном для юго-востока Белоруссии. Иногда эти приспособления украшались резьбой с несложным геометрическим рисун-

---

[18] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 515; Радченко Е. С. Материальный быт населения в некоторых видах производства и промысла, 1928, с. 21; Гумнерова М. Видове тъкани и тъкачни техники в Смолянско.— Известия на етнографския институт и музей. с. 89.

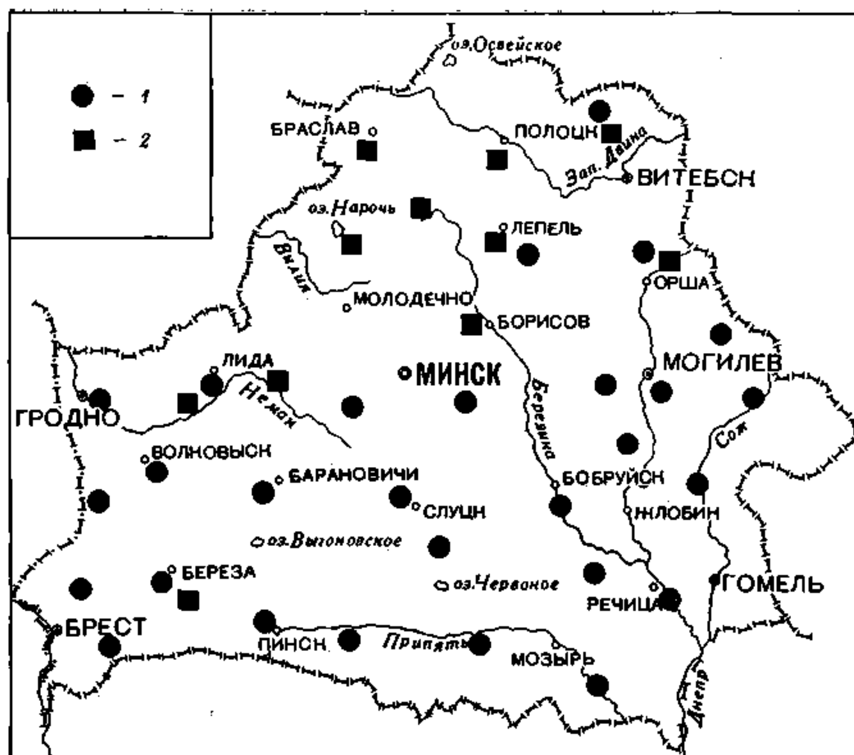

Рис. 14. Способы изготовления нитов: 1—на доске; 2—на станке

ком[19]. К веревочкам, на которых подвешивались ниты, прикреплялись специальные палочки, чаще трубчатые кости (куриные, гусиные), назывались они обычно «сабачкі» и служили дополнительным элементом в тех случаях, когда надо было выше поднять нит, чтобы увеличить зев. В таких случаях на «сабачкі» накручивалась веревочка, идущая от нита.

Ниты в свою очередь соединялись с подножками («панажы», «пакожкі»), с помощью которых осуществлялась работа нитов.

В конце XIX — начале XX в. на территории Белоруссии были известны два типа *подножек*. Круглые палки длиной 70—80 см, подвешенные к нитам в горизонтальном положении,— наиболее примитивный и древний тип подножек. Такие подножки отмечены только на юго-востоке Белоруссии. На остальной территории были распространены подножки в виде дощечек шириной от 8 до 11 см, а иногда и более. Количество подножек находилось в прямой зависимости от числа нитов. Каждая подножка при помощи веревочки соединялась с нитом, и один конец ее был несколько приподнят. На концах подножек, обращенных к ткачихе, делались небольшие вере-

[19] Запіскі аддзелу прыроды..., т. 2, с. 187.

вочные петли, в них продевалась палка, которую клали на пол, концы ее выходили за ширину станин, и, таким образом, палка оставалась неподвижной, подножки не сдвигались и находились на одинаковом расстоянии одна от другой.

Подножки, как правило, крепились со стороны полотняного навоя, и только на западе Белоруссии, где распространен был «варштат», подножки укреплялись с противоположной стороны от ткачихи, т. е. со стороны пряжного навоя. В последнем случае подножки делались более длинными, иногда до полутора метров. Этот способ крепления подножек отмечен в западной части Белоруссии и распространяется дальше на Украину.

К орудиям, определяющим ход тканья, относится и бердо («бёрда», «берда»). Оно представляло собой прямоугольную раму, в которую вставлялись тонкие (1 мм) лучинки («трысцё», «зуб'е»), чаще всего осиновые, кленовые, а позже, в начале XX в., и металлические. Размеры берда определялись качеством будущей ткани. Для получения грубой ткани бердо делалось шире, зубья реже и бралось меньшее количество пасм (8, 10, 12). Для изготовления тонких тканей использовались более густые (частые) берда. Количество пасм здесь увеличивалось от 12 до 18 и более. Археологические материалы свидетельствуют о том, что уже в древности (X—XIII вв.) встречались широкие (до 1 м) берда [20].

Названия берда — «васьмёрнае», «дзесятуха», «на дванаццаць пасм» и т. д.—зависели от количества пасм. В отличие от других частей ткацкого стана, которые, как правило, изготовлялись самими хозяевами, берда обычно покупали на рынке. Делали их специальные мастера — «бёрднікі».

Бердо вставлялось в набилки («набіліцы», «набердкі»). Бердо с набилками служило для прибивания утка. Набилки состояли из двух деревянных пластин с выдолбленными вдоль желобками, в них и вставлялось бердо. Верхняя часть набилок оставалась подвижной и могла свободно подниматься и опускаться.

Третью группу составляют части, которые непосредственно не входят в конструкцию стана, но являются необходимыми в процессе тканья: «челнок», «цевки», «сукало», «пруги».

Цевка — палочка длиной 14—16 см, чаще всего из бузины, полая внутри, с небольшими утолщениями на концах. Служит для наматывания уточных нитей. Наматывание осуществляется при помощи специального приспособления — «сукала», «сукайла». Оно представляет собой две стойки с укрепленным между ними валиком с маховым колесом, которое служит для усиления вращения валика. С другого конца валика укрепляется железный стержень, который немного выступает за стойку. На него надевается цевка. Вращение оси с цевкой достигается благодаря быстрым и ритмичным ударам ладони правой руки по валику. Нитку наматывали с клубка, держа ее в левой руке, сначала понемногу на каждый конец, а затем посередине цевки. Эту работу обычно выполняли дети. Позднее, в начале XX в., для намотки цевок стали использовать самопрялку, что в значительной степени ускоряло и облегчало работу.

---

[20] Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество.— Труды Государственного исторического музея, вып. 33. М., 1959, с. 77.

Во время тканья цевка с утком помещалась в челнок («чоўнік», «чаўнок»). Уже само название говорит о форме орудия, которое внешне действительно напоминает челн уменьшенного размера. В одном из описаний так и говорится: «Чоўнік»—лодочка с выдолбленным местом для цевки, с прорезью для пропускания нити от цевки»[21]. Челнок, как правило, очень тщательно шлифовали, чтобы он легко скользил между нитями основы.

Белорусам известны две разновидности челноков — челнок с дном и полый челнок. В первом случае цевка кладется на дно, а нитка пропускается через отверстие сбоку или же в дне челнока, сделанное по всей его длине. В процессе работы на таком челноке ткачиха придерживала цевку большим пальцем, что несколько затрудняло работу. В полом челноке цевка помещается на тонком металлическом стержне, вставленном в отверстие на противоположных концах челнока. Обе разновидности челнока в конце XIX — начале XX в. были распространены на всей территории Белоруссии, полый челнок как более усовершенствованный встречался чаще.

Кроме ладьеподобных у белорусов был известен и вилкообразный челнок. Он представлял собой дощечку с двумя продолговатыми выемками по обоим концам. Такой челнок знали еще древние египтяне. В конце XIX — начале XX в. вилкообразный челнок использовали русские для тканья рогож. На территории Белоруссии он встречался в основном на западе и служил для изготовления двухосновных «дываноў». Здесь еще и в настоящее время пользуются такими челноками и называют их «гліца», «ігліца».

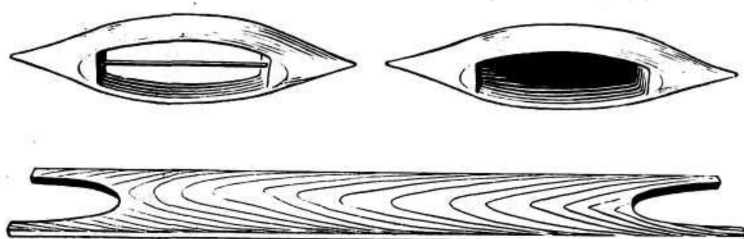

Рис. 15. Типы челноков

Для равномерного натягивания ткани в процессе ее изготовления использовалось специальное приспособление пруги — две накрест скрепленные дощечки с вбитыми на концах гвоздиками. Пруги ставились на ткани в центре под тупым углом, гвоздики вкалывались в края ткани, дощечка распрямлялась и натягивала ткань. У русских и белорусов наряду с названием «пруги» бытовали названия «распорка», «шпарутка». Последнее, как отмечает Д. К. Зеленин, имеет польско-немецкое происхождение[22].

---

[21] Государственный музей этнографии народов СССР. Фонды, оп. 910, № 76.

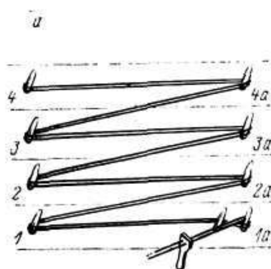
[22] Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов.— Советская этнография, 1940, III, с. 30.

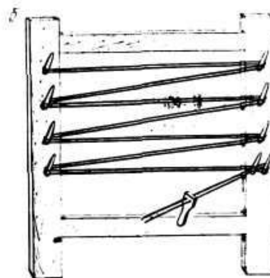
СНОВАНИЕ

Процесс подготовки пряжи к тканью включает два момента: снование и заправку ткацкого стана.

Снование заключается в расположении пряжи таким образом, чтобы в момент тканья основа делилась на верхний и нижний ряды, т. е. чтобы образовывался зев. Во время снования определялись также длина и ширина будущей ткани.

Пряжу, предназначенную для снования, сматывали на мотовило или в клубки. Снование с клубков известно на всей территории Белоруссии, но преобладало в основном в Полесье. На остальной части Белоруссии сновали чаще с мотовил. Снование с клубков — более древний способ, чем снование с мотовил, поэтому и народные приметы, бытующие у белорусов, связаны именно с клубками. Считалось, например, что сновать кросно нужно «пад поўню», а на сходнiх днях клубкi хутка сходзяць»[23].

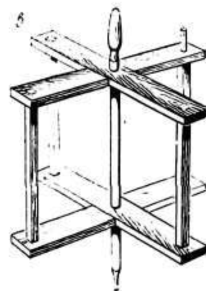

Рис. 16. Способы снования:
а—на стене. Мозырский у. Минской губ.; б—на раме. Пинский у. Минской губ.; в—на сновалке. Лепельский у. Витебской губ.

Известны три способа снования: на стене, на раме и на вертящейся сновалке (рис. 16). Кроме белорусов эти способы снования знали русские, украинцы, поляки, а также литовцы, латыши, молдаване. Наиболее древним является снование на стене. Этот способ известен на всей территории Белоруссии, но преобладал в Могилевской и на юге Минской губернии (рис. 17). Заключался он в следующем. В стену по вертикали на расстоянии примерно 16—17 см вбивали в необходимом количестве небольшие деревянные колышки: 1, 2, 3, 4 и т. д.— в одном углу и 1а, 2а, 3а, 4а — в противоположном. Между колышками 1 и 1а вбивали еще один, так называемый «чыпоўны колiк». Служил он для разделения основы на нижний и верхний ряды.

Сновали в две нити — с двух клубков или с двух мотовил. Для того чтобы пряжа не скручивалась и равномерно натягивалась в момент снования, ее вначале пропускали через специальные кольца. Иногда для этой цели использовали обычные ножницы, воткнутые острыми концами в стену. Затем обе нити протягивали через две параллельные дырочки в деревянной лопаточке («снойка»).

Начинали сновать с первого колышка, т. е. от колышка 1 нити протягивали к колышку 1а, от него — к 2, от 2 — к 2а и т. д. Дойдя до последнего, верхнего, колышка 4, огибали его и протягивали нити уже в обратном порядке, причем «чыпоўны» колышек первый раз огибали

[23] АИИЭФ АН БССР, ф. 6. оп. 13, д. 13, л. 26.

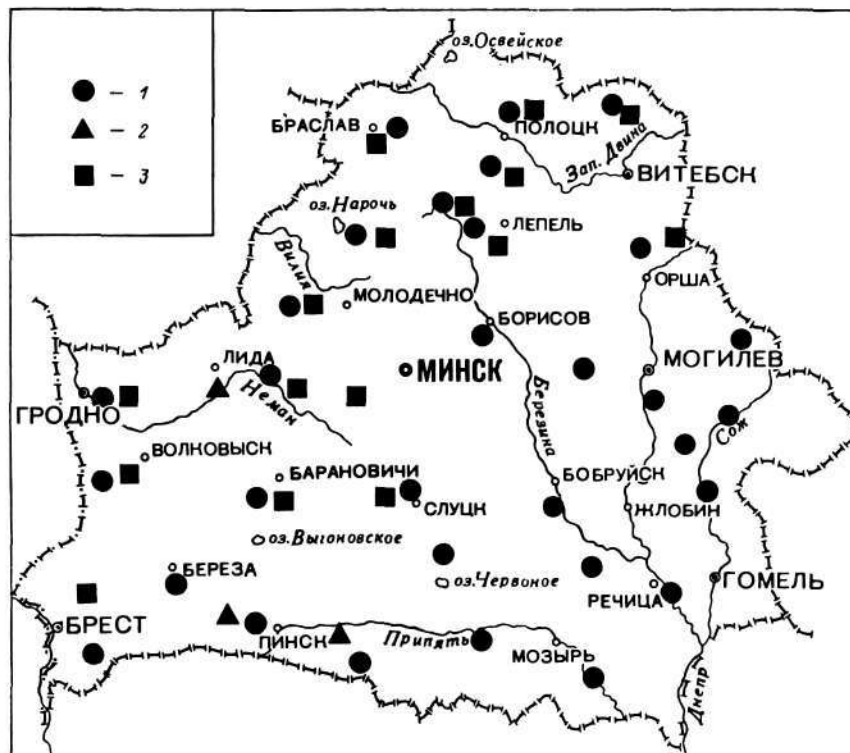

Рис. 17 Способы снования: **1 — на стене;** 2—на раме; 3—на сновалке

нитями снизу, а второй раз сверху (в виде восьмерки). В процессе снования нужно было внимательно следить за расположением пряжи на колышках, т. е. четко соблюдать последовательность, чтобы не получилось «перемота», при котором ряды основы нарушаются и мешают образованию зева.

Длина основы определялась количеством губок. Расстояние от колышка 1 до колышка 1а и составляло губку. Это название бытовало с некоторыми фонетическими вариациями: в юго-западных районах Белоруссии — «губіца», в южных, пограничных с Украиной,— «гіба», в северных районах, так же как и у русских,— «сцяпа». Длина губки колебалась от 4 до 6 м, в зависимости от длины стены.

Ширина будущей ткани определялась количеством пасм. Одну пасму составляют 10 чисменок («чыслянак»), каждая чисменка состоит из трех нитей. Таким образом, одна пасма насчитывает 30 нитей. Основу для грубого полотна сновали в 8, 9, 10 пасм, для тонкого — в 12, 14, 16, 18, 20 и более пасм. По окончании снования нити перевязывали по одной пасме в месте пересечения «у чынах» и на верхнем последнем колышке — «у глухім канцы». Затем, начиная с «глухога» конца, основу постепенно снимали с колышков и сплетали «у касу», «у пляцёнку», «у плісцёнку». Сплетенная основа на-

помипает обычную цепь. Поэтому иногда еще говорят: сплетать основу «у ключ».

Следующий, менее распространенный способ — снование на раме. Рама представляет собой две вертикальные доски шириной 20—25 см, внизу и вверху скрепленные поперечинами. В доски, так же как и в стену, вбивали колышки, в нижней поперечине укрепляли «чыны». Процесс работы на ней аналогичен снованию на стене. Снование на раме практичнее, чем на стене, поскольку раму можно было устанавливать в любом помещении — гумне, сарае, а часто и просто во дворе. Способ снования на раме не имел повсеместного распространения у белорусов и бытовал в основном на западе: в Столинском, Пинском, Пружанском, а также в Лидском уездах.

Более поздний способ — снование на вертящейся сновалке («споўніца», «крутуха»). Наряду со снованием на стене этот способ в конце XIX — начале XX в. был характерен для северных районов Белоруссии (Витебщина), а также для севера Гродненской и Минской губерний.

В западных районах, как свидетельствуют материалы экспедиций, использовали оба способа, а на юго-западе Белоруссии известны все три способа, но здесь снование на сновалке — явление более позднего времени и так же, как и на северо-востоке, относится к началу XX в.

Снование на «споўніцы» в значительной степени облегчало работу женщины, поскольку избавляло ее от постоянной ходьбы. Конструкция сновалки позволяла работать сидя. Сновалка состояла из двух деревянных крестовин примерно по 190 см длиной каждая, соединенных четырьмя планками высотой около 150 см. Крестовины насаживались на стержень, нижний конец которого упирался в пол, а верхний укреплялся в потолочной балке. В одной из планок нижней крестовины помещался «чыноўны» колышек. Предварительная подготовка пряжи в данном случае была такой же, как и при двух вышерассмотренных способах. Держа в левой руке нити, сновальщица правой рукой вращала сновалку и располагала пряжу ровными рядами, которые поднимались спиралью вверх и поворачивались, огибая при этом колышек, вертикально вбитый в одну из планок, образуя «глухой» конец. С него и начинали снимать основу, предварительно, как и во всех случаях, перевязывая ее в местах перекрещивания нитей, т. е. в «чынах».

Основа подвергалась дальнейшей обработке. Белорусам известны самые различные способы обработки основы, причем их так много, что учесть все не представляется возможным. Наиболее распространенные: замачивали пряжу в холодной воде; заливали кипятком на 3—4 часа, а затем еще били вальками («пралі пранікамі») или толкли в ступе; довольно часто для прочности нитей основу обливали раствором заваренного крахмала или льняного семени, иногда растертым в воде вареным картофелем. Затем основу полоскали, сушили и опять сплетали в косу. После такой обработки она становилась гладкой и приобретала блеск.

ЗАПРАВКА ТКАЦКОГО СТАНА

Заправить стан («паладзіць», «навіць кросны», «радзіць кросна») — значит установить его, навить основу на пряжный навой, пропустить ее в ниты в соответствии с узором, затем в бердо, прикрепить концы основы к навою.

Налаживали кросна обычно две наиболее опытные женщины. Принцип наладки для всех станов был одинаковым.

Установив соответствующим образом ткацкий стан, легонько расплетали и натягивали (выравнивали) основу, затем опять сплетали, клали на пол недалеко от пряжного навоя. После этого одна из женщин расплетала основу с «чыноўнага канца» и надевала ее на пруточек, который закладывался в продольное отверстие в навое («паз»). Затем, чтобы сохранялся зев, в основу пропускали две тонкие (2—3 см) «чыноўныя» дощечки и связывали их на концах, чтобы они не выпадали из основы. По мере накручивания основы на навой дощечки все время передвигали. Во время навивания одна из женщин, продев ногу в петлю основы, постепенно распускала и натягивала ее, а другая, поворачивая пряжный навой, накручивала на него пряжу. Оттого, как навита основа на навой, зависел дальнейший ход тканья, поэтому здесь строго соблюдалось требование: основа должна быть равномерно накручена на навой и очень ровно и хорошо натянута. В народе принято, заходя в хату во время навивки основы, произносить такие слова: «Праміна ў кросна»[24] или «Прямина у кросно, а кривизна в лес»[25], «Будзьце кросны, як сцяна, а нітачкі, як струна»[26].

Для того чтобы основа была ровной, ее все время чешут («разграбаюць») маленькой гребенкой. Этот способ характерен только для восточной и юго-восточной частей Белоруссии, а также для России[27]. Когда основа навита на навой, разрезают «глухой» конец и пропускают («кідаюць») в ниты. На большей части Белоруссии в таких случаях основу предварительно пропускают в специальную раму наподобие берда с редкими зубьями, с помощью которой достигается натянутость пряжи, но в ряде мест, в частности в восточных районах, основу сразу же «накідаюць у ніты», а затем в бердо.

Чтобы яснее представить этот процесс, опишем накидку основы в два нита (необходимое количество для образования зева). Одна из женщин все четные нити основы пропускает в глазки первого нита, минуя при этом глазки второго, а нечетные — в глазки второго, минуя соответственно глазки первого. Другая женщина, сидящая за бердом, протягивает между зубьев две нити с первого нита, а в следующие междузубья — две нити со второго нита. «Кідаецца» основа слева направо. Закончив накидку основы, концы ее связывают по нескольку штук вместе, надевают на пруточек и закрепляют на полотняном навое.

---

[24] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 12, д. 2, л. 80.

[25] Добровольский В. Н. Кросно.— Этнографическое обозрение, 1902, № 1, с. 80.

[26] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 12, д. 10, л. 39.

[27] Радченко Е. С. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла, с. 64.

ЗАПРАВКА ТКАЦКОГО СТАНА

Когда процесс наладки стана, связанный с основой, закончен, смотрят, чтобы нити и бердо с набилками были правильно укреплены, подножки соединены с нитами. Когда все готово и проверено, за стан садится ткачиха и «затыкае кросны». Нажав на одну подножку, она в образовавшийся зев пробрасывает челнок с уточной пряжей и «прыбівае» бердом с набилками. Затем нажимает на вторую подножку и пробрасывает челнок в обратную сторону и т. д.

Уже в самом начале тканья можно определить все недостатки не только в наладке кросен, но и в прядении, в обработке пряжи и т. д. Если волокно спрядено слишком «просто», т. е. мало скручивалось, да основу еще к тому же мало «пралі пранікам», то в процессе тканья она будет часто рваться. Правда, по приметам, когда за кроснами сидит молодая девушка, это объясняется тем, что ее кто-то любит, но не хочет признаться [28].

Работа за ткацким станом была исключительно женским занятием с древних времен. Ф. Энгельс, говоря о распределении труда в период первобытно-общинного строя, отмечал: «Мужчина воюет, ходит на охоту и рыбную ловлю, добывает продукты питания в сыром виде и изготовляет необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята приготовлением пищи и одежды — варит, ткет, шьет» [29]. Когда же ткачество вышло за рамки домашнего занятия и приобрело черты промысла, ведущая роль перешла к мужчине. В актовых материалах XVI в., например, упоминается ткач Васко Хромы. В XVII—XVIII вв. мужчины-ткачи работали по заказам господского двора, а также на сбыт [30]. О том, что ткачеством занимались и мужчины, свидетельствуют материалы конца XIX — начала XX в.[31] Иногда от профессии ткача происходила и кличка Ткач. В д. Уголец Столинского района живет семья, за которой и до настоящего времени сохранилась эта кличка. Как выяснилось, еще прадед и дед хозяина работали ткачами в панской «ткачоўні». Ткацкому мастерству мужчин обучали специально. Например, на Могилевщине мальчиков учили ткать примерно с 13 лет. Спустя два года они уже могли работать самостоятельно [32].

Следует заметить, что продукция их была довольно высокого качества и часто экспонировалась на различных выставках. А такие изделия, как скатерти, полотенца, шали и другие, пользовались большим спросом не только в Белоруссии, но и за ее пределами.

---

[28] Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў.— Мн., 1930, с. 172.

[29] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 159.

[30] Козловский П. Г. Крестьяне Белоруссии во второй половине XVII—XVIII вв.— М., 1960, с. 73.

[31] Отчет Витебского общества сельских хозяев за 1883 г.— Витебск, 1884; Наша ніва, 1909, № 9.

[32] Запіскі аддзелу прыроды..., т. 2, с. 122.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТКАНЕЙ

Техника тканья как способ переплетения нитей основы и утка создавалась и развивалась на протяжении многих веков и передавалась из поколения в поколение, постепенно усложняясь и совершенствуясь.

Такие примитивные способы изготовления тканей, как плетение на пальцах, на стене и др., были известны еще в эпоху неолита[33]. Более усовершенствованным является тканье при помощи специальных дощечек, на нитку и др., при котором уже имелись четко оформленные нити основы и утка, пересекающиеся под прямым углом.

В конце XIX — начале XX в. в белорусском народном ткачестве использовались ремизная техника, или тканье на нитах, браная и закладная техника. Наиболее распространена была ремизная тахника, т. е. тканье при помощи нитов и подножек.

При этом способе тканья уточные нити и нити основы переплетаются под прямым углом. Такое переплетение принято называть полотняным. Ткань в данном случае имеет гладкую поверхность: каждая нить основы находится то над, то под уточной нитью. Археологические материалы свидетельствуют, что ткани полотняного переплетения были известны на территории Белоруссии еще в железном веке[34].

При ремизной технике тканья количество нитов увеличивалось до восьми и больше, что давало возможность получать ткани с более сложным и разнообразным переплетением. В Белоруссии самой распространенной и, можно сказать, универсальной была четырехнитовая техника. С помощью четырех нитов и четырех подножек изготавливались ткани самых разных узоров.

Переплетение нитей в многонитовой технике, в частности четырехнитовой, зависит от того, как нити основы пропускаются в ниты, и от последовательности хода по подножкам («хадзіць па панажах»). Так, если основу пропускать подряд в каждый нит («накідаць у проста») и последовательно нажимать на подножки, то получится безузорная ткань саржевого переплетения. Несложными по техническим приемам были ткани с узором в «ряды», «елочку» и «ромб».

Все эти узоры могла «накідаць у ніты» и выткать любая женщина. Ткани, выполненные этими способами, были универсальными. Из них шили одежду, постельные принадлежности и др.

Более сложной является техника изготовления жоккардовых тканей. Узор в них представляет клетки, образующиеся нитями утка, идущими поверх основы. Пропуская в определенной последовательности нити основы в ниты, ткачиха получала клетки раздичной величины («па адных нітах кідаю вялікія клеткі, а па другіх — маленькія»). Этот способ требовал большего опыта. Чтобы узор «накідаць у ніты», ткачихе необходимо было иметь его перед собой. Поэтому ткачихи переписывали узоры на плотной бумаге и хранили годами. Переносили узоры на бумагу по-разному. Иногда бумагу делили на равные клеточки. В первом ряду справа по вертикали ставились цифры, обозначающие ниты: 1, 2, 3 и т. д., а в последующих клеточках обозначалось количество нитей,

---

[33] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 503.

[34] Очерки по археологии Белоруссии.— М., 1971. с. 171.

которые следовало пропустить в тот или другой нит. Самый распространенный способ перенесения узора на бумагу — в виде черточек («рысачак»). Ниты обозначались горизонтальными линиями. Поперечными черточками на них обозначалось количество нитей основы, пропускаемых в глазки нитов.

Нередко узоры, выполненные техникой четырехнитового тканья, называли в зависимости от способа пропускания основы в ниты. Так, если основу пропускали в первый и в третий ниты, минуя второй («мінаді»), то узор назывался «минёны» (Могилевщина), «праз цапок» (Слутчина). Другие названия, например «агурочак», связаны с рисунком (расположение строчек, создающих узор, напоминает огурец).

В западных районах узорные четырехнитовые ткани называются «дымка», «дымы», «самадымка». Спорадически эти названия встречаются и на остальной территории Белоруссии. Аналогичные названия у болгар — «димитное» тканье [35], у литовцев — «диминас» [36].

После четырехнитового самое распространенное восьминитовое тканье. При этом способе использовалось восемь нитов и столько же подножек. Переплетение нитей атласное, а ткань более плотная. Самый распространенный узор «шашечка». Если в четырехнитовой технике на поверхности ткани количество нитей уточных и основных везде одинаковое, то в восьминитовой в одной шашечке дается больше нитей основы, а в другой — больше нитей утка. При восьминитовом тканье уточные нити не просто покрывают нити основы, как в четырехнитовом, а переплетаются между собой. Поэтому восьминитовая ткань имеет более гладкую поверхность. Как отмечают исследователи, восьминитовое ткачество — это уже зрелая и довольно развитая техника [37], которая в конце XIX — начале XX в. имела широкое распространение на всей территории Белоруссии. Восьминитовым способом ткались в основном скатерти, реже полотенца.

Менее распространенным было тканье в шесть нитов. Информаторы отмечают, что тканье при помощи шести нитов и шести подножек довольно сложное. Здесь основа пропускалась в первые два нита для полотна, а в остальные четыре — для узора. Очень сложным был и ход по подножкам. Этим способом ткали покрывала, позже дорожки, т. е. плотные ткани.

В начале XX в. многонитовая техника изготовления тканей становится еще разнообразнее. Получает распространение тканье на 10, 12, 16 и более нитах, однако в основном в северо-западной и в северной частях Белоруссии, в частности на Витебщине, где, как известно, ткачество было довольно развито [38].

Безусловно, и процесс наладки, и процесс тканья были довольно сложными из-за большого количества нитов и подножек. Основа здесь пропускалась в ниты по принципу парности. Например, при тканье в 12

[35] Гумнерова М. Видове тъкани и тъкачни техники в Смолянско.— Известия на етнографския институт и музей, кн. 14, с. 101.

[36] Труды Академии наук ЛитССР, сер. А, т. 2 (24), 1967, с. 135.

[37] Кожевникова Л. А. Народное ткачество Кокшеньги.— М., 1967, с. 211.

[38] Отчет Витебского общества сельских хозяев за 1883 г.— Витебск, 1884, с. 73.

нитов нужное количество нитей основы пропускали в первые четыре нита, потом в следующие четыре и т. д., в 16 нитов — четыре раза по четыре. Это тканье очень сложное, и, чтобы выткать ткань в 16 или более нитов, надо иметь большой опыт и умение. Кроме того, для тканья на таком количестве нитов нити основы и утка должны быть очень тонкими.

Белорусам, так же как и русским, было известно тканье и с непарным количеством нитов — с тремя и пятью. Трех- и пятинитовая техника изготовления тканей встречалась на всей территории Белоруссии, но чаще в северных и восточных районах. Ткань имела саржевое переплетение. При трехнитовом тканье основа пропускалась в два нита, как для обычного полотна, а в третий бралась одна нить с каждой пары. Нити основы, находящиеся в глазках первого нита, не переплетались с уточной, а шли поверху. Для тканья в пять нитов основа пропускалась в четыре нита, соответственно задуманному узору, а в один, например в третий, каждый раз пропускались все нити основы.

По подножкам ходили так, что сначала опускались первый и второй ниты, а поднимались третий, четвертый и пятый, а затем опускались второй и третий, а поднимались четвертый, пятый и первый. В пять нитов ткались ткани для рукавов сорочек, скатерти и др.

Используя ремизную технику и некоторые дополнительные приспособления, можно было изготовлять и другие разновидности тканей — ажурные, петельчатые, однолицевые, двойные, двухосновные.

При изготовлении ажурных тканей нити основы и утка распределяются по группам с определенным количеством нитей и на определенном расстоянии друг от друга. В Белоруссии были известны два способа изготовления ажурных тканей. В одном случае основа в ниты пропускалась, как и при обычном двухнитовом тканье, а в бердо — поочередно: в несколько тростин пропускалось нужное количество нитей основы по паре, а в последующие — по одной. В процессе тканья ткачиха в нити основы закладывала тонкую тростинку. Наткав нужную полоску полотна, она вынимала тростинку и закладывала ее дальше, а на месте тростинки получалась сетка.

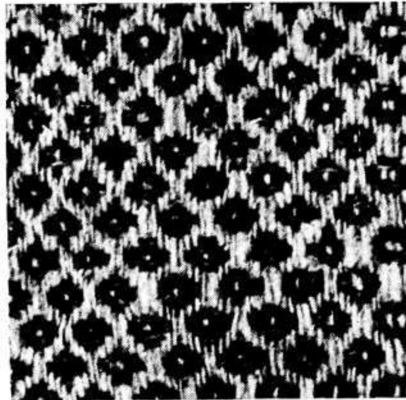

Рис. 18. Фрагмент четырехнитовой ткани с узором «у вочкі»

В другом случае основа в ниты и бердо пропускалась, как при двухнитовом тканье, а в момент тканья ткачиха в определенных местах связывала вместе по нескольку нитей основы. В результате клетки плотной ткани чередовались с клетками ажурной, которые внутри были заполнены более мелкими сквозными клеточками.

В конце XIX — начале XX в. техника ажурного тканья встречалась на всей территории Белоруссии. Для изготовления ажурных тканей ис-

пользовалась только льняная пряжа, поскольку шерстяная обычно дает усадку.

При изготовлении петельчатых тканей узор образуется только уточной нитью, которая в нужных местах вытягивается специальным крючком или же тонкой спицей. Ткань, полученная таким способом, называлась «у пуплы», «у вузлы», «выцяганая». Этот способ известен почти на всей территории Белоруссии.

Кроме белорусов техника петельчатого тканья была известна русским и украинцам. Она не является этнической особенностью, а носит диффузный характер. Предполагается, что появилась эта техника в XVII в., когда в Россию через Новгород, Смоленск, Витебск и Полоцк стали ввозить заграничные ткани, в частности итальянский аксамит, украшенный золотыми и серебряными петлями [39].

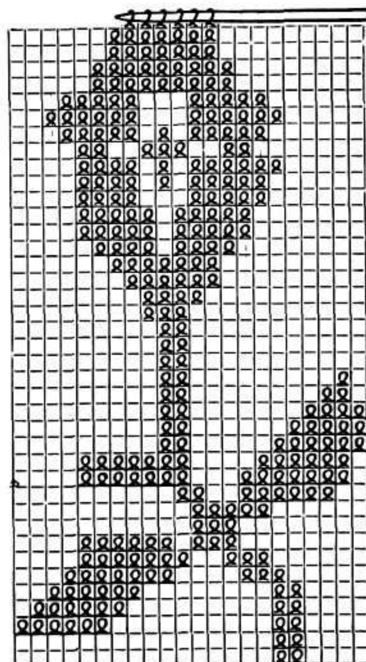

Рис. 19. Способ изготовления петельчатых тканей

Свои особенности имеет техника изготовления однолицевых тканей. Если в обычных тканях нити основы и утка чередуются, то в однолицевых уточные нити идут главным образом по поверхности основы. Однолицевые ткани изготавливали на четырех нитах, но большую роль здесь играли специальные приспособления «перачэпкі», которые служили для дополнительного подъема нитов. Это обычные деревянные круглые палочки диаметром 1—1,5 см, длиной примерно 10—12 см, которые подвешивались над нитами по центру. Концы палочек накрест соединялись с нитами. Например, один конец палочки соединялся с первым нитом, а второй конец — с третьим, другая палочка соединялась, таким образом, со вторым и четвертым нитами. Каждая подножка соединялась с четырьмя нитами, так что при нажатии на одну из них поднимался не один, а одновременно три нита. Ткань, изготовленная таким способом, называлась «аднабочка».

Однолицевые ткани изготовлялись и на восьми нитах, но широкого распространения этот способ не имел и отмечен пока только в Мстиславльском районе [40]. Эта техника более сложная, поскольку каждая подножка соединялась со всеми восемью нитами. Как отмечают информаторы, надо было иметь большой опыт, чтобы не перепутать соединение нитов с подножками и ход по ним.

---

[39] Клейн П. Е. Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв.— М., 1926, с. 13.

[40] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 12, д. 19, л. 70а.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ТКАНЕЙ

На Гродненщине, Витебщине, в северных и западных районах Минщины известна техника изготовления двойных тканей. Особенность их заключается в том, что ткались они широкими, «подвойными» (150 см) на узком станке. Все подготовительные работы выполнялись, как и при обычном четырехнитовом тканье. Основа пропускалась подряд (1, 2, 3, 4) в каждый нит, в таком же порядке соединялись и подножки с нитами. Двойная ткань получалась в результате соответствующего хода по подножкам и образования двойного зева. Как отмечают исследователи, этот способ тканья известен многим народам еще с древних времен [41]. Позже двойные ткани стали изготавливать на специальных широких станах, однако старый способ используется и в настоящее время, в основном для изготовления покрывал [42].

Более сложная техника изготовления двухосновных тканей. Само название говорит о том, что основа в данном случае берется двойная, т. е., как правило, в паре идут две разноцветные нити шерстяной основы: одна, например, зеленая, вторая бордовая. Тканье производится с помощью четырех нитов. В два нита пропускаются зеленые нити основы, а в следующие два — бордовые. Берут первую пару основы (зеленую) и пропускают через глазки первого нита, потом вторую пару (бордовую) пропускают через второй нит, затем зеленую — в третий нит и бордовую — в четвертый. В результате зеленая основа находится в первом и третьих нитах, а бордовая — во втором и четвертом. Когда основа готова, начинается тканье. Ткачиха нажимает на первую и третью подножки — поднимается зеленая основа. Затем на специальную дощечку набирается узор. После этого ткачиха нажимает на третью подножку — положение первых двух не меняется, а вверху остается только один нит с бордовой основой. Набрав узор, дощечку ставят на ребро и одновременно нажимают на две крайние подножки, а в образовавшийся дополнительный зев пропускают уток, намотанный на «ігліцу». Когда уток протянут и прибит бердом, нажимают подножки, и наверх поднимается бордовая основа. Дальше все повторяется сначала. Нужно отметить, что в данном случае фоновый уток отсутствует, идут два цветных (зеленый и бордовый), которые образуют и фон и узор. Нити основы переплетаются не только с уточными, но и между собой. Ткань получается двухцветной. С одной стороны зеленое поле с бордовыми цветами, а с обратной — бордовое поле с зелеными цветами.

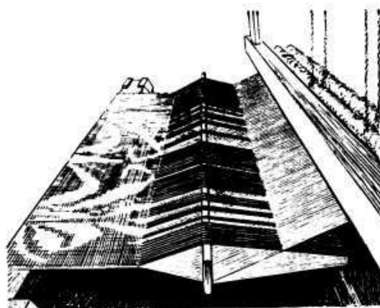

Рис. 20. Способ изготовления двухосновных тканей

Эта техника выявлена пока только в юго-западных районах Белоруссии. Широко бытовала она и на террито-

[41] Tkanina Polska. —Warszawa, 1958, s. 572.
[42] АИИЭФ АН БССР, ф. 6, оп. 13, д. 13.

рии Польши[43]. Б. А. Куфтин и Н. И Лебедева отмечают «четырехнитовое тканье при двух основах с бральницами» также у русских[44]. В отличие от вышерассмотренной эта техника называется двухосновной в зависимости не от цвета основы, а от ее качества, так как бралась шерстяная и портяная пряжа для основы. На двух нитах шла портяная, а на следующих двух — шерстяная основа. Ткань с лицевой стороны получалась шерстяная, а с изнаночной — портяная.

Получение клетчатых и полосатых тканей достигалось полихромной основой и утком. Для клетчатых тканей брали разноцветную основу и соответствующий уток. При сновании для клеток клали обычно большее число нитей, а для полосок, которые разделяли клетки («прасновачкі»),— меньшее. Наткав клетки нужного размера, ткачиха пропускала затем уток, соответствующий цвету «прасновачак».

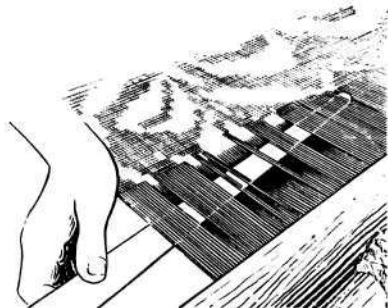

Рис. 21. Набирание узора на дощечку-бральницу

Разновидностью техники изготовления клетчатых тканей является тканье «костачкамі». Здесь основа имеет уже два цвета, например черный и белый. Ткали на двух нитах. В первый нит пропускали нужное число черных нитей основы, а во второй — столько же белых, а потом меняли: в первый шли белые нити, а во второй — черные. При тканье клеточки чередовались: черная и белая. Тканье «у костачкі» было известно и полякам.

Полосатые ткани ткались в поперечные и продольные полосы. Поперечные полосы создавались только разноцветным утком (основа однотонная). Для получения продольных полос основа бралась полихромная, а уток — одноцветный. Как клетчатые, так и полосатые ткани могли изготовляться на разном количестве нитов — двух, четырех и более.

Кроме ремизной, у белорусов широкое распространение имела браная техника («пераборы», «пярэбары», «наборкі», «перабіранне» и др.).

Процесс тканья браной техникой довольно сложен и трудоемок. Если в ремизной технике узор создавался путем проборки основы в ниты и соответствующим ходом по подножкам, то в браной основа перебиралась руками с помощью дополнительных приспособлений: дощечки-бральницы шириной 2—2,5 см и длиной 90—95 см, пруточков — круглых палочек диаметром 2—2,5 см, досок шириной 8—10 см и длиной 90—100 см.

Основа перебирается, т. е. отсчитывается нужное количество нитей соответственно задуманному узору, и набирается на дощечку-бральницу то снизу, то сверху. Когда основа перебрана по всей ширине, дощеч-

[43] Wójciechowski A. Dwuosnowowe tkaniny Białostocki. — Polska sztuka Ludowa, 1960, 7, s. 12.

[44] Куфтин Б. А. Материальная культура русской Мещеры.—М., 1926, с. 59; Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 526—529.

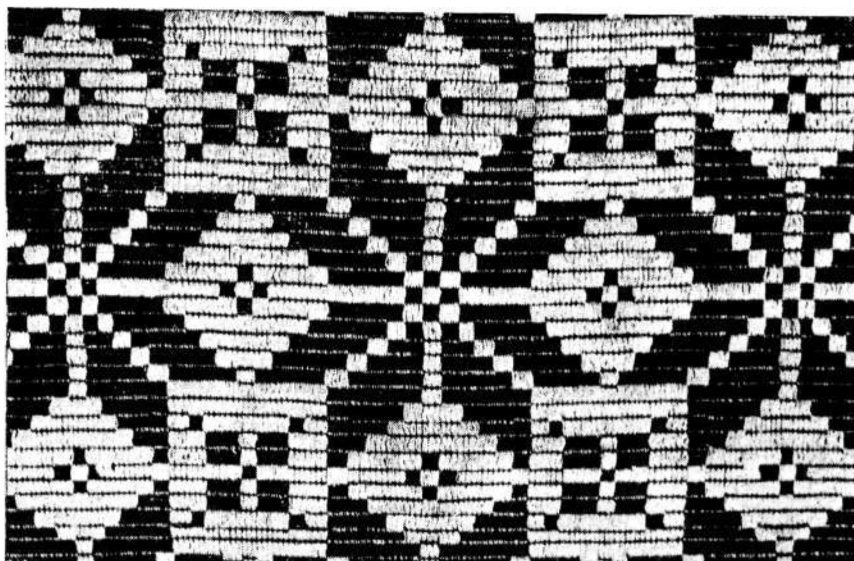

Рис. 22. Фрагмент ткани, выполненной на 12 «матузах»

ку-бральницу ставят на ребро, образуя маленький зев, в который (ближе к навою с основой) вставляют первый пруток. Для расширения зева за нитами доску ставили на ребро, а перед бердом пробрасывали цветной уток, затем клали доску плашмя, дважды пропускали фоновый уток и прибивали бердом.

Цветной уток пропускали несколько раз — в зависимости от толщины пряжи и от высоты строки. Затем

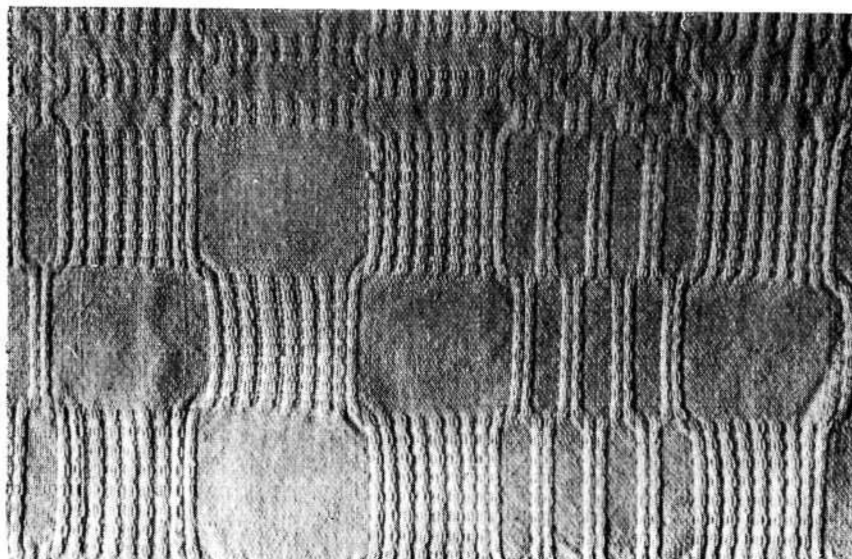

Рис. 23. Фрагмент ткани, выполненной «на дзве дошкі»

на дощечку перебирали следующий ряд основы и фиксировали узор при помощи второго пруточка и т. д.

Так ткали до середины узора, а с середины узор повторялся, и дощечкой-бральницей уже не пользовались, а работали при помощи пруточков. Перед каждым пруточком, начиная с последнего, ставили ребром доску, в открывшийся зев пропускали цветной уток и дальше процесс повторяли.

Иногда вместо пруточков в основу протягивали шнуры («матузы»). На «матузах» было ткать удобнее, чем на пруточках, поскольку прутки могли выпадать из основы. От количества «матузоў» зависела и сложность узора. Чем больше «матузоў», тем сложнее узор. Например, ткань, изготовленная на «адзін, на два, на тры матузы», выполнялась одним утком и имела несложный геометрический узор — квадраты, прямоугольники и др. Тканье на малом количестве пруточков с одним утком в конце XIX — начале XX в. было известно в основном на востоке Белоруссии и в России[45].

На большом количестве прутков можно было изготавливать самые сложные узоры. В конце XIX — начале XX в. использовали до 80 прутков.

При закладной технике, как и при браной, использовались два утка — фоновый и узорный. Но в закладной узор создается полихромным утком и пропускается не по всей ширине основы, а закладывается в определенных местах в соответствии с узором. Челноком пользовались только при прокидке фонового утка, а узорный сматывался в маленькие моточки — «матрушкі», «куклачкі» (центральные и восточные районы) или наматывался на маленькую деревянную дощечку, заостренную на одном конце — «лучынку» (западные районы).

Известны два способа тканья закладной техникой. При одном способе дополнительный зев образуется при помощи доски, которую закладывали в основу за нитами. Дощечку-бральницу здесь не использовали. Ткачиха имела перед собой узор, перенесенный на бумагу, или готовую ткань. Поставив доску на ребро, ткачиха отсчитывала нити основы («строчкі»), под которые закладывала уток нужного ей цвета, затем клала доску, пропускала фоновый уток и т. д. Процесс тканья таким способом медленный, но несложный. «Такое закладанне магла выткаць кожная ткачыха».

При другом способе для образования зева вместо доски использовали нит. Нужные нити основы пропускали в дополнительный третий нит. Поэтому в ряде мест юго-восточной Белоруссии этот способ тканья называется «закладанне ў тры ніты».

В настоящее время, когда традиционное ткачество имеет прикладное значение, многие способы тканья исчезли. Сохранились и развиваются только те, с помощью которых можно изготовлять богатые декоративные ткани. Из многоремизного тканья наиболее распространенным является четырехнитовое. Широко применяются также браная и закладная техники. На Брестчине в единичных случаях отмечена техника двухосновного тканья.

---

[45] Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, с. 528.

Ткани и их использование в быту

Тканые изделия — результат большого и трудоемкого процесса, связанного с обработкой сырья, его подготовкой к тканью, непосредственно с процессом тканья. В тканях нашли отражение многовековая история развития творческих сил белорусского народа, его мастерство, художественный вкус. Ткани, выполненные белорусскими крестьянками, отличаются разнообразием технических решений, цветовых сочетаний, практичностью.

В зависимости от функционального назначения все традиционные ткани можно разделить на ткани для одежды и ткани декоративные.

ТКАНИ ДЛЯ ОДЕЖДЫ

Основным материалом для изготовления одежды у белорусов служили домотканое полотно, сукно и полусукно. С конца XIX в. в связи с интенсивным развитием капитализма и в результате возросших связей между городом и деревней в сельскую местность проникают фабричные ткани. Появились они прежде всего в деревнях, расположенных поблизости от городов и местечек, а также в местах, связанных с отхожим промыслом. Распространению в быту белорусского крестьянства тканей фабричного производства содействовала и довольно развитая для того времени текстильная промышленность Белоруссии. Только в Минской губернии работали четыре суконные фабрики, продукция которых в значительной степени вывозилась и за пределы Белоруссии [1]. Однако пользование фабричными тканями и степень обеспеченности ими находились в прямой зависимости от материального состояния крестьянской семьи. Наиболее зажиточные крестьяне из покупных тканей шили праздничную одежду, а нередко и повседневную. Бедняки же только в редких случаях покупали недорогие ткани. Поэтому для основной массы белорусского крестьянства материалом для изготовления одежды по-прежнему служила домотканина.

Ткани для одежды, особенно праздничной, изготовленные белорусскими крестьянками, свидетельствовали о хорошем вкусе и высоком мастерстве. Н. Я. Никифоровский, характеризуя одежду населения Витебщины, отмечал: «На праздничной одежде можно видеть такую ткань, производство и обработка которой могут спорить с фабричными, и не хочется верить, что она сработана толстокожими пальцами на грубом «кроснином ставу» [2].

Ткани для женской плечевой одежды. Как известно, основу традиционного костюма белорусской женщины составляет сорочка («сарочка», «кашуля», «рубаха», «рубашка») [3]. Основным материалом для сорочек служило полотно, вытканное на двух нитках. Белорусские крестьянки довольно рационально подходили к использованию материала для одежды и, в частности, для

[1] Зеленский И. Минская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, ч. 2.— СПб, 1894, с. 258.

[2] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности.— Витебск, 1895, с. 170.

[3] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов.— Мн., 1968, с. 127; Беларускае народнае адзенне.— Мн., 1975, с. 15.

рубах. Известно, что в конце XIX — начале XX в. женская рубаха одновременно являлась и нательной и плечевой, поэтому шилась в большинстве случаев из полотна разного качества. Так, верхняя часть («станік») шилась из тонкого кужельного, а нижняя, закрытая поясной одеждой,— из более грубого — «зрэбніны».

Особое внимание уделялось тканям, предназначавшимся для рукавов. Ткани для рукавов отличались богатством украшений, которые создавались в основном способом «затыкання», «ператыкання». Орнамент в данном случае получался сугубо геометрический. Наиболее простой — в виде гладко затканных полос, образующихся за счет уточных нитей преимущественно красного цвета. Здесь использовалась техника двухнитового тканья. При тканье браной техникой геометрический узор был более сложный — полосами, состоящими из ромбов, звездочек, квадратов, прямоугольников и т. д. В юго-восточных районах Белоруссии был известен комбинированный способ орнаментации тканей, при котором использовались многоремизная и браная техники. В этом случае узор выполнялся при помощи четырех или пяти нитов и представлял собой ромбы, расположенные один в другом. Обычно такие рукава назывались «рукаў у пяць калошак».

Многонитовая ткань шла на нижнюю часть рукава, а из орнаментированной, выполненной браной техникой в виде поперечных узорных полос, шилась верхняя.

Ткани для рукавов женских рубах были не всегда одинаково насыщены орнаментом. Для северных районов богатое «затыканне» рукавов не было характерным. Ткань здесь изготавливали с тремя-четырьмя часто безузорными полосками, которые располагали в верхней части рукава. В северо-западной Белоруссии ткань для рукавов не украшали совсем. Объясняется это тем, что здесь в конце XIX—начале XX в. женская сорочка была туникообразного покроя и раньше, чем в других районах, стала использоваться как нательная [4]. Богатством украшений не отличались ткани для рукавов и в центральной части Белоруссии. Более разнообразны ткани в южных и центральных районах Минской, на большей части Гродненской (кроме северных районов), а также в Моги-

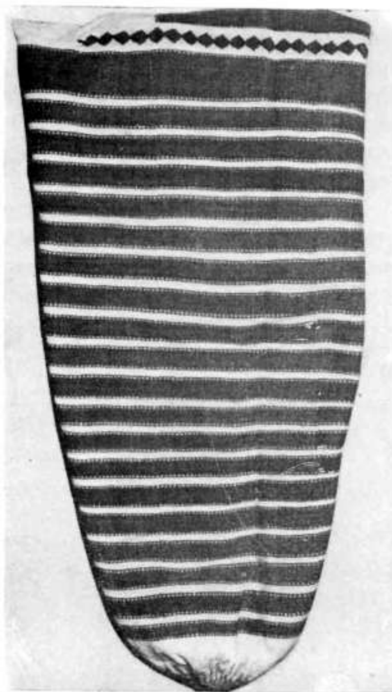

Рис. 24. Орнаментация рукава женской сорочки с поперечным расположением узора — «паўсёмны рукаў». Чечерский р-н Гомельской обл.

[4] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов, с. 131.

левской губернии. Хотя для этих районов, как и для всей территории Белоруссии, характерны рукава с расположением узора в верхней части, но орнамент в указанных районах отличается большей насыщенностью. Узорные полосы, выполненные браной техникой, ткутся широкими и занимают почти половину рукава.

Чаще всего узор состоит из поперечных, гладко затканных полос, ритмично чередующихся с белыми фоновыми протоками. Такие рукава имели названия «скразявыя» (Мозырский у.), «паўсёмныя» (Гомельский у.).

Ткани с поперечно-полосатым орнаментом по всему полю рукава характерны для Полесья и распространяются дальше на юг — на Волынь, Ровенщину, Черниговщину и на восток — на Брянщину.

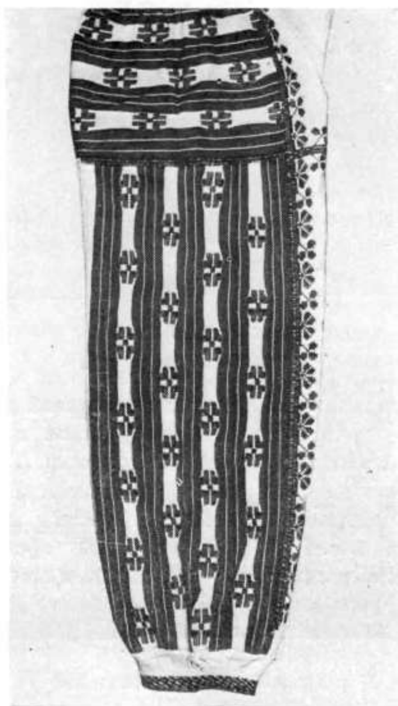

Рис. 25. Орнаментация рукава женской сорочки с продольным расположением узора. Столинский р-н Брестской обл.

В центральных и южных районах Могилевской губернии все поле рукава покрывали узором не в виде полос, а равномерно по всему полю в виде сетки, состоящей из небольших ромбиков, внутри которых были расположены маленькие розетки.

В западных районах Минской, а также в Гродненской губернии узор в виде широкой и нескольких узких полос располагали вверху и внизу рукава, а середина оставалась гладкой, безузорной. Такой способ орнаментации рукавов известен украинцам (Ровенская и Волынская обл.) [5], а также полякам [6].

На юго-западе Белоруссии, так же как у населения Украинского Полесья, узор на рукавах располагали в виде продольных полос [7].

Узорной делалась и передняя часть рубахи — «грудзіна», «манішка».

Для тканых узоров чаще всего использовали нитки красного цвета. В юго-западных районах наряду с преобладающими красными употребляли и черные нитки.

В конце XIX — начале XX в. в тканях для женских сорочек наряду с тканым орнаментом широкое распространение имела узорная вышивка, в которой преобладал геометрический орнамент, часто идентичный тканому. В вышивках довольно часто встречался и растительный орнамент.

Т к а н и д л я п о я с н о й о д е ж д ы разнообразны по материалу, технике изготовления, орнаментации, расцветке.

---

[5] Матейко К. Український народний одяг.— Київ,1977, с. 148—149.

[6] Swieży Janusz. Strój podlaski. — W ocław, 1958, c. 19 (рис. 22).

[7] Сидорович С. Й. Художня тканина західних областей УРСР.— Київ, 1979, с. 88.

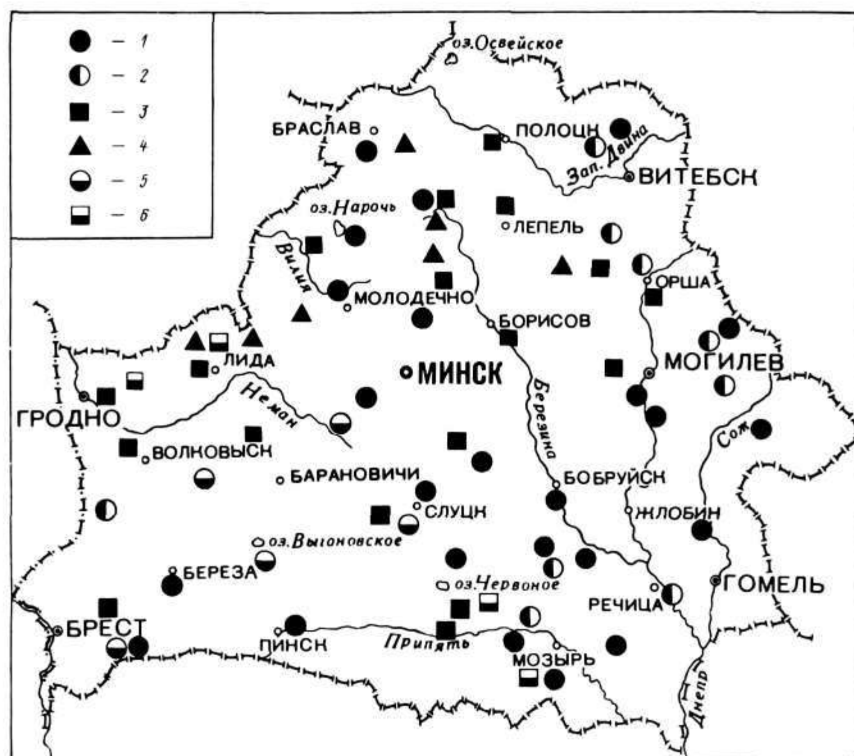

Рис. 26. Техника изготовления тканей для женской поясной одежды: 1—в два нита; 2—в три нита; 3—в четыре нита; 4—в пять и более нитов; 5—сочетание многонитовой и браной техники; 6—петельчатая

Юбки шили из шерстяной, полушерстяной, полотняной ткани. Качество ткани в значительной степени зависело от назначения будущего изделия. Для праздничных юбок чаще всего использовалась шерстяная или полушерстяная ткань, изготовленная из самой лучшей — «хрыбтовай»—овечьей шерсти. Юбки для повседневной носки шили из ткани более низкого качества. Из льняной ткани шили юбки для работы в поле в летнее время.

Ткани для женских юбок были разнообразны по технике изготовления. Богатством и разнообразием техник выделяются западные, северо-западные, а также ряд центральных районов. Меньше разнообразия в этом отношении в юго-восточной Белоруссии (рис. 26). Здесь преобладает техника двухнитового тканья.

В зависимости от орнаментации можно выделить два типа юбочных тканей — полихромные и однотонные. Среди узорных тканей преобладают полосатые с продольным и поперечным расположением полос и клетчатые. Однотонные ткани были гладкими и рельефными.

Полосатые ткани известны на всей территории Белоруссии. Областные различия проявляются в расположении полос. Ткани с вертикально расположенными полосами были известны на всей территории Белоруссии, но чаще встречались на северо-востоке и востоке. Ткались они всегда полихромными с преобладанием красного цвета. Обычно широкие

красные полосы чередовались с узкими желтыми, белыми и др. На западе Белоруссии часто в тканях такого типа преобладал черный цвет, т. е. широкие черные полосы чередовались с более узкими зелеными, белыми и др.

Продольно-полосатые ткани, кроме белорусов, известны также литовцам и латышам, полякам и украинцам.

Областные различия существовали в способах изготовления этих тканей. В южных районах Белоруссии ткани с продольным расположением полос ткались самым простым, двухнитовым способом, а на севере и востоке — чаще трехнитовым и назывались поэтому «трынітоўкамі». Если для двухнитовых тканей характерно полотняное переплетение, то в трехнитовых отдельные полосы ткались в виде волнистых линий.

Анализ имеющихся источников позволил определить районы распространения тканей с поперечным расположением полос. Ткани поперечно-полосатого типа бытовали на западе Белоруссии, в центральных и восточных районах и спорадически встречались на севере.

Рис. 27. Юбка из полушерстяной ткани с продольным расположением полос. Малоритский р-н Брестской обл.

Различия наблюдались в технике исполнения и в орнаментации этих тканей. Так, в восточных районах чаще всего они были двухнитовыми, в редких случаях четырехнитовыми саржевого переплетения. Полосы создавались полихромным утком. Нижняя полоса ткалась широкой, а кверху полосы постепенно суживались. В центральных районах нередко нижняя полоса ткалась узорной при помощи браной техники: «Ніз перапыкалі, а далей ткалі проста паскамі».

Техникой исполнения и орнаментацией выделяются ткани юго-западного Полесья. При их изготовлении использовали комбинированный способ тканья, т. е. сочетали браную и многонитовую технику. Узор выполнялся «перабіраннем», а фон — при помощи четырех нитов, поэтому ткань отличалась плотностью. Узор создавался на белом фоне, и чередование цветных узорных полос с белыми придавало ткани изящность и красоту. Ткани и юбки, сшитые из них, назывались бурками.

Кроме юго-западного Полесья Белоруссии бурки известны украинцам (Волынь) [8], полякам и словакам [9].

Широко распространены были ткани, в которых поперечные полихромные полосы равномерно распределялись по всему полю, закрывая фоновые протоки. Изготавливались они чаще всего многоремизным (четырехнитовым) способом и имели

---

[8] Матейко К. Український народний одяг, с. 83.

[9] Kaznowska-Jarecka B. Strój Biłgorajsko-Tarnogrodzki. — Wrocław, 1958, s. 30; Materiały do monografii przemysłu i sztuki Ludowej w Polsce. —Warszawa, 1930, s. 100; Narodopisna Vystava československa. —Česki Lid, 1896, 2, s. 312.

саржевое переплетение. В восточной части Белоруссии (Борисовский у.) поперечно-полосатые ткани для юбок ткались однолицевыми и назывались «аднабочкі».

Повсеместно на Белоруссии были распространены клетчатые ткани. По технике изготовления клетчатые ткани не отличались сложностью и разнообразием. Ткались они преимущественно двухнитовым способом. Клетки образовывались ритмично повторяющимися по всему полю прямоугольниками или квадратами разной величины.

Для клетчатых тканей XIX в. характерно двухцветное решение, чаще сочетание красного с черным и белого с черным. Сочетание красного и черного цветов в конце XIX — начале XX в. было характерно в основном для юго-восточных районов Белоруссии. Широко распространенными были ткани в черно-белую клетку. Информаторы отмечают, что вытканную черно-белую клетчатую ткань нередко красили в красный цвет, что давало возможность получать ткань более темных тонов. Для большей части Могилевской, восточных районов Витебской губерний характерны клетчатые ткани с наличием синего цвета. На юге Белоруссии, в районах, пограничных с Украиной, клетчатые ткани были полихромными с сочетанием красного, зеленого, желтого и синего цветов. Для этих же мест характерны и клетчатые ткани «у вузлы», т. е. петельчатые. Петли делались обычно по углам каждой клетки, что придавало ткани оригинальность. Ткани такого типа встречались и на северо-западе Белоруссии, в районах, пограничных с Литвой, где они имели широкое распространение.

К особой группе нужно отнести узорные ткани, выполненные многоремизным способом. На севере Гродненщины, Витебщине и в северных районах Могилевщины широко были распространены пятинитовые однотонные ткани, узор в которых создавался уточными нитями и представлял собой небольшие рельефные

Рис. 28. Юбка из полушерстяной ткани. Могилевский у.

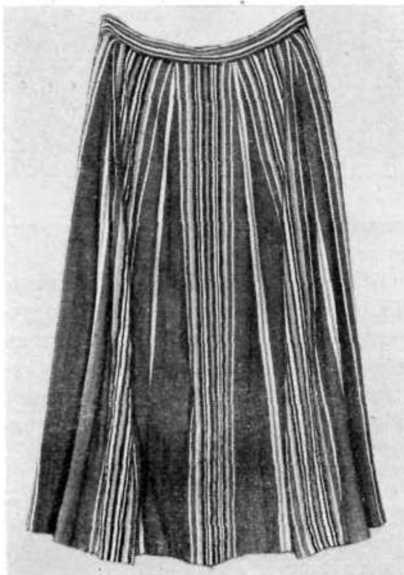

Рис. 29. Юбка из полушерстяной ткани. Новогрудский р-н Гродненской обл.

ромбики, прямоугольники («у кружочкі», «у крывулькі») и др. Как раз о таких тканях говорил Н. Я. Никифоровский, отмечая, что ткань была не только полосатой, но и «у мачынкі, у клятушкі, у кукушкі, у ялушкі» [10]. В ряде уездов Могилевской губернии (Горецкий, Мстиславский) известна узорная полихромная однолицевая ткань, выполненная восьминитовым способом. Узор представлял собой прямоугольнички разной величины, равномерно заполняющие поле и расположенные в виде продольных полихромных полос с преобладанием синего или фиолетового цвета. Называлась такая

Рис. 30. Юбка из полушерстяной петельчатой ткани. Гродненский у.

ткань «камлётнай», а сшитая из нее одежда — «камлёт».

В конце XIX и особенно в начале XX в. на всей территории Белоруссии в большом ходу были однотонные безузорные ткани. Их ткали нередко из фабричной тонкой пряжи, для основы брали кужельную пряжу, окрашенную в соответствующий цвет, а для утка — шерстяную. Если позволяли средства, такую ткань изготавливали чисто шерстяной.

Информаторы отмечают, что наиболее красочные ткани начали изготавливать в начале XX в., когда широкое распространение получили химические красители. Расцветка таких тканей была разнообразной, но наиболее часто встречалась ткань зеленого, розового, бордового, коричневого, реже черного цвета.

Льняные ткани не были такими разнообразными с точки зрения техники изготовления, не всегда отличались богатой орнаментацией и расцветкой. Из них чаще всего шили рабочие юбки. На юго-западе Белоруссии (Пинский у.) бытовала белая льняная ткань для юбок с затканной красной полосой по нижнему краю. Широко распространена была поперечно-полосатая ткань, в ней белые полосы ритмично чередовались с серыми, создающимися неотбеленным утком. Иногда нижняя широкая полоса делалась узорной.

Довольно разнообразны были названия юбочных тканей. Часто название соответствовало материалу. Полушерстяные ткани, а также сшитые из них юбки назывались «паўсукеннік», а шерстяные — «сукеннік» (Витебщина), полотняные ткани и изделия из них — «парцянік» (Мозырщина), «шарачок», «спанніца плаценкавая» (Гродненщина), «рабік», «рабізна» (Витебщина), «зрэбная», «палатнянка» (Минщина) и др. Нередко название материала говорит о домашнем способе его изготовления: «саматканка», «саматканік» (Могилевщина), «даматкан» (юго-западная часть Белоруссии): «Дай мне, мамка, даматкан, што хораша ткан». Многие ткани получили названия от

[10] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности, с. 116—117.

техники изготовления: «пяцірык» (в пять нитов), «васьмірык», «у балопкі» (в восемь нитов), «аднабочка», «у перачэпкі» (однолицевые ткани). Название «камлёт», известное на Могилевщине, объясняется и техникой изготовления и качеством ткани. С. И. Ожегов термин «камлот» толкует как род плотной шерстяной или полушерстяной ткани, вырабатывавшейся в XIX в.

На юго-западе Белоруссии, а также на Украине (Ровенщина) [11] юбка, сшитая из тонкой шерстяной ткани, называлась «летнік». Термин этот известен со времен Древней Руси. Летником в то время называлась рубаха [12]. Широко известны такие названия ткани, как андарачная, на саяны и др. Только на востоке Белоруссии клетчатые ткани, как и юбка, назывались паневами. Термин «панева» общеславянский, а у восточных славян он встречается в письменных источниках XII—XIII вв. [13] Особенность белорусской паневной ткани заключается в том, что ткалась она, как свидетельствуют материалы экспедиции, только двухнитовым способом.

Юбка, сшитая из белой полотняной ткани, на юго-западе Белоруссии называлась «фартух». Кроме белорусов этим термином пользовались украинцы на Волыни, болгары, чехи, сербы, словаки, поляки [14]. На юбку

---

[11] Матейко К. Український народний одяг, с. 83.

[12] Зеленин Д. К. Об исторической общности русского и украинского народов.— Советская этнография, III, 1940, с. 29.

[13] ПСРЛ, т. 18.—СПб, 1913, с. 58.

[14] Велева М. Г., Лепавцова Е. И. Народная одежда болгар в северной Болгарии в XIX — начале XX в., т. 1.— София, 1961, с. 14; Народы мира, т. 3.— М., 1964, с. 208, 416, 234.

Рис. 31. Юбка из льняной ткани «фартух». Малоритский р-н Брестской обл.

Рис. 32. Юбка, выполненная комбинированным способом. Кобринский р-н Брестской обл.

название перешло от несшитой поясной одежды. Способ ношения двух «фартухов» (спереди и сзади) был известен на Белорусском Полесье еще в начале XX в. Как отмечает А. Хентник, поляки «раньше вместо сподницы носили два фартуха — спереди и сзади» [15].

Одним из необходимых элементов женского традиционного костюма

Рис. 33. Фрагмент четырехнитовой поперечно-полосатой ткани для юбки. Слуцкий р-н Минской обл.

является передник («хвартух», «пярэднік», «запаяска» и др.), который повязывался спереди на юбку.

Передники шились из полотняных и шерстяных тканей. Данные полевых исследований показали, что наибольшее распространение имели передники из полотняной ткани. Фон в тканях для передников имел гладкую поверхность и ткался обычно при помощи двух нитов. В редких случаях использовались четырехнитовый и восьминитовый способы.

Праздничные передники обязательно украшались тканым или вышитым узором. Вышивались обычно передники из фабричных материалов, самотканые же, как правило, украшались тканым орнаментом. Узор на передниках часто соответствовал узору на рукавах сорочки. В северных районах Белоруссии передники так же, как и сорочки, не отличались богатством украшений и «затыкаліся» иногда одной-двумя красными поперечными гладкими полосками. Информаторы отмечают, что здесь передник как элемент праздничной одежды в начале XX в. уже почти не использовался, а являлся только повседневным. Поэтому чаще всего он не украшался вообще. На остальной части Белоруссии праздничный передник украшался несколько богаче. Иногда узор представлял собой одну широкую полосу, состоящую из ромбов, расположенных в виде сетки (Могилевская губ.). Но чаще всего передник украшался несколькими красными гладкими или неширокими узорными полосами. В одних случаях они располагались на небольшом расстоянии одна от другой, в других — несколько реже и занимали большую половину передника. Здесь нижняя полоса ткалась более широкой, а следующие три или четыре — узкими.

На юго-западе Белоруссии полосатый узор в передниках располагали по всему полю. Узкие бордовые и красные безузорные полоски, чередуясь с белыми фоновыми протоками, находились в верхней и нижней частях передника, а посередине бра-

[15] Chętnik A. Strój Kurpiowski puszczy zielonej. — Wrocław, 1961, s. 34.

ной техникой ткалась центральная широкая узорная полоса. Передники с расположением узора по всему полю отмечены и на Гродненщине (Гродненский у.). Но характер орнаментации здесь несколько иной. Узор на них геометрический, состоящий из прямоугольничков, образующихся разноцветным утком и равномерно покрывающих все поле («панцачкі»).

Шерстяные ткани для передников в конце XIX — начале XX в. широко не использовались и отмечены в основном на юге Белоруссии и в центральных районах. Ткались они однотонными и безузорными. Основную роль здесь играл цвет, чаще красный, розовый, реже черный и др. На шерстяных передниках создавался узор в виде полихромных полос. Их, как и льняные, называли «хвартух», и только на юге Белоруссии встречаются термины «запаска», «запаяска». Шерстяные передники широко распространены на Украине, а также в Болгарии.

Тканые головные уборы. К тканым женским головным уборам в первую очередь нужно отнести полотенчатый головной убор — намитку («наметка», «намітка», «плат», «убрус», «павойнік» и др.), известный белорусам с древних времен. Тканые намитки довольно часто упоминаются в документах XVI в. Например, в заявлении урядника Яроцкого в Слонимский земский суд при перечислении отнятых у людей Мелешки вещей называются и намитки: «полотна кужольного небеленого тридцать локоть, наметов три поставцы, в каждом поставце по три намета» [16].

В конце XIX — начале XX в. намитка являлась головным убором

Рис. 34. Фрагмент полушерстяной клетчатой ткани для юбки. Копыльский р-н Минской обл.

Рис. 35. Фрагмент клетчатой полотняной ткани для юбки. Бобруйский у. Могилевской губ.

[16] АВАК, т. XXII.— Вильно, 1895, с. 202.

женщин-крестьянок, в более ранние времена ее носили представительницы и других сословий. Об этом свидетельствует портрет XVI в., на котором изображена княгиня Олельковича-Слуцкая с завитой намиткой[17].

Материал для головных уборов готовили всегда высококачественным. В первую очередь это требование относилось к ткани для наміток. Ткали ее, как и обычный холст, в два нита, из самой тонкой пряжи и всегда тщательно отбеливали. Способ ношения этого головного убора обусловливал и размеры его, в частности длину. Готовая намитка представляла собой кусок ткани длиной от 2 до 3,5 м и шириной примерно 45—50 см. Концы ее, как правило, украшались несложным браным, а иногда и гладким узором в виде двух-трех, реже одной красной полоски. Намитку готовила каждая девушка. Завивали ее первый раз на свадьбе. Завив намитку, женщина уже не имела права ходить с непокрытой головой.

Рис. 36. Фрагмент клетчатой полотняной ткани для юбки. Копыльский р-н Минской обл.

В конце XIX и особенно в начале XX в. намитка как головной убор использовалась уже редко. Но она не исчезла бесследно из быта народа. По-прежнему намитка играла определенную роль в свадебной обрядности. Она преподносилась часто в подарок сватам, а также родне жениха. На Витебщине намитка как головной убор исчезла раньше, но термин этот остался. Здесь намиткой называли очень тонкое кужельное полотно. Дарили его сватам, при этом обычно говорили: «Наметка свату на рукавы». Этот обычай в некоторых местах сохранился до настоящего времени. В Глубокском районе, например, и сейчас каждая девушка должна преподносить свату тонкое полотно «на рукавы». Определенную роль играла намитка и в похоронной обрядности. Почти на всей территории Белоруссии намиткой застилали гроб и накрывали умершего.

Белорусам известна и другая разновидность полотенчатых головных уборов — ширинка — неширокая полоска, примерно 25—30 см, длиной 75—80 см, затканная, как и намитка, на концах. Ширинка считалась девичьим головным убором.

Наиболее распространенным женским головным убором в конце XIX — начале XX в. был платок («хуста», «хустка» и др.). Его носили как женщины, так и девушки. Правда, девушки по праздникам в летнее время ходили с непокрытой головой, надевали венок или «ши-

[17] Smolinski I. Kaptur i namiotka na Białorusi Litewskej. — Ziemia, 1911, № 9, s. 29.

ринку», но в зимнее время и в рабочую летнюю пору платок в одинаковой мере носили и девушки и женщины.

Праздничные платки преимущественно покупали. Это были небольшие ситцевые, репсовые или шерстяные платочки — «рэзанкі», размером примерно 60×60 см. Большое распространение имели также шерстяные цветные платки с бахромой: «гарусоўкі», «шаліноўкі», «кашміроўкі» и др.

Наряду с фабричными у крестьян бытовали и самотканые платки. Ткались они из льна, шерсти и полушерсти. Льняные платки не имели широкого распространения и отмечены в основном на юге Белоруссии. Как сообщают информаторы, повседневные платки изготовляли из обычного тонкого холста и единственным украшением их была бахрома («махры», «махрачы»). Но чаще льняные платки ткались «у роскідку». Платок, вытканный этой техникой, был мягким, хорошо стирался и был очень удобен при носке. В районах, пограничных с Украиной, кроме бахромы, тканые белые платки часто украшали вышитым растительным орнаментом, который располагали обычно по углам («на ражках»), а иногда вышивали и середину платка «вяночкам».

В отличие от льняных шерстяные и полушерстяные платки были распространены повсеместно. От полотняных они отличались не только качеством, но и цветом, а также техникой исполнения. Если льняные платки были, как правило, белого цвета, то шерстяные и полушерстяные — чаще темных тонов, так как серую или белую шерсть красили в черный, коричневый или синий цвет. Носили их обычно в холодную погоду. Назначение таких платков обусловило и способ их изготовления. Ткали их преимущественно на четырех нитах с саржевым переплетением «у рубчыкі», плотными. В XIX ст. такие платки, как правило, были сшитыми. В конце XIX — начале XX в. с усовершенствованием ткацкого стана в ряде мест стали ткать цельные квадратные платки с белой каймой («бераг», «карьма» и др.). Обычно платки с каймой ткались небольших

Рис. 37. Юбка из полушерстяной ткани. Чаусский р-н Могилевской обл.

размеров, примерно 80×80 см, и назывались «канаплянкі», «увяртанкі» и др. Платки больших размеров (1,5×1,5 м) назывались «апінанка», «апіналка», «апінаха», а иногда и просто «вялікая хустка». Накинутые на плечи, они часто заменяли зимнюю одежду и плащ в дождливую погоду.

ТКАНИ ДЛЯ ОДЕЖДЫ

Ткани для мужской одежды. Ткани для мужского костюма в отличие от женского были менее разнообразны. Основу мужского традиционного костюма, как и женского, составляла сорочка и поясная одежда — штаны, «нагавіцы», «ганавіцы», «порткі» и др.

Материалом для мужских сорочек служило полотно, но несколько худшего качества, чем для женских рубах. Из кужельного полотна иногда делали манишки («пазуха», «грудзіна») и воротник. Изредка тонкое полотно использовалось и для рукавов. Но в большинстве случаев мужские сорочки шили из «зрэбнага» полотна:

Убраўся дзядзька, як у свята;
Сказаць — не вельмі зухавата:
Пільчак быў простага суконца,
І той весь вырыжаў ад сонца;
Кашуля зрэбна, але бела,
І шапка козырам сядзела.[18]

Повседневные сорочки обычно не украшались. В праздничных узор располагали на манишке, воротнике, манжетах, реже на подоле. Богатством украшений отличались сорочки у населения южных районов Белоруссии. Здесь широко использовался как вышитый, так и тканый орнамент. На севере и северо-западе известны только вышитые рубахи. Вышивались они, как правило, крестом. В отличие от тканья для вышивки использовались разноцветные нитки, чаще красные в сочетании с черными. Позже стали добавлять и другие, в частности зеленые. Богаче украшалась мужская сорочка-косоворотка. Ее конструктивные особенности (разрез сбоку) давали возможность более богато украшать манишку. Узор располагался широкой полосой, достигающей 10—15 см. Довольно часто манишки ткались или вышивались отдельно. На Полесье (Бобруйский, Мозырский у.) манишки готовила девушка еще до замужества[19].

Мужские штаны шили из шерстяных, полушерстяных, а также льняных тканей, менее качественных, вытканных в 8—10, реже в 12 пасм. Эти ткани изготовлялись в основном четырехнитовой техникой «у рады», «у ёлачку», иногда с рельефной поверхностью в виде небольших ромбов (Гродненщина). В ряде мест Витебской, Могилевской, а также на севере Минской губернии, кроме четырехнитовых тканей, широко использовались трехнитовые. На юге были распространены и двухнитовые ткани.

Расцветка тканей, предназначенных для этого вида мужской одежды, не отличалась разнообразием. Шерстяная и полушерстяная ткань довольно часто была серого цвета. Из нее обычно шили штаны «на кожны дзень». Для праздничных штанов использовали черную или коричневую ткань. В ряде мест, особенно на востоке и юго-востоке Белоруссии, штаны шили из белого полотна. Носили их обычно летом, реже зимой.

Наряду с белой широко использовалась и цветная полотняная ткань в полоску, клетку, с характерным чередованием белой, серой, черной, иногда синей пряжи.

---

[18] Колас Я. Збор твораў у 14-ці т., т. 6.— Мн., 1974, с. 238.

[19] Во время экспедиции 1975 г. на Полесье было обнаружено примерно 2—3 м полотна с вышитыми на нем самыми различными узорами, предназначенного для манишек и манжетов.

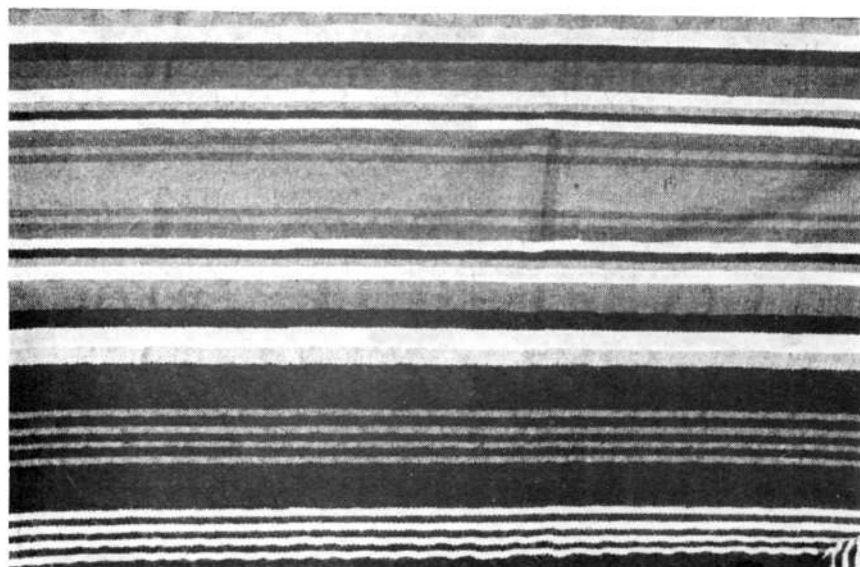

Рис. 38. Фрагмент шерстяной ткани для передника. Мозырский у. Минской губ.

Ткани для верхней одежды. Наиболее распространенным материалом для верхней одежды были шерстяные и полушерстяные ткани из натуральной овечьей шерсти, а в ряде случаев и полотняные.

Сукно и полусукно ткались исключительно четырехнитовым способом «в ряды» и «елочку», что обеспечивало плотность и практичность будущего изделия. Этим же способом ткалось обычно и полотно.

Из сукна и полусукна шили мужскую и женскую длинную верхнюю одежду («світа», «сярмяга», «армяк» и др.), а также плащевидную («бурка»). Широко использовались эти ткани и для изготовления короткой верхней одежды («кулёк», «кусёк», «світка» и др.), а также для пошива мужских пиджаков («пінжак», «пільчак»), получивших широкое распространение среди крестьян в начале XX в.

Сукно и полусукно чаще всего сохраняли естественный цвет овечьей шерсти: белый, черный, коричневый или же серый, который получался смешиванием белой и черной «воўны». Во второй половине XIX в. в Белоруссии наиболее распространенным было сукно серого и белого цвета. Белый цвет преобладал в южных районах Минской губернии, захватывал Могилевскую и восточные районы Витебской губернии и распространялся дальше за пределы Белоруссии: в Смоленскую, Псков-

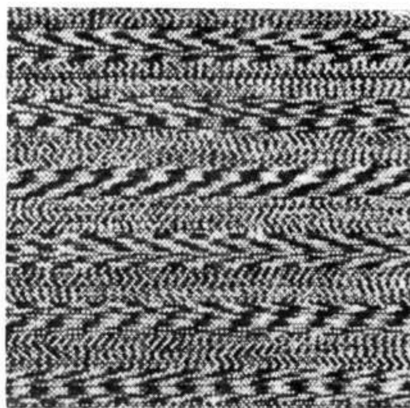

Рис. 39. Фрагмент четырехнитовой ткани для мужских штанов. Лидский р-н Гродненской обл.

ТКАНИ ДЛЯ ОДЕЖДЫ

скую, частично Калужскую губернии[20]. Сукно серого цвета более характерно для северо-западной Белоруссии.

В меньшей степени для верхней одежды использовались полотняные ткани. Районы наиболее широкого бытования полотняной одежды — север и северо-восток Белоруссии. Полотно, предназначенное для верхней одежды, ткалось обычно в четыре, три, два, изредка в шесть нитов. Из полотна, окрашенного в синий цвет, шили насовы (балахон, касталан и др.), которые носили зимой поверх кожуха, а летом в прохладную или дождливую погоду. Иногда из узорного белого полотна шили короткие «насоўкі» (Витебщина) и «куртачкі» (Могилевщина).

[20] Русские. Историко-этнографический атлас.— М., 1967, с. 241.

ТКАНИ ДЕКОРАТИВНЫЕ И ТКАНИ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

К декоративным относятся ткани, служащие для украшения интерьера: богато орнаментированные полотенца, изящно выполненные скатерти, покрывала и пр.

До настоящего времени совершенно без внимания оставались ткани утилитарного назначения. А они, как нам кажется, представляют несомненный интерес для этнографов.

Рис. 40. Полотенце браное. Лепельский р-н Витебской обл.

К этой группе относятся ткани, используемые в повседневном обиходе: для постельных принадлежностей, кухонных полотенец и др.

Техника изготовления этих тканей несложная и определялась назначением будущего изделия. Так, для матрацев («сяннік», «сяльнік», «шумляк» и др.) использовались ткани полотняного переплетения обычно белого цвета из пряжи низкого качества.

Льняные постилки для простыней ткались в два или четыре нита, иногда несложной браной техникой («на дзве або тры дошкі»). Одеялами в летнее время служили обычные «радзюжкі», а зимние одеяла шили на куделе (позже на вате). В восточных районах вместо одеяла использовали «дзяругу», сшитую в виде мешка. Ткали ее, как правило, «у рады», очень плотной и теплой. На Могилевщине, в южных и юго-западных районах Белоруссии «дзяруга» была только белого цвета, а на северо-востоке и Витебщине ее иногда окрашивали в синий цвет.

В конце XIX — начале XX в. на территории Белоруссии были известны два типа наволочек — прямоугольные и квадратные, что определялось формой подушки. Как пока-

зал анализ полевых материалов, на всей территории Белоруссии в XIX в. были распространены подушки прямоугольной формы, длиной до 1,5 м, шириной примерно 45—50 см. На одной такой подушке могла поместиться вся семья. Подушка являлась необходимой в приданом каждой невесты. Как сообщают информаторы, в более состоятельных семьях в приданом молодой имелись три подушки: одна клалась под голову, а две использовались как матрацы. Набивались подушки обычно куриным пером, которое собиралось годами. По этому поводу в народе сложилась пословица: «Нявеста — ў калышцы, а пер'е — у гладышцы».

В конце XIX — начале XX в. изменение интерьера и, в частности, постепенная замена полка деревянной кроватью повлекли за собой и замену длинных подушек квадратными, или, как их называют в народе, «круглыми».

Наволочки шились из белой ткани, вытканной чаще всего браной техникой на «дзве» или «тры дошкі», а также из четырехнитовой «радовай». Насыпкі («наперпікі») делались из хорошо сваляпного сукна, которое для большей плотности натирали мылом. В XX в. для этой цели часто использовали покупные, специально предназначенные для насыпок ткани.

Однокамерное жилище обусловило использование полога, который развешивался («распінаўся») над постелью молодых, а также рожениц. Состоял он из трех-четырех полотнищ («полак»), сшитых вместе. Со всех четырех сторон пришивалось еще по одной полке («крыллі»). Вверху по четырем углам прикреплялись петли, на которых полог подвешивался над постелью. Шили пологи из белой льняной ткани, часто из простой двухнитовой, иногда узорной четырехнитовой. В восточных районах Витебщины бытовали клетчатые (синее с белым) пологи. Несмотря на практичность, полог не имел повсеместного распространения и в конце XIX — начале XX в. основные районы его бытования были ограничены восточной частью Белоруссии (юго-восточные и западные районы Минской, Могилевской и восток Витебской губерний).

Ткани, использовавшиеся для постельных принадлежностей, в преобладающем большинстве были белого цвета, что подчеркивало их гигиеничность.

Рис. 41. Полотенце браное «на 32 дошкі». Бобруйский у. Могилевской губ.

ТКАНИ ДЕКОРАТИВНЫЕ И ТКАНИ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

К тканям утилитарного назначения следует отнести и полотенца для вытирания лица и рук («ручнік», «рушнік», «уцірка», «сцірка», «уціраннік» и др.). «Рушнікі» ткались преимущественно в четыре нита в «ряды» и «елочку». Встречались и восьминитовые, вытканные продольными полосами. Такие полотенца использовались и в качестве кухонных, но чаще для этой цели служили полотенца-«трапкачы», «скарачы». Их специально не ткали, а делали из остатков полотна, а незатканные концы основы завязывали как бахрому. Такие полотенца отмечены на всей территории Белоруссии. Полотенца утилитарного назначения почти не украшались. Только иногда на концах располагались две-три безузорные полоски красного цвета.

Наибольший интерес с точки зрения как этнографии, так и искусствоведения представляют декоративные полотенца. Они составляют самую большую группу среди декоративных тканей. Объясняется это в первую очередь тем, что полотенца были не только предметом украшения интерьера, а имели и другое назначение. У белорусов так же, как и у всех восточнославянских народов, полотенца широко использовались в свадебном обряде. Каждая девушка до свадьбы готовила большое количество полотенец. Полотенце играло и определенную символическую роль. Например, на Брестчине известен такой обычай, когда девушка после помолвки повязывает свату полотенце, что свидетельствует о ее согласии выйти замуж. Для свата «рушнік» ткали специально и называли его «рушнік для свата». Ткались они в четыре нита узорными по всему полю, внизу пришивались четырехугольные холщовые полоски. Заканчивался «рушнік» бахромой.

«Рушніком» перевязывали и дружка, когда сваты приезжали «на адведы» в четверг перед свадьбой. Когда ехали венчаться, полотенца повязывали всем дружкам и украшали ими дугу. Во время венчания молодые стояли на «рушніку», а при выходе из церкви молодая тянула его ногой за собой, чтобы девушки, идущие за ней, быстрее вышли замуж. Полотенце клали и в постель молодым. С полотенцами в

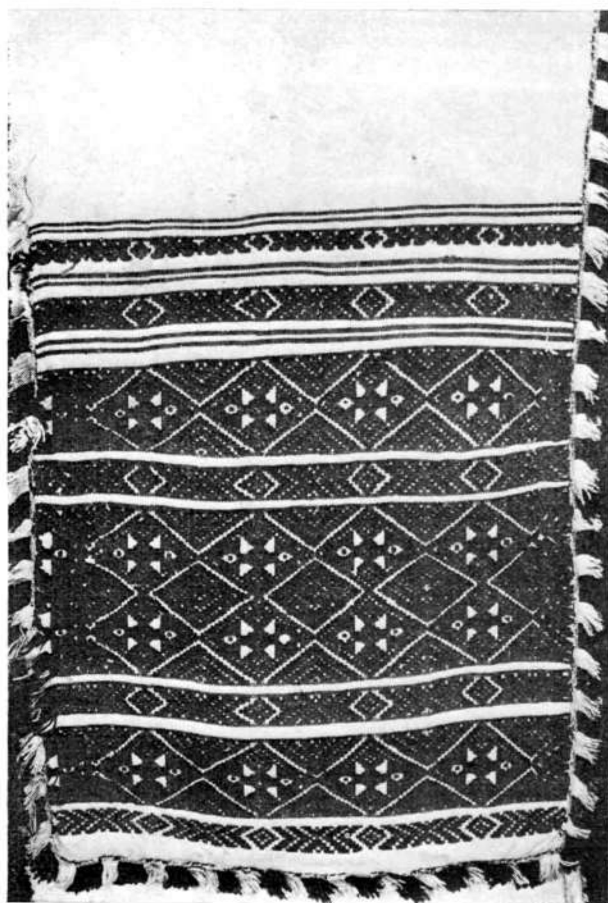

Рис. 42. Полотенце браное. Малоритский р-н Брестской обл.

свадебной обрядности связаны и другие требования. На Мозырщине существовал обычай, по которому молодая должна была взять с собой не менее трех неподрубленных полотенец и подрубить их только на второй день свадьбы.

Умение ткать красивые полотенца свидетельствовало о способностях и хорошем вкусе будущей невестки, поэтому по приезде в дом жениха молодая развешивала их на стенах и иконах. Украшение икон полотенцами было характерно для православных, католики же на икону вешали полотенце только во время свадьбы.

Полотенца имели также культовое значение. Их вешали в церквах, костелах, на перекрестках дорог — «на растанцах» и т. д. Обычай развешивания полотенец известен славянам с древности: «дуплинам древяным ветви убрусцем обвешивающе и сим поклоняющиеся»[21]. У белорусов было распространено поверье: чтобы вызвать дождь во время засухи или же избежать какой-либо беды, нужно было за одну ночь спрясть лен, выткать небольшое полотенце — «афярнае», «абыдзеннае» — и повесить его в церкви.

Сказанное свидетельствует о разнообразном использовании полотенец, что, очевидно, и обусловило повышенную насыщенность их декоративными элементами, богатством и разнообразием узоров.

В конце XIX — начале XX в. декоративные полотенца ткались довольно длинными (от 2,5 до 3,5 м) и сравнительно неширокими (примерно 25—35 см).

С точки зрения техники изготовления декоративные полотенца можно разделить на браные, многоремизные, закладные и комбинированные, т. е. выполненные браной и многоремизной техникой.

Довольно большую группу составляют браные полотенца. В зависимости от расположения орнамента можно выделить две их разновидности: полотенца с поперечным и полотенца с продольным расположением узора. Наиболее распространенной является первая разновидность (восточные, центральные и особенно южные районы).

ТКАНИ ДЕКОРАТИВНЫЕ И ТКАНИ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Рис. 43. Полотенце браное с продольным расположением узора. Мядельский р-н Минской обл.

[21] Карамзин Н. История государства Российского, ч. 1.— СПб, 1830, с. 107.

В поперечно-полосатых полотенцах узор чаще всего располагался на концах («хвастах») и представлял собой широкие поперечные орнаментированные полосы, которые чередовались с более узкими безузорными полосками. Высота узора от 20 до 60 см. Для этих полотенец характерен сугубо геометрический орнамент, который имел самые различные названия: узор в виде ромбов назывался «шурпы», полуромбов — «паўшурпы», крестообразный — «махі». Довольно часто встречаются названия: «грабелькі», «лесвічкі», «каточкі» и др. Нередко узор занимал все поле. Такие полотенца, как и рукава в женских сорочках, на юго-востоке назывались «паўсёмными». Концы орнаментировались более насыщенно, а середина — узкими красными полосками.

Рис. 44. Полотенце браное. Лепельский р-н Витебской обл.

В большинстве случаев узоры на концах полотенца ткали браной техникой, а середину — обычной двухнитовой. Иногда середина тоже ткалась узорной, но на небольшом количестве дощечек (обычно на двух) и имела рельефную поверхность.

Отличительной чертой полотенец этого варианта является их праздничный вид, радостно-мажорный тон, который достигался двухцветным решением узора, сочетающего белый и красный цвета. Обычно по льняной основе ткали красными фабричными хлопчатобумажными нитками («запалач», «забалаць», «гарына», «горн», «бавэлна» и др.). Как свидетельствуют материалы экспедиций, в конце XIX — начале XX в. в поперечно-полосатых полотенцах узор создавался преимущественно нитками красного цвета, и только в XX в. к доминирующему красному стали добавлять и другие, контрастные цвета — черный, синий, а позже зеленый и др.

В северных районах Белоруссии поперечно-полосатые полотенца меньше насыщали орнаментом. Узор в них обычно представлял одну широкую полосу, состоящую из ромбов и окаймленную двумя узкими безузорными полосами.

Поперечно-полосатые полотенца известны всем восточным славянам с глубокой древности [22].

В полотенцах с продольным расположением рисунка орнаментальные композиции более разнообразны: геометрические (ромбы, звездочки), растительные (ветви растений) и широко распространенные орнитоморфные («птушкі») с изображением голубей, реже петухов, которые располагались обычно парами друг против друга, часто с традиционным деревцем между ними. В таких полотенцах гармонично сочетается беленый и неотбеленный лен. Позже для утка стали использовать белые хлопчатобумажные нитки, а иногда и вискозный шелк. Полотенца с продольным расположением узора отличаются мягкостью рисунка, тонкостью и изяществом. Полотенца с продольно-полосатым узором были распространены в основном в западных районах Белоруссии, но чаще встречались в северо-западной ее части и были известны литовцам [23] и латышам [24].

Рис. 45. Полотенце браное, узор «малаты». Слуцкий у. Минской губ.

[22] Народы Европейской части СССР, т. 1.— М., 1964, с. 542.

[23] Литовское народное искусство, кн. 2. Ткани.— Вильнюс, 1962, с. 181.

[24] Государственный исторический музей (г. Москва), С—579.

Многоремизные полотенца встречаются на всей территории Белоруссии. Наиболее распространенными в этой группе являются полотенца, вытканные четырехнитовой техникой. Для них характерна несложная клеточная композиция. Клетки образовывались утком, который не переплетался с основой, а шел поверх ее в виде строчек. Расположение их в горизонтальном, вертикальном или наклонном направлении создавало разнообразные узоры, которые в зависимости от формы имели самые различные названия. Так, узор, состоящий из клеток, назывался «плашкі», «балонкі», из клеток, соединяющихся между собой маленькими столбиками, клеточными извилинами,— «агурочкі», «каціная лапка», «у люлькі».

Восьминитовые полотенца распространены меньше, чем четырехнитовые. Узор в них состоял в основном из квадратов, назывался «у шашкі» и чаще встречался на скатертях.

В северных и северо-западных районах Белоруссии были известны восьминитовые полотенца «з перавяззю». Узор в них создавался цветным утком, чаще голубым, который как бы настилался по основе. Он представлял собой ромбы с расположенными в каждом из них четырехлепестковыми розетками.

Концы в многоремизных полотенцах часто украшались двумя-тремя красными полосками. Иногда полоски делались разного цвета. Например, на одном конце только красные полоски, а на другом — красные и оранжевые. Встречались полотенца с асимметричным расположением узора: один конец украшался широкими полосами, а другой — более узкими.

Полотенца, выполненные закладной техникой, чаще встречались на западе и в центральных районах Бе-

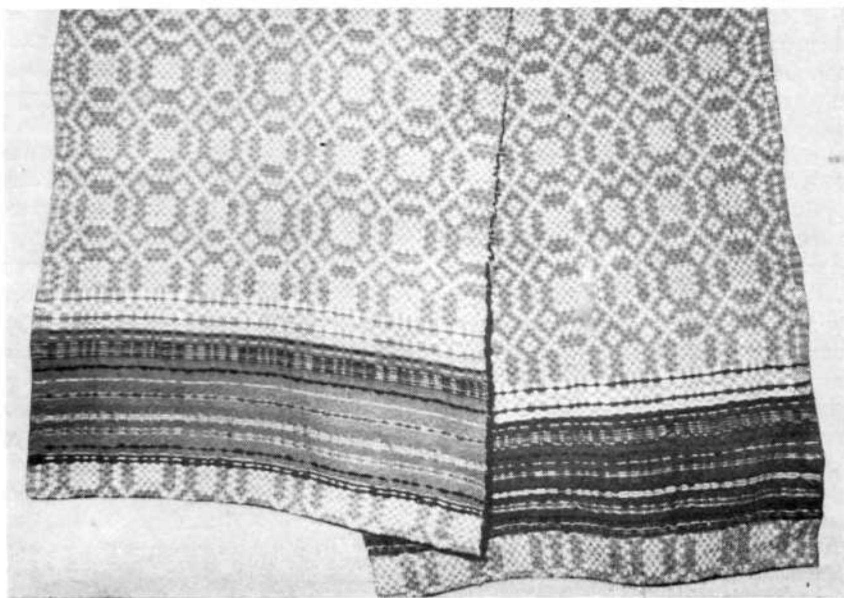

Рис. 46. Полотенце, выполненное четырехнитовой техникой. Слуцкий р-н Минской обл.

лоруссии. Для них характерен растительный орнамент («вазоны»). Наряду с красным широко используются коричневый и синий цвета, особенно в районах, пограничных с Литвой.

В полотенцах, выполненных комбинированным способом, т. е. многоремизной и браной техникой, концы затыкались поперечными браными полосами, а середина делалась узорной при помощи четырех или восьми ремизок.

В XX в. техника тканья полотенец усложняется, узоры становятся разнообразнее и крупнее, что повлекло за собой изменение их размеров: они стали более широкими и несколько короче.

В конце XIX в. почти во всех полотенцах края украшали кружевами, главным образом льняными — «карункамі». В начале XX в. наряду

Рис 47. Полотенце браное, Ветковский р-н Гомельской обл.

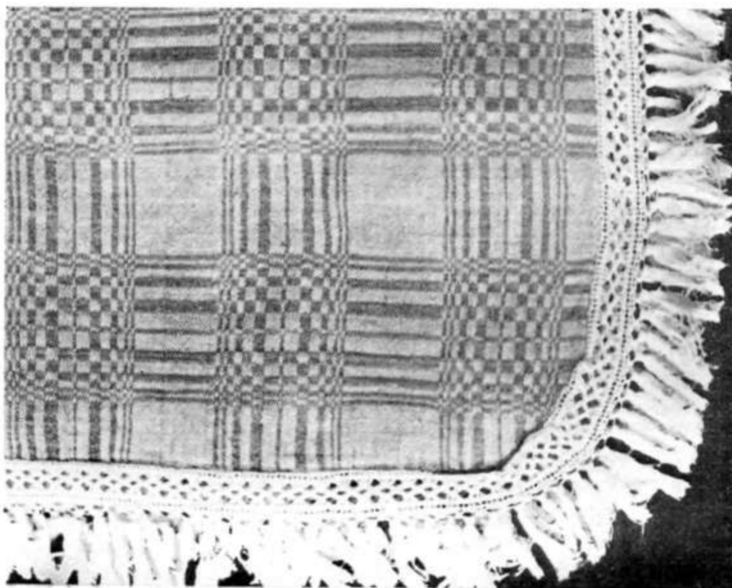

Рис. 48. Восьминитовая скатерть. Фрагмент. Любанский р-н Минской обл.

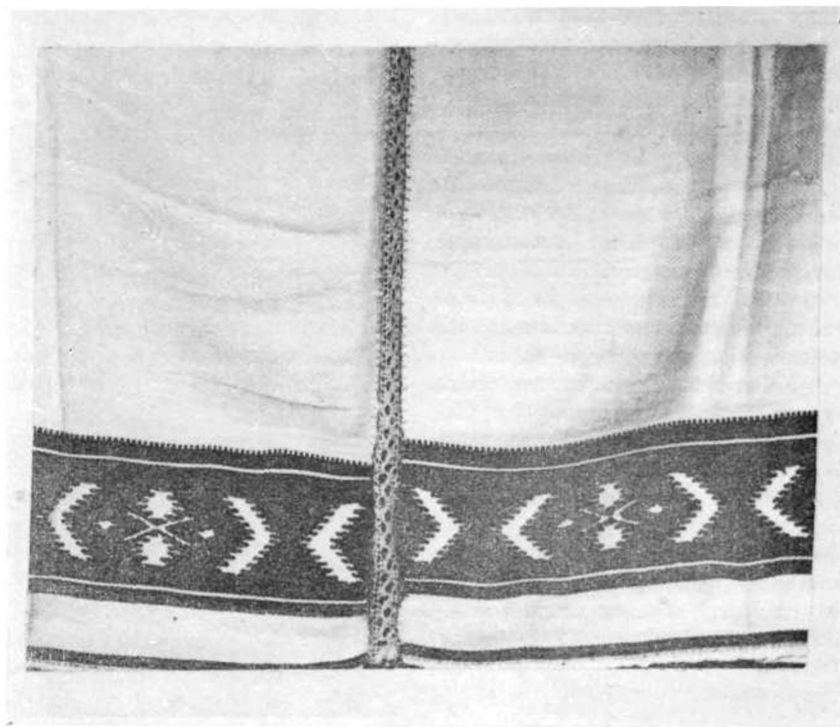

Рис. 49. Фрагмент скатерти. Гомельский у. Могилевской губ.

с льняными появились кружева из хлопчатобумажных ниток. Узоры на них самые разнообразные: клеточки, круги, ромбы, розы, иногда буквы. Кружева заканчивались обычно зубчиками. Ширина их была различной — от 6 до 20 и больше сантиметров. Кроме кружев полотенца, особенно в юго-западных районах, украшали цветной бахромой. На Слутчине и Брестчине в кайму вшивали еще полоску из цветного ситца. Кроме узорных тканых у белорусов в XX в. были распространены и вышитые полотенца.

В быту белорусского крестьянства широко использовались скатерти («настольнік», «абрус», «сарвета», «скацерка»).

Скатерть на территории Древней Руси была известна в XI—XIII вв. Называлась она «столешник». Б. А. Рыбаков отмечает, что от этого названия произошло белорусское «настольнік» и украинское «настильник» [25]. Скатерти были продолговатой формы. В конце XIX — начале XX в. они делались довольно длинными — до 2 м, шириной от 1,1 до 1,5 м, соответственно длине стола, рассчитанного на большую семью. Ткались скатерти из льняной пряжи. Для повседневных, «на кожны дзень», использовалась более грубая

[25] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси.— М., 1948, с. 187.

пряжа, праздничные же ткались в основном из тонких ниток. Будничные скатерти ткали несложным четырехнитовым способом, праздничные по технике изготовления были более разнообразны, но чаще восьминитовые. Рисунок в них создавался серым утком *по белой основе*, узор геометрический—в «шашачкі», «шашкі», «балонкі». На юге Белоруссии, а также на Слутчине восьминитовые скатерти назывались «*лішковыя*».

В северо-западных районах восьминитовые скатерти ткали, как и полотенца, с «перавяззю».

В начале XX в. в широком *обиходе были скатерти, вытканные в* 10, 12, 16 и больше нитов. Для них

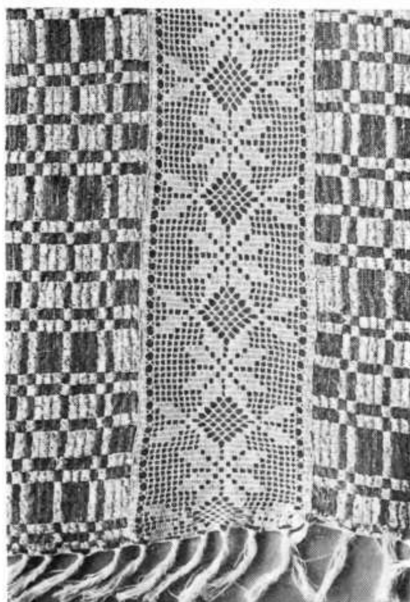

Рис. 50. Четырехнитовая скатерть. Фрагмент. Лоевский р-н Гомельской обл.

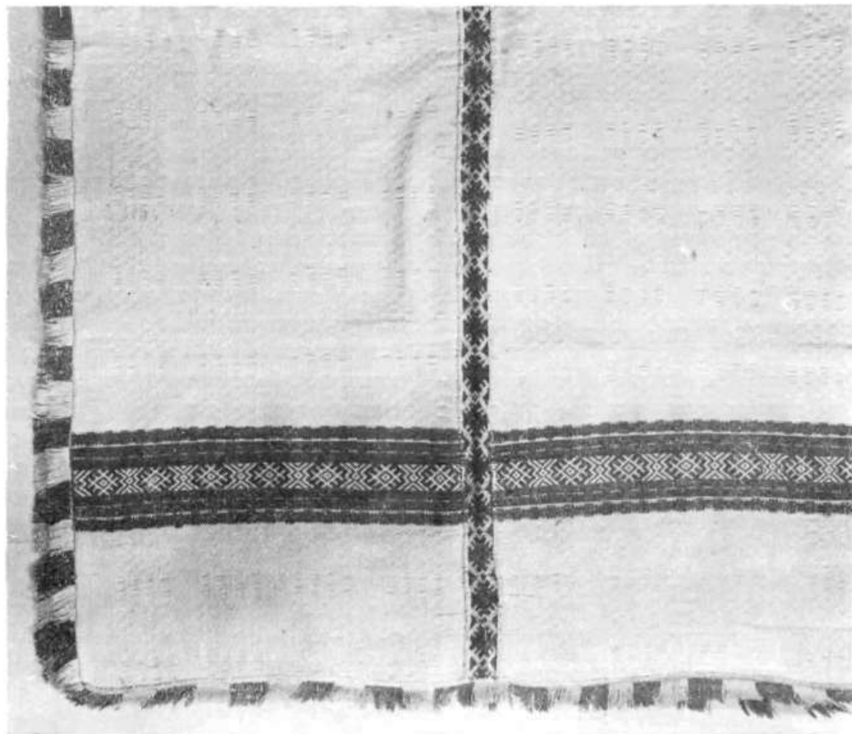

Рис. 51. Фрагмент скатерти. Пинский р-н Брестской обл.

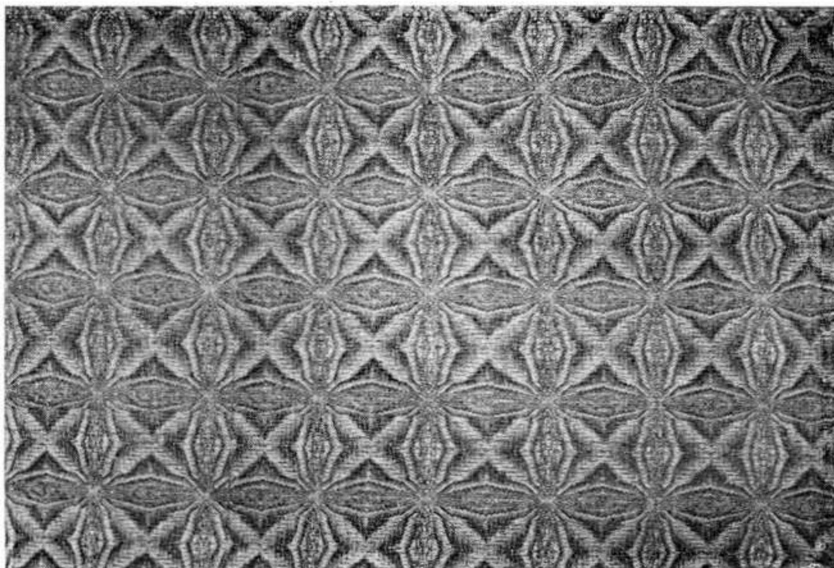

Рис. 52. Восьминитовая скатерть «з перавяззю». Фрагмент. Вилейский р-н Минской обл.

характерны геометрические узоры: в виде прямоугольников («клеткі»), лепестков («звёзды»). У белорусов, как и у русских [26], бытовали и пятинитовые скатерти с узором «у павучкі».

Ткали скатерти и браной техникой. Как по узору, так и по фактуре они напоминали четырехнитовые, поскольку делались на малом количестве пруточков — одном, двух или трех. Такие скатерти часто встречались в восточных и юго-восточных районах Белоруссии. В начале XX в. узоры на браных скатертях несколько усложнились, так как их стали ткать на 12, 16, 18 и больше дощечках.

Особой изысканностью отличаются ажурные скатерти. Узор в них состоит в основном из квадратов разных размеров, заполненных внутри мелкими ажурными клеточками. Такие скатерти встречаются на всей территории Белоруссии. Вытканные этим способом скатерти выглядят очень нарядно.

Белорусы, так же как и русские, украшали скатерти красными полосками, располагая их обычно на узких краях, что придавало изделию законченность. Иногда такие полосы украшали все четыре края изделия. Кроме того, скатерти часто заканчивались кружевами или бахромой.

В послевоенное время стали изготавливать браные скатерти на большем количестве дощечек. Самый распространенный узор — «вянок»: середина заткана растительным орнаментом, расположенным в виде эллипса, по краям этот узор повторен. Особенность этих скатертей заключается в том, что ткались они цветными нитками—голубыми, желтыми—по белому фону. Изменилась и форма скатертей: они стали меньше и квадратными.

[26] Кожевникова Л. А. Народное ткачество Кокшеньги.— М., 1967, с. 18.

Значительную роль в украшении интерьера играло и убранство постели. С особой тщательностью убирали ее в праздничные дни. Постель покрывали специальными покрывалами («посцiлка», «просцiлка», «коўдра» и др.). В отличие от полотенец и скатертей, которые ткались только из льняной пряжи, для покрывал использовалась еще шерстяная пряжа. Наибольшую ценность представляют покрывала из шерсти и полушерсти.

Если для скатертей характерен сдержанный тон и цвет, то покрывала отличаются разнообразием цветовой гаммы и четко выделенными тональными акцентами.

В конце XIX в. постилки ткали преимущественно при помощи четырех нитов. Наиболее ранние из них имеют саржевое переплетение. Узор несложный и представляет собой чаще всего клетки или полосы. Клетчатые постилки имели повсеместное распространение. Доминирующие цветные сочетания — красный и черный, черный и желтый, черный и зеленый и др.

В западных районах Белоруссии широко бытовали поперечно-полоса-

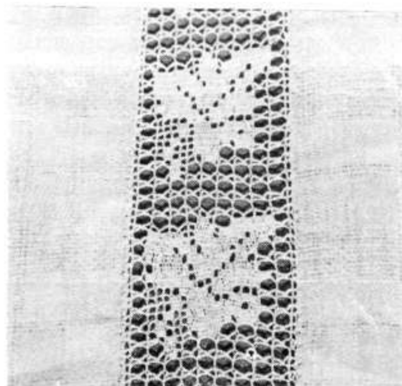

Рис. 53. Скатерть. Фрагмент. Лепельский р-н Витебской обл.

Рис. 54. Скатерть. Лоевский р-н Гомельской обл.

тые постилки. Художественный эффект здесь достигался разноцветным утком, иногда настолько удачно подобранным, что казалось, будто эти покрывала вобрали в себя все цвета радуги. Особенностью этих покрывал является то, что ткались они цельными, т. е. несшитыми. В XX в. такие постилки начали ткать на широких «верстатах».

В южных и центральных районах Белоруссии известны постилки, узор в которых создавался утком, вытянутым в виде петель — «у вузлы», «у пуплы», «выцяганыя». Для них характерен как геометрический, так и растительный орнамент. Покрывала, выполненные этим способом, известны также на Украине [27].

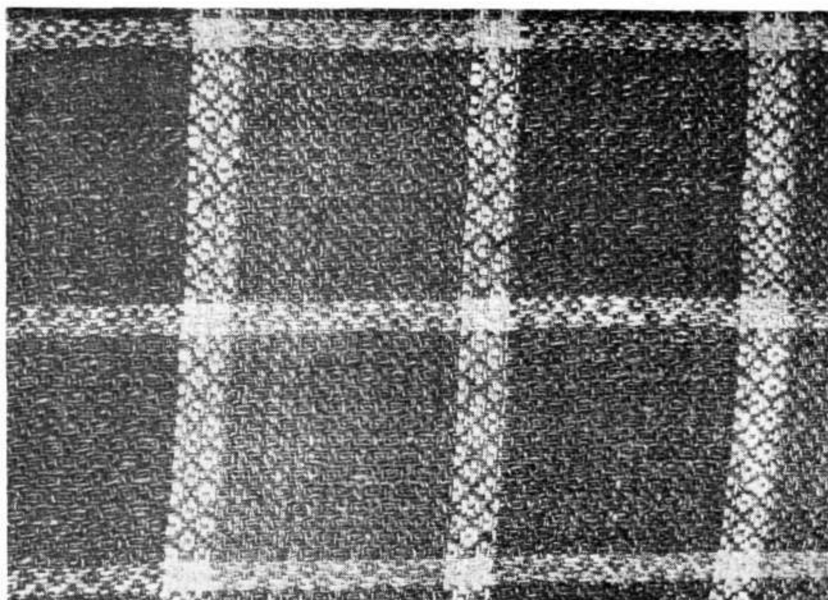

Рис. 55. Постилка четырехнитовая «рабізна». Глубокский р-н Витебской обл.

На всей территории Белоруссии были широко распространены четырехнитовые постилки жоккардового переплетения. Для них характерны несложные геометрические узоры, в основном клетки, круги, соединяющиеся мелкими клеточками («стоўбікі», «драбнічкі»), маленькие прямоугольнички, расположенные в форме огурца («агурочкі»), клетки, соединенные одна с другой мелкими клеточками («пярэкулы»). Часто узоры назывались по технике тканья. Узоры «праз цапок», «мінёны» обозначали способ пропускания основы в ниты. В ряде мест, особенно в северо-западных районах, все ткани жоккардового переплетения, в том числе и покрывала, назывались «дымка», «дым», «самадымка». В начале XX в. с появлением химических красителей четырехнитовые покрывала становятся богаче и разнооб-

[27] Музей этнографии и художественных промыслов АН УССР. Фонды, еп. 23216.

ТКАНИ ДЕКОРАТИВНЫЕ И ТКАНИ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

разнее по колориту, что достигалось введением полихромного утка. Иногда в одном покрывале насчитывалось до пяти и больше цветов.

В конце XIX — начале XX в. у белорусов были известны и браные покрывала («перабіранкі», «наборкі», «пераборы» и т. д.). Ткали их на малом количестве «матузоў» — на 15, 18. В начале XX в. получают распространение постилки, вытканные на 60, 80 «матузах». В послевоенные годы «перабіранкі» стали ткать на 150 и более «матузах». В них преобладают растительные узоры: «дубовае лісце», «грабовае лісце», «кляновае лісце», «веткі бэзу», «вінаград», «вазоны», «пеўні» и т. д.

Богатством узоров и цветовой гаммы характеризуются покрывала, вытканные закладной техникой,— «закладанкі», «укладанкі». Особенностью их является то, что ткались они разноцветным утком. Орнамент чаще геометрический — ромбы с расположенными внутри них восьмилепестковыми розетками («звёзды»), растительный («цвяты») и зооморфный («каты», «львы» и др.). Покрывала, выполненные закладной техникой, наиболее распространены на юго-востоке, в то время как браные и многоремизные известны на всей территории Белоруссии.

В быту белорусов широко известны домотканые ковры («дываны»). В ряде мест (Бобруйский, Мозырский у.) наряду с термином «дыван» довольно часто употребляли и название «набіванка».

В зависимости от техники изготовления можно выделить три типа

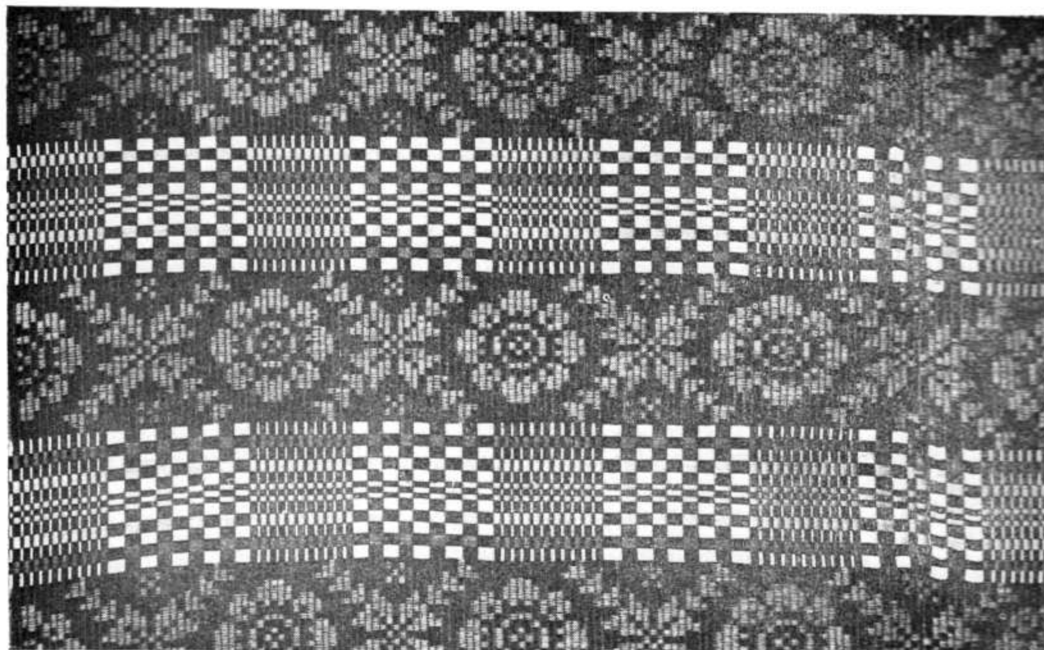

Рис. 56. Четырехнитовая постилка. Ивьевский р-н Гродненской обл.

«дываноў». К первому, наиболее распространенному и простому, относятся ковры, выполненные ремизной техникой. В центральных, восточных и юго-восточных районах «дываны» ткались на трех нитах. По льняной основе ткали шерстью. На севере Белоруссии «дываны» ткались и на шести подножках. Такие «дываны» были обычно полосатыми.

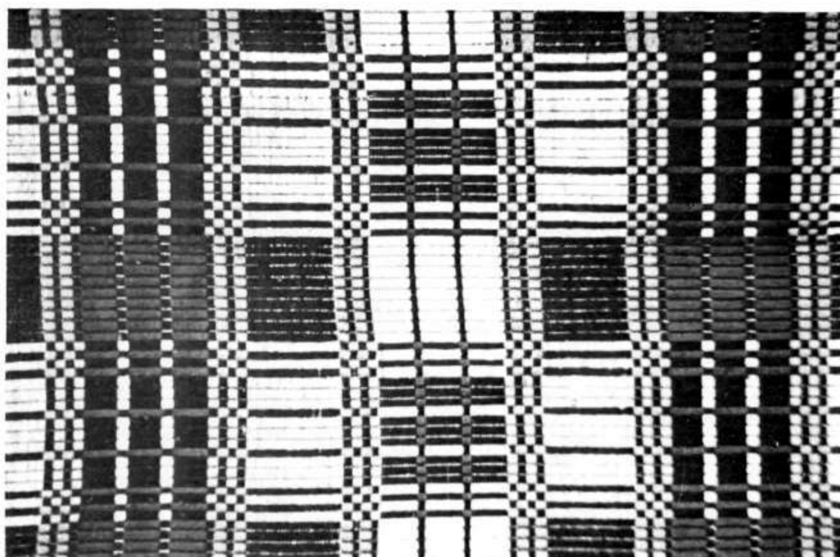

Рис. 57. Четырехнитовая постилка, узор «плашкі». Светлогорский р-н Гомельской обл.

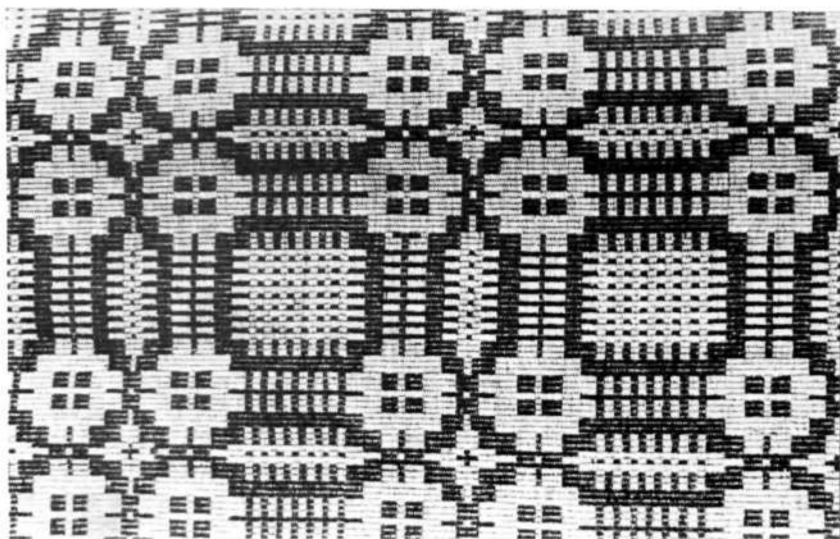
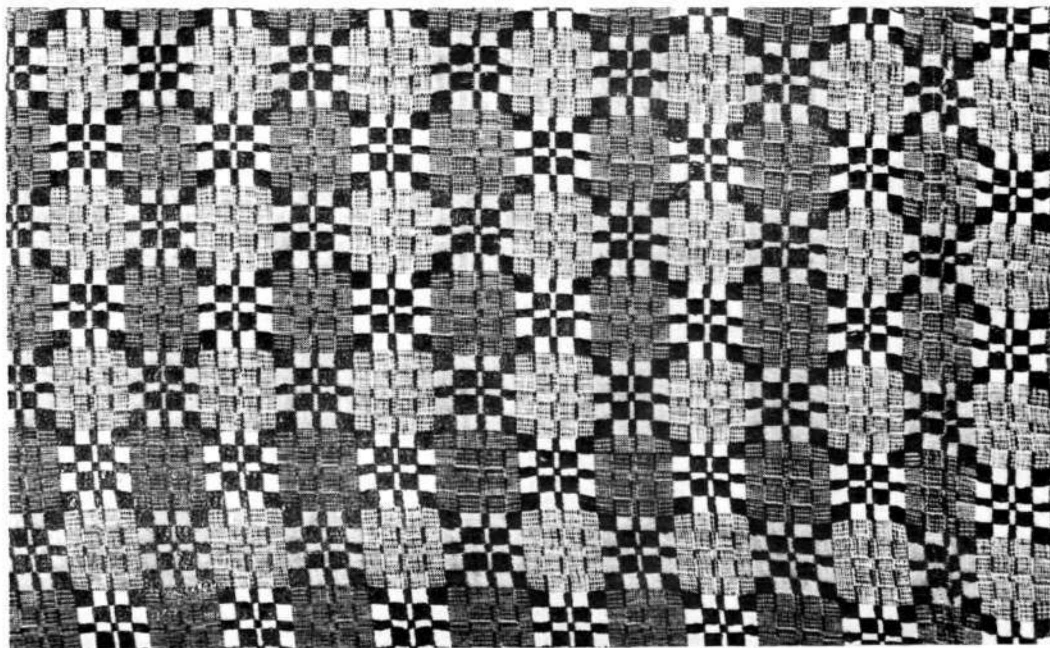

Рис. 58. Шестинитовая постилка. Фрагмент. Любанский р-н Минской обл.

Рис. 59. Постилка «перабіраная», узор «пеўні». Чечерский р-н Гомельской обл.

Рис. 60. Четырехнитовая постилка «дымка». Несвижский р-н Минской обл.

ТКАНИ ДЕКОРАТИВНЫЕ И ТКАНИ УТИЛИТАРНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Для юга Белоруссии характерно изготовление ковров закладной техникой с растительным или геометрическим орнаментом. Первый встречается на юго-востоке, второй — на юго-западе. Геометрический стреловидный орнамент располагался поперечными полосами. Назывался он, как и у украинцев, «у пальцы», у русских — «дороги»[28].

На западе Белоруссии бытовали двухосновные «дываны», или, как их здесь называли, «суканыя». Для них характерно наличие двух разных по цвету основ и однотонных с основой двух утков. Орнамент — растительный в виде круга, расположенного посередине и повторенного по краям.

[28] Динцес Л. А. Историческая общность русского и украинского народного искусства.— Советская этнография, 1941, V, с. 39.

Термином «дыван» довольно часто называли и обычные постилки. Объяснялось это одинаковым способом тканья и относилось в основном к закладной технике. Но постилки в данном случае отличались качеством сырья. Для ковров использовалась толстая и зачастую сученая пряжа (отсюда и название «дываны суканыя»).

Окна в домах белорусские крестьяне занавешивали ткаными ажурными занавесками («фіранкі», «афіранкі», «завескі»), появившимися под влиянием городской моды.

Замена земляного пола дощатым повлекла за собой появление дорожек для полов («палавікі», «нападмоснікі», «хадуны», «дарожкі»). В конце XIX — начале XX в. дорожки ткались преимущественно двухнитовыми из пряжи самого низкого качества. Для основы использовалась льняная пряжа, а для утка — различные лоскуты. Ткали их в поперечную или продольную полоску.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В ИЗГОТОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ТКАНЕЙ

Победа Великой Октябрьской социалистической революции внесла огромные изменения в жизнь белорусского народа. Социально-экономические преобразования в нашей стране отразились на материальной культуре белорусского народа, в том числе и на народном ткачестве.

В условиях социализма ткачество полностью утратило прежнее утилитарное значение и уже не играет в экономике крестьянского хозяйства той роли, какая отводилась ему в дореволюционное время.

Сегодня отпала необходимость в домашнем изготовлении тканей для одежды и других бытовых нужд. Однако это не означает, что народное ткачество исчезло бесследно. Традиции его живут и развиваются. Возросший материальный и культурный уровень сельского населения обусловил развитие в наше время художественного ткачества.

Народные традиции используются в домашнем ткачестве, в текстильном производстве и в художественном ткацком промысле.

Для современного домашнего ткачества характерно изготовление декоративных покрывал. Используя традиционные орудия и способы изготовления, белорусские крестьянки создают поистине художественные изделия, которые наряду с фабричными являются одним из элементов украшения сельского, а иногда и городского интерьера.

В отличие от традиционных узор в современных домотканых декора-

тивных постилках создается не только на черном, но и на белом фоне. Основой, как правило, служат фабричные, «катушные» нитки, а для утка широко используется искусственный шелк, а иногда и шерсть. Для современных постилок характерна более усложненная браная техника.

Используя традиционные способы изготовления покрывал, белорусские ткачихи не идут путем копирования, а развивают и совершенствуют традиционные методы. На Гродненщине (д. Красное Лидского р-на) распространено изготовление покрывал браной техникой. В отличие от традиционной, когда фон ткался только в виде продольных строк, используется прокидка уточных нитей через равномерные промежутки. В результате фон получается из квадратов, что в значительной степени повышает декоративность тканого изделия. Этот способ тканья получил название «арыфметыка».

В настоящее время довольно распространено также изготовление половиков. Ткут их белорусские крестьянки четырехнитовым, реже шестинитовым способом. На Полесье при тканье дорожек часто используют закладную, а иногда и браную технику.

Художественное ткачество имеет место на всей территории Белоруссии, но не носит массового характера. Им занимаются немногие женщины в свободное от работы время.

Более широко традиции народного ткачества используются в художественных промыслах, развитию которых партия и правительство придают большое значение. В постановлении ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» говорится:

Рис. 61. Постилка «перабіраная», узор «каты». Слуцкий р-н Минской обл.

«Народное декоративное прикладное искусство, являющееся неотъемлемой частью советской социалистической культуры, активно влияет на формирование художественных вкусов, обогащает профессиональное искусство и выразительные средства промышленной эстетики» [29].

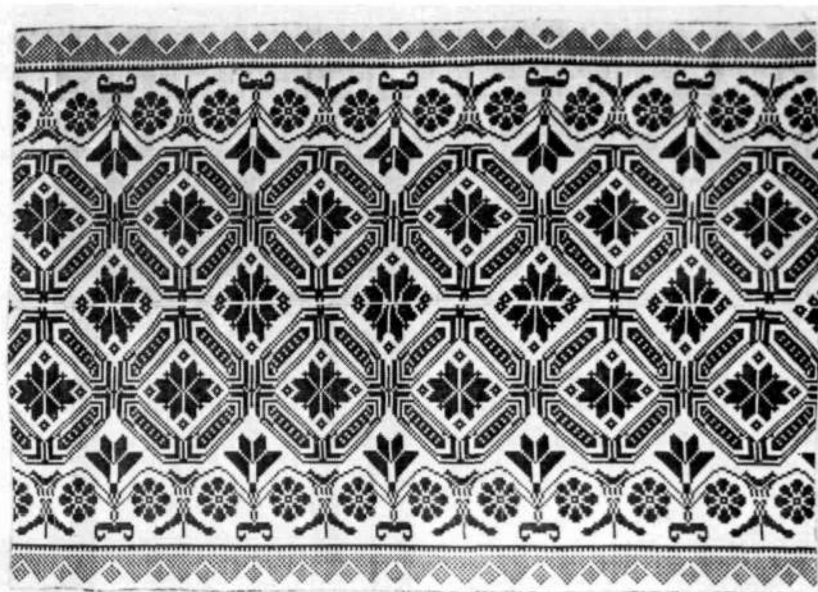

Рис. 62. Постилка «перабіраная», Петриковский р-н Гомельской обл.

В настоящее время на фабриках художественных изделий наряду с другими видами декоративно-прикладного искусства (резьба по дереву, плетение из соломки и др.) изготовляются и узорные ткани.

Сегодня уже определились основные черты современного жилого интерьера, габариты квартир, их планировка. Все это, естественно, повлекло за собой и создание новых декоративных изделий, в частности тканых, которые занимают не последнее место в жилом интерьере. Наши художники-прикладники на традиционной основе создают художественные изделия, которые в наибольшей мере отвечают духу времени, современным условиям быта и эстетическим требованиям советского человека.

Примером использования традиций народного ткачества могут служить изделия многих художественных фабрик. К ним можно отнести салфетки Верхнедвинской фабрики художественных изделий, узор на которых представляет собой восьмилепестковые розетки, созданные белым хлопчатобумажным утком по серому льну. Фабрики художественных изделий Гродно и Бобруйска выпускают льняные салфетки, выполненные многоремизной техникой с узором в шашечки. По мотивам традиционных скатертей на Толочинской фабрике

[29] Правда, 1975, 27 февр.

художественных изделий выпускаются комплекты для кофе, состоящие из небольшой скатерти и шести салфеток. Комплект изготавливается из серого льна несложным двухнитовым способом. Края, как и в традиционных скатертях, украшены красной каймой.

В духе народных традиций выпускают полотенца Верхнедвинская, Толочинская, Гродненская, Пинская и Слуцкая фабрики художественных изделий. Полотенца, выполненные четырехнитовой техникой «в елочку» с сочетанием белых хлопчатобумажных ниток и серого льна, создающего фон, и неширокх красных полосок, расположенных по всему полю, принадлежат Гродненской фабрике. На Слуцкой фабрике выпускаются полотенца, вытканные браной техникой; геометрический узор равномерно покрывает всю поверхность изделия. С Толочинской фабрики поступают полотенца, выразительность которых достигается комбинацией серой льняной основы и белого хлопчатобумажного утка. Узор выполнен четырехремизной техникой и строится по принципу поперечно-поло-

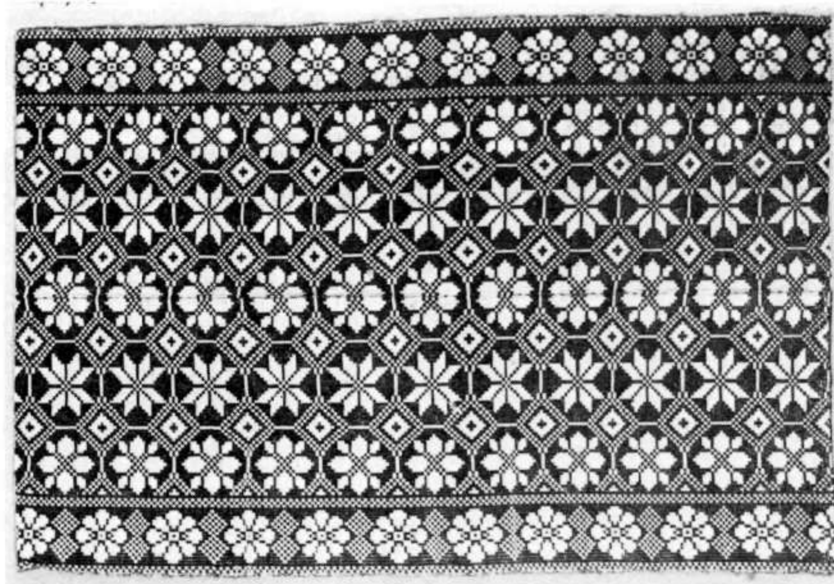

Рис. 63. Постилка, выполненная браной техникой. Любанский р-н Минской обл.

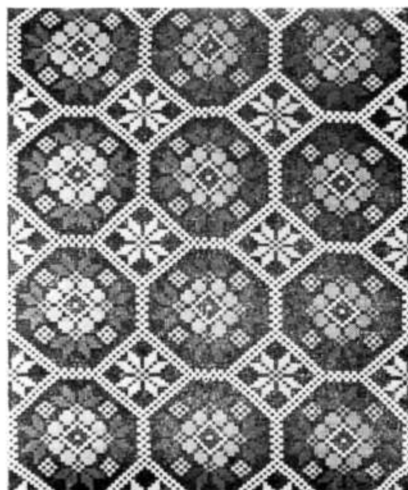

Рис. 64. Постилка, выполненная закладной техникой. Жлобинский р-н Гомельской обл.

сатых композиций. Особый интерес представляют неглюбские полотенца. В них присутствуют все традиционные элементы: сочетание четырехнитовой, браной и закладной техник, расположение орнамента поперечными узорными полосами с преобладанием красного цвета. Украшены полотенца цветной бахромой.

Материалы нашего исследования свидетельствуют о том, что полотенца популярны как среди городских, так и среди сельских жителей. Как показал опрос покупателей, полотенца приобретаются не только как декоративные и сувенирные, но широко используются и в свадебной обрядности. Так, 60% опрошенных покупали полотенца «для свата».

Изделия из льна популярны не только в нашей стране, но и за рубежом. Их охотно покупают многочисленные туристы, посещающие нашу республику.

В последние годы фабрики художественных изделий в Слуцке, Пинске, Мозыре, Ивенце выпускают декоративные ткани для мебели (накидки на кресла), выполненные по мотивам традиционных четырехнитовых постилок жоккардового переплетения. Для них характерна строгая колористическая гамма: черный цвет в сочетании с красным, черный в сочетании с зеленым и др. Таким же способом изготавливаются комплекты, состоящие из покрывала на диван и двух накидок для кресел, выпускаемые Слуцкой фабрикой. Накидки на кресла, выполненные четырехнитовым способом с традиционным узором «агурочкі», выпускает Мозырская фабрика.

На прилавках магазинов большой ассортимент тканых покрывал. Большинство из них выполнено несложной четырехнитовой техникой жоккардового переплетения. Разнообра-

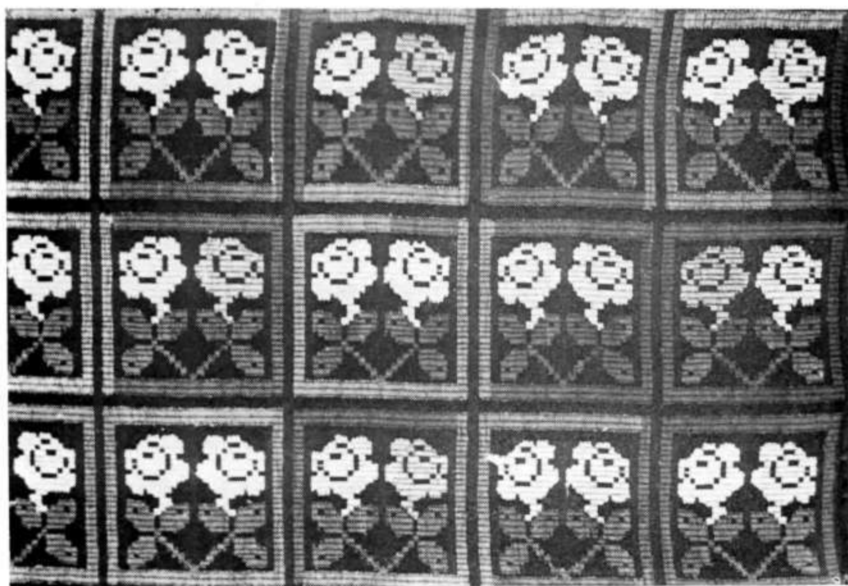

Рис. 65. Постилка «закладанка». Жлобинский р-н Гомельской обл.

зие создают цветовая гамма, размеры клеток, заполняющих поле постилки. Фон в них чаще всего черный, но нередко встречается и белый. На Гродненской и Слуцкой фабриках изготавливаются поперечно-полосатые покрывала.

Наряду с традиционными декоративными тканями большим спросом в настоящее время пользуются и созданные по народным мотивам ткани для одежды. Наиболее удачна, на наш взгляд, ткань для юбок, разработанная Гродненской фабрикой художественных изделий. Узор на ней расположен в виде поперечных разноцветных полос, низ заткан узорной полосой, выполненной браной техникой. По народным мотивам создана юбочная ткань на Слуцкой фабрике: узор на ней представляет собой клетки жоккардового переплетения, образующиеся полихромным утком. Эти ткани используются в основном для пошива сценических костюмов, а также Домами моделей.

Если сравнивать ткани, выполненные на традиционных «кроснах», с изделиями текстильной промышленности, то по объему они займут небольшое место. Несмотря на это, ручное ткачество имеет полное право на существование наряду с текстильными тканями, изготовленными на современных машинах.

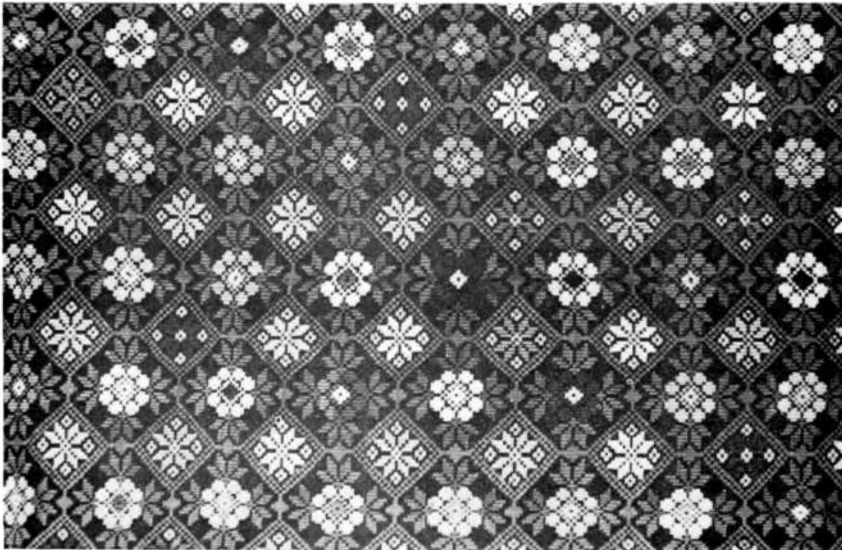

Рис. 66. Постилка, выполненная закладной техникой. Жлобинский р-н Гомельской обл.

Во-первых, потому, что каждое изделие, вытканное ручным способом, сугубо индивидуально. Используя традиционные элементы, народные мастера никогда не копируют уже существующую вещь. Они создают множество вариантов однотипных изделий, сохраняя при этом национальные особенности и воплощая в каждом свое понятие о красоте. В любом тканом изделии, будь то полотенце или покрывало, есть что-то новое, не повторяющее предыдущее.

Даже в однотипных покрывалах, вытканных четырехнитовым способом жоккардового переплетения, расцветка не повторяется. Применяя один и тот же технический прием, ткачиха может использовать разные колористические решения, что и дает ей возможность вносить новые штрихи, отличающие одно изделие от друго-

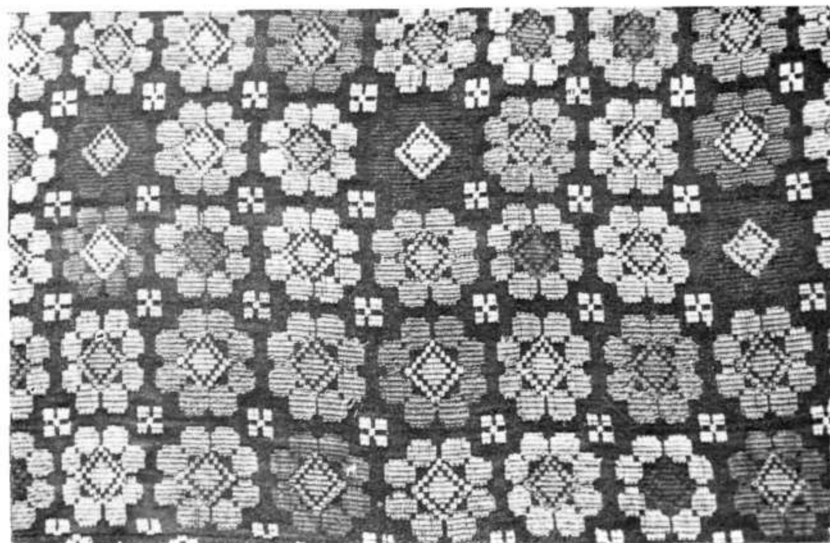

Рис. 67. Постилка «укладанка». Глусский р-н Минской обл.

Рис. 68. Постилка, выполненная закладной техникой. Ивацевичский р-н Брестской обл.

го. Довольно часто народные мастера используют не разработанные художником-профессионалом образцы, а создают их сами. Они могут варьировать не только цвета, но также и рисунок, его ритмы, пропорции и т. д., не изменяя при этом заправку стана. Все это можно выполнить, например, при четырехремизном тканье, изменяя ход по подножкам. Разнообразие вариантов возможно и при тканье браной техникой.

В настоящее время используются далеко не все традиционные способы ткачества. В продукции фабрик художественных изделий преобладают ткани, выполненные в основном четырехнитовым способом. Мало используется браная техника, не нашли мы изделий, изготовленных закладной техникой. Нам кажется, что в дальнейшем необходимо использовать и такую тонкую, изящную технику, как ажурное тканье.

Все эти способы, проверенные народом на практике на протяжении длительного периода, не должны исчезать бесследно, их нужно использовать, развивать, совершенствовать. Еще В. И. Ленин отмечал: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно „старо"?» [30]

Заботясь о дальнейшем развитии народного ткачества, о расширении ассортимента тканых изделий, о разнообразии технических приемов, в первую очередь нужно подумать о преемственности. К сожалению, в настоящее время основная масса народных мастеров, занимающихся художественным ткачеством, как правило, женщины пожилого возраста. Поэтому для дальнейшего развития художественного ткачества в Белоруссии необходимо создать такие условия, при которых опытные ткачихи могли бы не только создавать красивые художественные изделия, но и передавать свой многолетний опыт молодому поколению, выступать не только в роли мастеров, но и в роли наставников. С этой целью в тех населенных пунктах, где работает большое число ткачих-надомниц, целесообразно создавать ткацкие цеха, где бы ткачихи работали организованно и одновременно готовили себе смену, обучая ткачеству молодежь.

Ассортимент тканей, выполненных по традиционным мотивам в текстильной промышленности, довольно разнообразен. Так, на фабрике текстильных изделий в г. Дзержинске

Рис. 69. Постилка «закладанка». Чечерский р-н Гомельской обл.

[30] Ленин о культуре и искусстве.— М., 1956, с. 520.

налажено производство скатертей для обеденных столов. Узор в виде небольших квадратов, близкий традиционному восьминитовому «в шашки». Но в отличие от традиционных, для которых было характерно тканье льняным отбеленным утком по серой основе, в фабричных скатертях для утка используется цветной вискозный шелк, а для основы— хлопчатобумажные нитки.

Интерес представляют скатерти производства Слонимской текстильной фабрики. Изделия, которые выглядят довольно оригинально, по фактуре близки традиционным с узором в виде мелких ромбиков, равномерно покрывающих все поле скатерти, выполненной в сочетании белой хлопчатобумажной основы с одноцветным шелковым утком. Такие скатерти очень практичны и удобны в пользовании. Эти же особенности характерны и для скатертей, выпускаемых Толочинской текстильной фабрикой, но о них мало сказать — удобны и практичны, они, как отмечали сами покупатели, еще и украшают интерьер. Скатерти Толочинской фабрики выполнены по народным мотивам, известным под названием «з перавяззю», на восьми подножках. Двухцветный узор в виде голубых, зеленых и другого цвета лепестков, покрывающих белое поле скатерти, создается цветным утком. Отделаны скатерти преимущественно бахромой со всех четырех сторон.

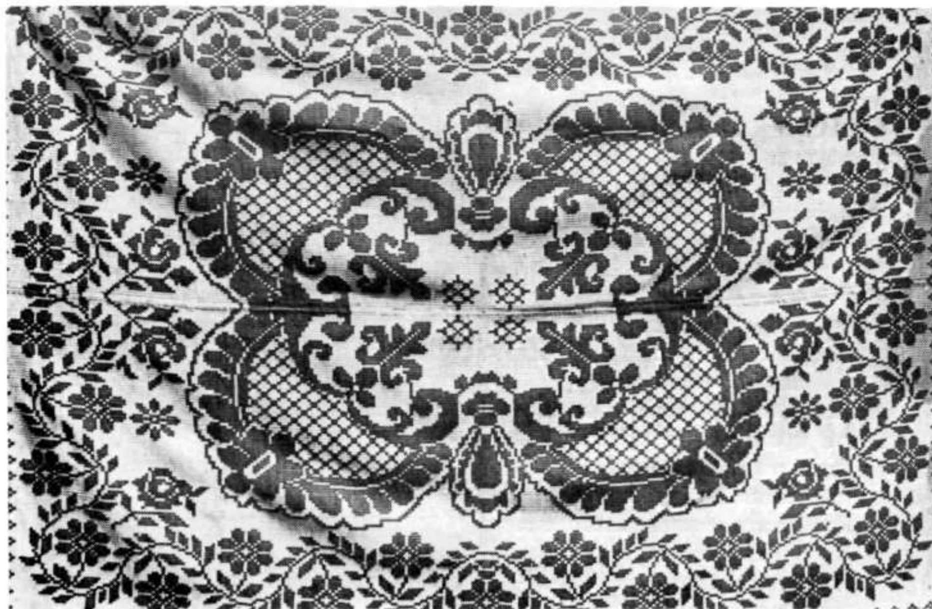

Рис. 70. Постилка, выполненная браной техникой «у наборкі». Браславский р-н Витебской обл.

Много традиционных черт можно отметить и в других тканях промышленного производства. Распространены полосатые и клетчатые шерстяные и полушерстяные ткани, разнообразные по цветовой гамме. Древний ромбический узор довольно часто встречается в шерстяных пла-

тельных тканях, узором «в елочку» ткутся пальтовые ткани и др. Большой популярностью пользуются льняные ткани, однотонные и полихромные, широко используемые для летней, особенно женской и детской одежды, украшенной вышивкой или аппликацией. В большом количестве выпускаются льняные портьерные ткани в продольные и поперечные узорные полосы и др.

Количество примеров можно значительно увеличить, но и из приведенных видно, что народное ткачество служит неиссякаемым источником для творческой мысли художников. «Крепкая нить, связывающая художника с народным искусством,— отмечал С. Коненков,— никогда не должна оборваться» [31]. Можно надеяться, что народное ткачество будет еще в большей степени использоваться художниками при проектировании как художественных, так и промышленных изделий.

---

[31] Декоративное искусство СССР, 1957, № 1, с. 26.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение белорусского народного ткачества в историческом плане показало, что в конце XIX — начале XX в. оно являлось неотъемлемой частью материальной культуры белорусов и сохраняло в себе многие черты, известные с глубокой древности, которые и определяли его этническую специфику, проявляющуюся в орудиях обработки сырья и орудиях ткачества, некоторых способах изготовления тканей и их орнаментации.

Отмена крепостного права, расширение капиталистического способа производства в сельском хозяйстве повлекли за собой большие изменения в материальной культуре в целом и в том числе в народном ткачестве. Развитие товарно-денежных отношений способствовало распространению хлопчатобумажной пряжи, химических красителей, более усовершенствованных орудий обработки сырья и ткачества (льномяльные и трепальные машины, самопрялки, „верстат"), проникновению в быт крестьянства фабричных материалов. Однако для основной массы белорусов традиционное ткачество по-прежнему являлось основным источником обеспечения тканями.

После победы Октябрьской революции и особенно в связи с коллективизацией сельского хозяйства, когда в быту белорусского народа произошли огромные изменения, традиционное ткачество стало постепенно утрачивать свое экономическое значение. Только в тяжелые годы немецко-фашистской оккупации и в трудное послевоенное время домашнее ткачество вновь стало играть ощутимую роль в быту белорусского народа. В настоящее время оно развивается как один из видов народного искусства.

Исследование белорусского народного ткачества во всем комплексе его элементов и картографирование дали возможность выявить его общие и локальные черты.

Многие элементы традиционного ткачества были известны на всей территории Белоруссии: использование валька, ручной деревянной мялки, трепала и щетки для чесания волокна, горизонтального рамного стана, техники четырехнитового тканья с узором в ряды, елочку и ромб, восьминитовой и браной техники, клетчатых и продольно-полосатых тканей и др.

Вместе с тем в народном ткачестве, как и в других разделах материальной культуры белорусов, отмечается значительное разнообразие, наблюдаются особенности, в большей или меньшей степени характерные для того или иного региона, что объясняется разным уровнем экономического развития отдельных областей Белоруссии, местными традициями, а также контактами с соседними народами.

Своеобразие ткачеству восточных и юго-восточных районов Белоруссии придавали такие особенности, как расстилание первой горсти льна в виде кружка — «сонейка», наличие горизонтальной мялки «двухручки» и «карагода», деревянного лопастеподобного гребня и мыканье льна, наличие прялки без донца, а также веслоподобной прялки, ткацкого стана «на сохах», горизонтально укрепленных подножек-палок, преобладание двухнитового способа изготовления тканей для женской поясной одежды, широко распространенная техника закладного тканья, наличие шерстяных передников.

На востоке многие из названных элементов распространялись в Россию, а на юге — на Украину.

Для северных и северо-восточных районов более характерно мочение льна непосредственно в воде, сушка его в закрытых помещениях, исполь-

зование наклонной двухщелевой мялки, трепала лопатоподобной формы и трепание волокна на весу, наличие гребня с набитыми деревянными зубьями, распространение однолицевых тканей и др.

Юго-западная область выделяется такими элементами ткачества, как сушка льна над ямой, использование вилкообразного челнока, изготовление юбочных тканей при помощи четырехнитовой и браной техники, расположение узора в женских сорочках по длине рукава, распространение двухосновных «дываноў».

Рядом особенностей характеризуется северо-западная часть Белоруссии. К ним следует отнести двухстадиальное мятье льна, использование горизонтальной двухщелевой мялки, технику восьминитового тканья «з перавязаю», изготовление «падвойных», т. е. несшитых, покрывал, браных полотенец с расположением узора по длине.

Анализ белорусского народного ткачества в историческом плане, изучение его локальных особенностей позволили проследить взаимосвязи в народном ткачестве белорусов с другими соседними народами. Безусловно, вопрос сравнительного изучения очень сложный и требует специального исследования, однако материалы данной работы в какой-то мере могут послужить ценным источником для дальнейших этногенетических исследований.

В белорусском народном ткачестве в течение длительного времени сохранялись черты, обусловленные этнической традицией, уровнем развития производительных сил, социальными и экономическими условиями в определенные исторические периоды. Однако ткачество белорусов, как и ткачество других народов, не было статичным. Оно развивалось, совершенствовалось, приобретая свои, национальные черты и особенности. Вместе с тем в народном ткачестве белорусов прослеживается много сходных черт с ткачеством славянских и соседних неславянских народов. Особенно много общего в ткачестве белорусов с русскими и украинцами, что обусловливается не только общностью происхождения, но и длительным развитием в сходных исторических, социальных и географических условиях, а также постоянными взаимосвязями восточнославянских народов на протяжении многих столетий. Эта общность проявляется в элементах, генетически восходящих как к общеславянскому единству, так и к эпохе Киевской Руси. Общие черты прослеживаются в способах обработки сырья, прядения, в орудиях ткачества. У всех восточнославянских народов много общего наблюдается в технике и орнаментации тканей.

Изучение современного народного ткачества показало, что традиции его широко используются в художественном промысле, а также в текстильной промышленности. В связи с мероприятиями партии и правительства по дальнейшему развитию художественных промыслов, среди которых важное место отводится народному искусству, изучение народного ткачества и использование его традиций приобретают большую актуальность.

БИБЛИОГРАФИЯ

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 23—178.

Ленин В. И. О культуре и искусстве.— М., 1956.

Ленин В. И. Письмо к организациям РКП о подготовке к партийному съезду.— Полн. собр. соч., т. 40, с. 140—144.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 3—609.

Аб ткацтве на Беларусі.— Наша ніва, 1909, № 9.

Авдеева Е. Старинная русская одежда; изменения в ней и моды нового времени.— Отечественные записки, 1853, т. 88, кн. VI.

Авдеева К. А. Записки о старом и новом в русском быте.— СПб, 1842.

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 3.— Вильно, 1870.

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 5.— Вильно, 1871.

Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией, т. 35.— Вильно, 1910.

Алексеев П. В. Еще три шиферных пряслица с надписями.— Советская археология, 1959, № 2.

Алсупе А. Кустарное производство текстильных изделий в Видземе в XIX — начале XX вв.— Рига, 1963.

Апикиевич К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии.— Могилев, 1907.

Анимелле Н. Быт белорусских крестьян.— Этнографический сборник, вып. 1. СПб, 1853.

Арашонкава А. У. Ткацтва. Інструкцыя па збіранню матэрыялаў для складания абласных слоўнікаў беларускай мовы, вып. 2.— Мн., 1960.

Аристова Т. Ф. Опыт сравнительного изучения материальной культуры курдов.— Советская этнография, 1970, № 4.

Арманд Т. Орнаментация тканей.— М.—Л., 1931.

Архив Государственного музея этнографии народов СССР, ф. 1, оп. 2, д. 574.

Архив сектора этнографии Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР.

Астрэйка З. І. Беларускі ткацкі арнамент перабіранай і закладной тэхнікі.— Мн., 1929.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в.— Труды Государственного исторического музея, вып. 4, 1928.

Бандарчык В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі.— Мн., 1964.

Беларускае народнае мастацтва, т. 1.— Мн., 1951.

Беларускі народны арнамент. —Мн., 1963.

Белицер В. Н. Народная одежда удмуртов.— М., 1957.

Бернштам Т. А. Об одной художественной традиции на архангельском севере в XVIII—XX вв.— Советская этнография, 1965, № 3.

Бобринский А. Народные русские деревянные изделия.— М., 1912.

Бобровский П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, ч. I—II. Гродненская губерния.— СПб, 1863.

Богомолов В. Б., Tоминов Н. Н. Характеристика орнамента томских татар.— Из истории Сибири, вып. 19. Томск, 1976.

Богуславский И. Я. О происхождении орнамента.— М., 1934.

Борщевский Н. Горизонтальная льно- и пенькомялка.— Труды Вольного экономического общества, т. 2, вып. 4. СПб, 1881.

Бочков С. Льняная промышленность в Псковской губернии.— Псковские губернские ведомости, 1863, № 8.

Бусыгин Е. П. Русское население Среднего Поволжья.— Казань, 1966.

Бутовский В. История русского орнамента с X по XVI столетие, т. 1—2.— М., 1870.

Васковский А. Белоруссия (Этнографический очерк).— Московские губернские ведомости, 1854, № 148, 149, 152.

Вевер К. К. О льноводстве Тверской губернии.— Труды Вольного экономического общества, т. 3. СПб, 1881.

Велева М. Г., Лепавцова Е. И. Народная одежда болгар в северной Болгарии в XIX и начале XX вв.— София, 1961.

Вершинский Н. Н. Материалы по истории древнерусских одежд. Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии.— М., 1913.

Веселовский Н. А. Лен и его обработка.— М., 1875.

Вишняускайте А. И. Надписи на орудиях обработки льна у литовцев как исторический источник.— Советская этнография, 1975, № 6.

Вишняускайте А. И. Ручная льномялка.— В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975.

Владимирова И. Г. Полесская терминология ткачества.— В кн.: Лексика Полесья. М., 1968.

Волков Ф. К. Отличительные черты южнорусской народной орнаментики.— Труды Третьего археологического съезда в России, т. 2. Киев, 1878.

Воронов П. Ткачество в Вологодской губернии.— Труды Вольного экономического общества, т. 2. СПб, 1861.

Воронин Н. Н. Древнее Гродно.— В кн.: Материалы и исследования археологии древнерусских городов, т. 3. М., 1954.

Гавриков Д. О льноводстве Вологодской губернии.— Труды Вольного экономического общества, вып. 10. СПб, 1859.

Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья (К вопросу о происхождении оберега).— Известия на етнографския институт и музей, кн. 4. София, 1963.

Ганцкая О. А. Народное искусство Польши.— М., 1970.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповедания и прочих достопамятностей, т. 4.— СПб, 1799.

Глемжайте М. Н. Народное прядение и ткачество литовцев.— Краткие сообщения Института этнографии, т. 5. М., 1952.

Глемжайте М. Н. Домашняя обработка льна и шерсти в северо-восточных районах Литовской ССР.— Материалы Балтийской этнографической экспедиции, 1952. М., 1954.

Гнатюк В. Ткацтва у Східній Галичині.— Матеріалы до україньско-руської етнології, т. 3, 1900.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.— М., 1973.

Гончаров И. К. Райковецкое городище.— Киев, 1950.

Государственный музей этнографии народов СССР (Белорусы к. XIX—XX в.).— Л., 1975.

Государственный архив Минской области, ф. 333, оп. 1, д. 30.

Грабарь И. Предисловие к альбому С. Соколова и И. Томского «Народное искусство севера России».— М., 1924.

Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв.— Л., 1936.

Гринблат М. Я. Белорусы.— Мн., 1969.

Давыдова С. А. Женские кустарные промыслы в Курской губернии (Отчеты и исследования по кустарным промыслам), т. 1, 1892.

Даль Л. В. Обзор русского орнамента.— Зодчий, 1876, № 7, 9, 10.

Дембовецкий А. С. Опыт описания Могилевской губернии, т. 2.— Могилев, 1882.

Детиков Н. Ф. Лен и конопля, их культура и обработка в условиях Енисейской губернии.— Вестник сибирских инженеров (Томск), 1924, № 4.

Динцес Л. А. Историческая общность русского и украинского искусства.— Советская этнография, 1941, № 5.

Динцес Л., Большова К. Народные художественные ремесла.— Советская этнография, 1939, № 2.

Дмитриев М. Несколько сведений о домашнем быте крестьян северо-западных губерний.— Виленский вестник, 1869, № 122.

Добровольский В. Н. Кросно.— Этнографическое обозрение, т. 1, 1902.

Добротворский Н. А. Кустарные промыслы в Курской губернии. Изд. Курского губерн. статистич. бюро.— Курск, 1886.

Довгяло Д. И., Никифоровский Н. Я. Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковно-археологическое древнехранилище по ноябрь 1897 г.— Витебск, 1899.

Довнар-Запольский М. Записки по белорусской этнографии.— Живая старина, вып. 2, 1893.

Доливо-Добровольская В. Н. Улучшение кустарного ткачества в Вятской, Черниговской губерниях.— Отчеты и исследования по кустарной промышленности, т. 3. СПб, 1895.

Доливо-Добровольская Н. Ткацкое производство.— В кн.: Кустарная промышленность России. Разные промыслы, т. 1. СПб, 1913.

Записки отдела императорского Русского географического общества, кн. 2.— Вильно, 1911.

Зарембский А. История и техника тканья украинских килимов.—В кн.: Материалы по этнографии, т. 3. Л., 1926.

Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы.— Живая старина, вып. 20, 1911.

Зеленин Д. К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов.— Советская этнография, 1941, № 3.

Зеленчук В. С. Материалы к изучению молдавского народного ткачества.— Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 5. Кишинев, 1961.

Зеленчук В., Лившиц М., Хынку И. Народное декоративное искусство Молдавии.— Кишинев, 1968.

Иванов В. В. Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей.— М., 1974.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник.— М.— Л., 1963.

Ильина З. Тератологический орнамент Новгородских и Псковских рукописей XIII—XIV вв.— Л., 1963.

Исполтовский П. Обработка льна в крестьянском быту.— Труды Вольного экономического общества, т. 3. СПб, 1866.

Исследования о состоянии льняной промышленности в России.— СПб, 1847.

Историческое и хозяйственное описание Полоцкого наместничества вообще и частно городов и уездов оного с применением генеральных геомет-

рических карт всего наместничества и прочих уездных карт особо с городскими планами и гербами, собранное и в порядок приведенное... (б-ка им. С.-Щедрина, ф. ВЭО, 42, оп. № 405).

Камсюк Н. І. Народнае мастацкае ткацтва Случчыны.— Мн., 1958.

Камсюк Н. І. Народнае ткацтва Случчыны.— Беларусь, 1959, № 12.

Камсюк Н. І. Тэхніка сучаснага хатняга ткацтва на Случчыне.— Беларускі этнаграфічны зборнік.— Мн., 1958.

Карамзин Н. История Государства Российского, ч. 1.— СПб, 1842.

Карский С. Внешний быт белорусов в Виленской губернии.— Виленский вестник, 1891, № 64.

Киркор А. Заметки о западной части Гродненской губернии.— Этнографический сборник, вып. 3. СПб, 1858.

Клейн В. К. Путеводитель по выставке тканей VII—XIX вв.— М., 1926.

Клетнова Е. Н. Символика народных украс Смоленского края.—Смоленск, 1924.

Климова Г. Н. Текстильный орнамент коми.— Л., 1973.

Кожевникова Л. А. Народное ткачество Кокшеньги. (Вологодская губерния).— Сборник трудов НИИ художественной промышленности, вып. 4, 1967.

Козачек Б. Этнографический очерк Лепельского уезда.— Вестник Западной России, т. 3, 1867, № 11.

Косачева О. Б. Украинский народный орнамент.— Киев, 1879.

Котт М. А. Культура и первичная обработка конопли.— М., 1921.

Круглова О. В. Русское народное художественное творчество XVII—XIX вв.— М., 1956.

Круглова О. В. Северо-двинские находки.— Декоративное искусство, 1960, № 3.

Курбатов В. Древнерусский женский головной убор.— Художественные сокровища России, 1901, № 12.

Куфтин П. А. Материальная культура русской мещеры, ч. 1.— М., 1926.

Латыгин Б. А.— Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы.— Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып. 69, 1933.

Лебедева А. А. Бутаковский этнографический музей.— Советская этнография, 1976. № 1.

Лебедева Н. И. Прядение и ткачество восточных славян XIX — начала XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.

Лебедева Н. И. Очередные вопросы изучения прядения и ткачества.— М., 1929.

Лебедева Н. И., Маслова Г. С. Русская крестьянская одежда XIX— начала XX века как материал к этнической истории народа.— Советская этнография, 1956, № 4.

Левин-Дорш А., Кунов Г. Первобытная техника.— М.—Пг., 1922.

Левинсон-Нечаева М. Н. Ткачество. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.— Труды Государственного исторического музея, вып. 33.— М., 1959.

Лейнесаре И. А. Льноводство и льноводческие орудия в Латвии во второй половине XIX — начале XX вв.— В кн.: Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975.

Летопись по Игнатьевскому списку.— СПб, 1871.

Летопись по Лаврентьевскому списку.— СПб, 1872.

Литовское народное искусство.— Вильнюс, 1962.

Лоренц Н. Ф. Орнамент всех времен и стилей.— СПб, 1898.

Малия Е. М. Об орнаментации льняных и хлопчатобумажных настенных ковров.— Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми, 1963.

Маркин В. И. Переработка льна в пряжу и ткани.— Нижегородский сборник, т. 7. Н. Новгород, 1887.

Маслова Г. С. Узорное тканье на русском севере.— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XI. М.— Л., 1950.

Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел.— М., 1951.

Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды.— Советская этнография. 1954, № 2.

Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки.— М., 1978.

Матейко К. І. Український народный одяг.— Київ, 1977.

Материалы по описанию промыслов Вятской губернии, вып. 2, 1890.

Материалы по этнографии, т. 3, вып. 1.— Л., 1926.

Мейер А. Описание Кричевского графства.—Могилевская старина, вып. 2, Могилев, 1901.

Мержевский С. Е. О льнопрядильно-ткацком производстве.— Отчеты и исследования по кустарной промышленности, V. СПб, 1898.

Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.— М.—Л., 1950.

Миллер Н. Ф. Систематическое описание коллекции Дашковского этнографического музея, вып. 3.— М., 1893.

Миролюбов М. А. Орудия обработки льна районов северо-запада СССР.— В кн.: Славяно-русская этнография. Л., 1973.

Михневич А. Ф. Домашний быт поселян Ковенской губернии.— Ковенская памятная книжка за 1861 год. Ковно, 1861.

Молчанов В. С. Народное узорное переборное ткачество.— М., 1960.

Молчанов К. Описание Архангельской губернии.— СПб. 1813.

Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов.— Мн., 1968.

Монгайт А. П. Рязанская земля.— М., 1961.

Мяльная машина Смита для льна и пеньки.— Труды Вольного экономического общества, т. 3.— СПб. 1851, № 7—9.

Народы Европейской части СССР, т. 3.— М., 1964.

Народы Европейской части СССР, т. 1.— М., 1964.

Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности.— Витебск, 1895

Николаева А. А. О возделывании льна.— Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 39, вып. 1, 1880.

Николаева Т. В. Художественное ремесло Московской Руси.— М. 1974.

Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси (XIII—XVI вв.).— М., 1976.

Нюнкене-Таллат-Кялпшайте Г. Домашнее ткачество и ткани в Литве в XIX—XX вв.— Вильнюс, 1969.

Нюнкене-Таллат-Кялпшайте Г. Ткани панямунских дзуков.—Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Института истории АН ЛитССР. Вильнюс, 1956.

Обзор Минской губернии за 1894 г.— Мн., 1895.

Обзор Витебской губернии за 1895 г.— Витебск, 1896.

Обзор Минской губернии за 1895 г.— Мн., 1896.

Обзор Витебской губернии за 1900 г.— Витебск, 1900.

Обработка льна в крестьянском быту.— Труды Вольного экономического общества, т. 2, вып. 6, 1866.

Орлов С. Н. Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. Из истории старой Ладоги.— Советская археология, 1954, XXXI.

Отчет Витебского общества сельских хозяев за 1883 г.— Витебск, 1883.

Отчет Минского общества сельских хозяев за 1883 г.— Мн., 1884.

Отчет о действиях Витебского общества сельских хозяев за 1885 г.— СПб. 1887.

Отчет императорской археологической комиссии за 1890 г.— СПб, 1892.

Отчет императорской археологической комиссии. Виленская губерния.— СПб, 1892.

Отчет о действиях общества Витебских сельских хозяев за 1892 г.— Витебск, 1893.

Отчет императорской археологической комиссии за 1893 г.— СПб, 1894.

Отчет о действиях общества Витебских сельских хозяев за 1897 г.— Витебск, 1899.

Очерки истории техники докапиталистических формаций.— М.—Л., 1936.

Очерки по археологии Белоруссии.— Мн., 1970.

Палеес А. Ткацтва на Беларусі.— Беларусь, 1947, № 3.

Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год.— СПб, 1869.

Памятная книжка Сувалской губернии на 1873 год.— СПб, 1874.

Паньшина И. Н. Роспись по дереву.— В кн.: Русское народное искусство. Л., 1959.

Паньшина И. Н. Белорусские народные ткани.— Мн., 1979.

Пассек П. С. Первые земледельцы. По следам древних культур.— М., 1951.

Пирогов В. Льноводство и льняная торговля в Костромской губернии.— Материалы для статистики Костромской губернии, вып. 8. Кострома, 1891.

Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии.— Мн., 1971.

Полное собрание русских летописей, т. 18.— СПб, 1913.

Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири.— Сб. музея антропологии и этнографии, XVI. М., 1955.

Попов Р. Белоруссия и белорусы.— М., 1912.

Працы Другога ўсебеларускага краязнаўчага з'езду.— Мн., 1927.

Пузанов М. А. Конопля и ее продукты.— М., 1870.

Работнова И. П. Финно-угорские элементы в орнаменте северо-русских вышивки и тканья.— В кн.: Русское народное искусство Севера. Л., 1968.

Радченко Е. С. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла. 1928.

Разина Т. М. Русское народное ткачество.— М., 1970.

Рак Р. П. Ткацтва Бабруйскай акругі.— Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі, т. 2, 1929.

Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси.— Труды Государственного исторического музея, 1929.

Рождественская С. Б. Искусство в быту.— Советская этнография. 1961, № 6.

Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. 3, т. 1, 1887.

Романов Е. Р. Белорусский сборник, вып. 8, 1912.

Р о м а н о в а Г. Н. Традиционные домашние ремесла и кустарные промыслы.— Л., 1975.

Р у т к о ў с к і Е. С. Шляхі развіцця саматужнага ткацтва ў БССР.— Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі, т. 2, 1929.

Р у т к о ў с к і Е. С. К вопросу об улучшении льноводства в Могилевской губернии.— Вестник Могилевского земства, 1914, № 3—4.

Р ы б а к о в Б. А. Ремесло Древней Руси.— М., 1948.

Р ы б а к о в Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве.—СЭ, 1948, № 1.

Р ы б а к о в Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента.— Сб. трудов научно-исследовательского института художественной промышленности, вып. 5. М., 1972.

Р ы б н и к о в А. А. Очерк положения крестьянского льноводства в Смоленской губернии.— Смоленск, 1911.

С а в в а и т о в П. Описание старинных утварей, одежд, оружия.— СПб, 1896.

С а л т ы к о в А. Б. Использование народных традиций в развитии советского прикладного искусства.— М., 1968.

Сапожковское ткачество.— М., КОИЗ, 1960.

Сборник трудов научно-исследовательского института художественной промышленности, вып. 1.— М., 1962.

С в я т с к и й Д. О. Крестьянские костюмы в области соприкосновения Орловской, Курской и Черниговской губерний.— СПб, 1910.

С е в е р г и н В. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства.— СПб, 1803.

Северные прялки. Каталог.— Вологда, 1969.

С е м е н о в В. П. Живописная Россия, т. 3.— СПб, 1882.

С е м е н о в В. П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, т. 9.— СПб, 1905.

С е м е н т о в с к и й А. Белорусские древности.— СПб, 1890.

С е м е н т о в с к и й А. Этнографический обзор Витебской губернии.— СПб, 1872.

С е р б о в И. А. По Дреговичской области летом 1911 г.— Вильна, 1911.

С е р б о в И. А. Белорусы-сакуны.— Пг., 1915.

С е р ж п у т о ў с к і А. К. Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў.— Мн 1930.

С и д о р о в и ч С. И. До історії розвітку народного ткацтва в Косівському районі Станіславської області.— Матеріали з етнографії та художнього промислу, вип. 3. 1957.

С и д о р о в и ч С. И. Орнамент народних тканин західних земель України XIX і початку XX ст.— Матеріали з етнографії та мистецтвознавства, вып. 5. Київ, 1959.

С и д о р о в и ч С. И. Орнаментальні композиції народних тканин XIX — початку XX ст. (На матеріалах Ровенської, Тернопільської, Волинської, Львівської областей).— Матеріалы з етнографії та мистецтва, вип. 7—8. Київ, 1963.

С и д о р о в и ч С. И. Художня тканина західніх областей УРСР.— Київ, 1979.

Словацкое народное искусство.— Братислава, 1951.

С м и р н о в В. И. Русское узорное тканье.— Советская этнография, 1940, XIII.

С о б о л е в Н. Н. Очерки по истории украшения тканей.— М.— Л., 1934.

Соколов Е. Е. Льноводство Белоруссии и перспективы его развития.— Мн., 1974.

Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музей.— М., 1978.

Стасов В. В. Русский народный орнамент, вып. 1.— СПб, 1872.

Стасов В. В. Мотивы русской орнаментики.— М., 1873.

Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент.— М., 1887.

Стебуть И. А. Возделывание льна.— М., 1872.

Стакановы П. П. и Н. П. Сапожковское городище писцовых книг 1627—1628 гг. со стороны историко-этнографической с приложением очерка развития орнамента одежды.— Труды Сапожковского отделения общества исследования Рязанского края, вып. 2, 1927.

Стромилов В. С. Лен и пенька и изделия из них в Древней Руси и Московском государстве.— Сельское хозяйство и лесоводство, 1874.

Сысоева Н. И. Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX в.—М., 1963.

Теодорович Н. И. Волынь в описании городов, местечек и сел, т. 4, 1899.

Титов А. Несколько слов о сельской льняной промышленности.— Труды Вольного экономического общества, т. 2, 1880, № 3.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии.— М., 1962.

Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов.—Советская этнография, 1954, № 2.

Труды этнографической статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной ИРГО, т. 1—6.— СПб, 1872—1877.

Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. 2, 1879.

Украинское народное творчество, вып. 3.— Полтава, 1913.

Українське народне мистецтво. Тканина та вишивка.— Київ, 1960.

Фейман И. И. Из истории развития отечественной льняной промышленности.— Текстильная промышленность, 1949, № 6.

Филиппов Н. А. Орудия рогожного промысла и способ производства работ.— Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. 4, 1897.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству.— М., 1969.

Фурман І. П. Крашаніна.— Віцебск, 1925.

Ходосов А. А. Ткачество деревни.— М., 1930.

Художественные промыслы РСФСР.— М., 1973.

Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники.— М.—Л., 1940.

Цытович Н. Кустарная промышленность в России (лен и полотно).— Киев, 1884.

Чернявский М. М. Исследования неолитических поселений на Кривинском могильнике.— В кн.: Доклады к конференции по археологии Белоруссии. М., 1969.

Чорны К. Слуцкія сарвэты.— Беларусь, 1945, № 10.

Шадурский И. В. Очерк Витебской губернии в географическом, гидрографическом и почвенном отношении.— Витебск, 1892.

Шапошников В. Г. Очерки развития текстильного дела в России.— Одесса, 1910.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. 3.— СПб, 1902.

Шерер А. Замечания о нынешнем состоянии обработки волокнистых ве-

ществ в России по случаю Московской выставки.— Журнал мануфактур и торговли, 1853, № 9.
Шлюбскі А. Крашаніна.— Віцебск, 1926.
Шмелева М. Н., Тазихина Л. В. Украшение русской крестьянской одежды.— Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970.
Шобич Ерина. Одежда и орнамент Сербии в этнографическом музее в Белграде.— Белград, 1956.
Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю.— СПб, 1853.
Экономика Белоруссии в эпоху империализма.— Мн., 1963.
Энгельгард А. И. О белении в России полотна.— Труды Вольного экономического общества, XII, 1790.
Эремич Я. Очерки белорусского Полесья.— Вестник Западной России, кн. 8—11, 1867.
Этнографический сборник, вып. 1.— СПб, 1853.
Якобсон А. Л. Ткацкие слободы и села в XVII в.— М., 1934.
Якунина Л. И. О трех курганных тканях.— Труды Государственного исторического музея, вып. 11, 1940.
Якуніна Л. І. Слуцкія паясы.— Мн., 1960.
Ястремский Ф. Стат-экономический очерк Минской губернии за 1896 г.— Мн., 1897.

Balčikonis Juzas. Audiniu Raštal.— Vilnius, 1961.
Banicka Dedina Žakorovce.— Bratislava, 1956.
Chętnik Adam. Strój kurpiowski Puszczy Zielonej.— Wroclaw, 1961.
Gavazzi M. Proslavenski tkalački stan i tkalačka daštica.— Zbornik za narodan život i običaje Južnich Slovena. kn. XXVI. Zagreb, 1926.
Glapa Adam. Strój Dzierżacki.— 1953.
Golębbiowski L. Ubiory w Polsce.— Kraków, 1861.
Gorski Stefan. Lud bialoruski.— Tygodnik Ilustrawany, t. 2, 1906.
Gruszecki Henryk. Podręcznik do nauki tkactwa.— Lwów, 1906.
Dekowski P. Strój sieradzki.— Wrocław, 1959.
Dwuosnowowe tkaniny białostockie.— Polska Stuka Ludowa, 7—12, 1950.
Kamińska J., Nachlik A. Wlókiennictwo gdańske w X—XIII w.— Akta Archeologiczna Uniwersitetu Lódzkiego, 6, 1958.
Kaznowska-Jarecka B. Strój bilgorajsko-tarnogrodzki.— Wrocław, 1958.
Kilko zarysów z życia wiejskiego w kobryńskiem powiece.— Wilno, 1950.
Kłoczkowski J. Wiadomosci o fabrykach i rękodielach w Polsce.— Kraków, 1850.
Klonowski F. Strój warmiński.— Wroclaw, 1960.
Kostrzewski Jozef. Kiedy zjawily się w Polsce krosna poziome.— Lud. I, 1954.
Kostrzewski Jozef. Kultura prapolska.— Poznań, 1962.
Lietuviu Liaudies Menas.— Vilnius, 1956.
Markova E. Myjavski platenka a pytelky.— Slovenski narodopis, 15, 1967.
Markova E. Slovenske prebrany tkaniny 15—19 st.— Slovenski narodopis, 16, 1968.
Markova E. Tyroba brdo.— Slovenski narodopis, 2, 1963.
Materialy do monografii przemyslu i sztuki w Polsce.— Wroclaw, 1930.
Matusek M. Ludowe tkactwo Lubelskie.— Lublin, 1963.

Moravkova M. Tools for processing spining fibers among western and eastern Slavs in the early historikal period.— Etnologia Slavika, t. 2, 1971.

Moszyński K. Kultura Ludowa Slowian.— Warszawa, 1967.

Moszyński K. Polesie wschodnie.— Warszawa, 1928.

Nachlik A. W sprawe rozwoju krosna tkackiego.— Kwartalnik historii Kultury Materialnej, 4, 1956.

Nachlik A. W sprawe pochodzenia tak zwanych dywanów dwuosnowowych.— Polska Sztuka Ludowa, 3, 1963.

Narodopisna wystawa československa.— Česki Lid, 4, 1896.

Niderle L. Život starych Slovanou.— Praha, 1921.

Okal K. Spracovane Lanu a konopi.— Bratislava, 1926.

Orynžyna Janina. Przemysl Ludowy w Polsce.— Warszawa, 1957.

Pietkiewicz Cz. Polesie rzeczycke.— Warszawa, 1928.

Pieciukiewicz M. Tradycyina uprawa i obróbka roslin wlóknistych w Polsce Pólnocnej.— Toruń, 1968.

Podalak Jan. Zprava o vyskume etnika w Madarsku.— Slvenski narodopis, 2, 1957.

Podalak Jan. Spracovane konopi v Dolnej Suši.—Slovenski narodopis, I. 1971.

Franko I. Ornamenty ruskie.— Tydzeń. Dodatek literacki do kurjera Lwówskiego, 1895.

Seweryn T. Strój krakowiaków wschodnich.— Wroclaw, 1960.

Smolinski J. Kaptur i namiotka na Bialorusi Litewskiej.— Ziemia, 9. Warszawa, 1911.

Stankova Litka. Vyroba rohoži na vertikalnym stanu ve Brerina ceskomoravskej vysocine.— Česki Lid, 6, 1958.

Starek Edyta. Strój spiski.— Poznań, 1954.

Swiezy Janusz. Strój podlaski (nadbużański).— Wroclaw, 1958.

Tallat-Kelpšaite G. Lietuviu Liaudies audiniai (1. Rankšluosčiai).— Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai, ser. A, 1966.

Tallat-Kelpšaite G. Lietuviu Liaudies audiniai (2. Lovatieses).— Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai, ser. A, 1967.

Tyszkiewicz E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym...— Wilno, 1847.

Wystawa Sztuki Ludowej zemeszkalych w Polsce Bialorusinów, Rosjan, Slowaków, Ukraińców, Zydów.— Kraków, 1960.

АННА
НИКОЛАЕВНА
КУРИЛОВИЧ

БЕЛОРУССКОЕ
НАРОДНОЕ
ТКАЧЕСТВО

Редактор Л. А. Шрубок
Художник Л. И. Бетанов
Художественный редактор
В. Ф. Гринкевич
Технический редактор
В. И. Крученок
Корректор Т. А. Зайцева

ИБ № 967
Печатается по постановлению РИСО АН БССР.

Сдано в набор 13.08.80. Подписано в печать 06.08.81. АТ 20562. Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бум. люксокром. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 8,77. Усл. кр.-отт. 78,48 тыс. Уч.-изд. л. 8,6. Тираж 4400 экз. Зак. № 1498. Цена 1 р. 80 к. Издательство «Наука и техника» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600. Минск, Ленинский проспект, 68. Типография им. Франциска (Георгия) Скорины издательства «Наука и техника». 220600. Минск, Ленинский проспект, 68.